ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 331.101.26

ТИПОЛОГИЗАЦИЯ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

© 2015 г. К.А. Устинова

Институт социально-экономического развития территорий РАН
160014, г. Вологда,
ул. Горького, д. 56а

The Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences
56A Gorkogo Str., Vologda, 160014

В статье представлен процесс формирования человеческого капитала с позиций широкого и узкого толкования, выделены этапы этого процесса. Определены критерии типологизации факторов формирования человеческого капитала (субъекты, сферы, направления формирования, результаты). Выделены группы факторов, влияющих на формирование и использование человеческого капитала.

Ключевые слова: *человеческий капитал, формирование и использование человеческого капитала, факторы воспроизводства человеческого капитала.*

The article presents broad and narrow interpretations of the process of human capital formation and specifies its stages; determines the criteria of classifying factors of human capital formation (by subject, sphere, direction and outputs). The study distinguishes the factor groups affecting the formation and use of human capital.

Keywords: *human capital, formation and use of human capital, factors of human capital reproduction.*

Организационные изменения, смена технологий, усиление конкуренции между предприятиями приводят к необходимости обеспечения эффективного производственного процесса и сопровождаются повышением требований со стороны работодателей к квалификации персонала (Бартел и др., 2002; Борганс и Тер Виил, 2004; Ваткинс и Марсик, 1993, Госал, 2002; Лалл, 2001). Обеспечение соответствия этим требованиям достигается благодаря высокому образовательному и квалификационному уровню, а также за счет их развития путем участия населения в курсах переподготовки. Соответственно, решение стратегической задачи, связанной с инновационным развитием территории, в заметной степени определяется особенностями формирования человеческого капитала.

Этот процесс характеризуется исследователями в широкой и узкой трактовке. С позиций широкого толкования акцент делается на его осуществлении через различные формы жизнедеятельности (образование, здравоохранение, сферу культуры) путем предоставления этими сферами услуг, направленных на накопление производительных способностей. Формирование человеческого капитала в данном случае *можно определить как процесс создания производительных способностей человека путем инвестирования в образование, переподготовку и повышение квалификации, в повышение культурного уровня, в сохранение и укрепление здоровья* [1].

В соответствии с узкой трактовкой *формирование человеческого капитала рассматривается как процесс, направленный на накопление знаний, умений и навыков и воспроизводящийся на протяжении всей жизни за счет привлечения инвестиций*. Подчеркивается, что он осуществляется в период активной трудовой деятельности преимущественно в сфере образования, воспитания. Образование и производственная подготовка способствуют увеличению объемов человеческого капитала, повышают уровень и запас знаний, создают предпосылки для их реализации в деятельности. Таким образом, в соответствии с узкой трактовкой человеческий капитал формируется как за счет основной, так и дополнительной переподготовки и повышения квалификации.

В общем виде в жизненном цикле человеческого капитала можно выделить как минимум две стадии, на одной из которых он формируется (инвестиционный период), а другая связана с его использованием [2]. Поскольку его формирование представляет собой долгосрочный стратегический процесс накопления производительных способно-

стей человека, продолжающийся в течение всей его жизни, можно выделить несколько этапов этого процесса.

Первый этап – период накопления потенциала здоровья, приобретения базовых знаний, умений и навыков, социализации личности. Этот этап включает в себя несколько фаз: зарождение (период от рождения ребенка до поступления в детский сад); базовое развитие (воспитание в детском саду, обучение в общеобразовательной школе, дополнительное образование детей); получение профессиональных знаний путем обучения в учреждениях среднего и высшего профессионального образования.

Второй этап характеризуется формированием профессиональной позиции, развитием профессиональных и личностных компетенций, максимальной отдачей от инвестиций в человеческий капитал. С одной стороны, происходит приобретение профессиональных компетенций, с другой – их использование в трудовой деятельности.

Третий этап исследователи называют старением или истощением – периодом снижения общественной, трудовой и творческой активности, утраты некоторых профессиональных навыков и компетенций, выхода на пенсию.

На каждом из этапов формирования человеческого капитала осуществляются инвестиции индивидом, семьей, фирмой, государством. В инвестировании на первых этапах жизненного цикла участвуют семья и государство, при этом постоянное развитие человеческого капитала приводит к необходимости увеличения вложений на эти цели. Лишь во время трудовой деятельности, в период формирования профессиональных компетенций, организации вкладывают в накопление специфического человеческого капитала. На третьем этапе величина инвестиций со стороны фирм снижается, и вновь становится необходимым активное участие государства и населения в поддержании жизнедеятельности личности.

Первые два этапа характеризуются увеличением стоимости человеческого капитала в связи с ростом количества приобретенных знаний, умений и навыков и их реализацией в трудовой деятельности. Однако уже на втором этапе возможно несколько вариантов изменения стоимости человеческого капитала. Если население занято интеллектуальным высокопроизводительным трудом, занимается переподготовкой и повышением квалификации, то стоимость человеческого капитала может расти, а если занятость связана со сферой физического труда, то накопленные навыки теряются, стоимость человеческого капитала может снижаться.

В целом можно отметить, что формирование человеческого капитала осуществляется в сфере образования и воспитания подрастающего поколения, обеспечивается в период активной трудовой деятельности. То есть на протяжении всего жизненного цикла человека происходит формирование человеческого капитала, в одном случае общего, в другом – специфического. Этапы формирования человеческого капитала более детально представлены в таблице 1.

Таблица 1. **Этапы формирования человеческого капитала**

<table>
<tr><td rowspan="2">Формирование человеческого капитала</td><td colspan="5">Годы жизни</td></tr>
<tr><td>До 7 лет</td><td>От 7 до 17-18 лет</td><td>От 17-18 до 20-25 лет</td><td>От 17 до 55 и более лет</td><td>От 55-60 лет и далее</td></tr>
<tr><td>Направление</td><td>Воспитание</td><td>Общее образование</td><td>Профессиональное образование</td><td>Трудовая деятельность</td><td>Пенсионный период</td></tr>
<tr><td>Виды формируемого человеческого капитала</td><td colspan="2">Культурно-нравственные начала, интеллектуальный и организационно-предпринимательский</td><td>Трудовой, интеллектуальный, организационно-предпринимательский</td><td colspan="2">Воспроизводство всех видов человеческого капитала</td></tr>
<tr><td rowspan="4">Источники инвестиций</td><td colspan="5">Собственный труд и усилия</td></tr>
<tr><td colspan="5">Расходы семьи и заработная плата родителей (родственников)</td></tr>
<tr><td colspan="2"></td><td colspan="3">Инвестиции фирмы</td></tr>
<tr><td colspan="5">Бюджетные средства государства</td></tr>
<tr><td colspan="6">Источник: составлено автором по [13].</td></tr>
</table>

Первые три этапа соответствуют периоду формирования базового капитала, а четвертый – специфического человеческого капитала. В этот период продолжается накопление человеческого капитала и начинается его использование.

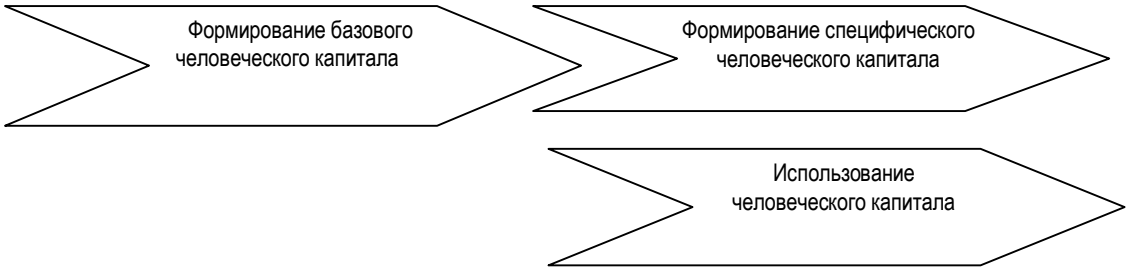

Рисунок 1. Формирование и использование человеческого капитала

На каждом этапе жизненного цикла на формирование человеческого капитала могут оказывать влияние различные факторы, среди них личностные способности учащихся, уровень образования родителей, величина инвестиций в образование детей, качество преподавания и учебных материалов, удаленность от школы, семейные традиции, социальные связи, социально-экономическая ситуация в регионе [3].

К наиболее значимым из числа данных факторов зарубежные учёные относят следующие:

– *врожденные индивидуальные способности* (высокий уровень врожденных способностей может в будущем ускорять приобретение новых знаний; Вейкер и Томес, 1979, 1986; Гринвуд и Сешадри, 2002);

– *образование родителей* (более образованные родители обладают более высоким уровнем знаний, способностей и передают их детям; обладают большей информацией, принимая решения; уровень их дохода позволяет получать качественное медицинское обслуживание и образовательные услуги [4]; Коулман и др., 1966; Ханушек, 1986; Фучс и Реклис, 1994; Галор и Тсиддон, 1994 и 1997; Хасслер и Родригес Мора, 2000). Трудоустройство в фирмах Индии члена семьи старшего возраста увеличивает прибыли организаций на 14%, а увеличение продолжительности обучения самого образованного члена семьи – на 8,5% (Розензвейг и Волпин, 1985);

– *социальное положение населения* как один из социальных факторов (социальные факторы влияют на формирование человеческого капитала посредством обучения в образовательном учебном заведении и установления социальных контактов, что приводит к росту доходов населения и развитию человеческого капитала [5]; экономические агенты предпочитают трудоустраиваться по тем направлениям, которые обеспечивают им социальный престиж, однако требуют более высокого уровня развития человеческого капитала; Давис и Мур,1945; Трейман, 1977);

– *налоговая политика* (высокий уровень подоходных налогов может снижать мотивацию к накоплению человеческого капитала; Бен-Порет, 1967; Боскин, 1974; Лукас, 1990; снижать отдачу от инвестиций в человеческий капитал; Стоки и Ребело, 1995; или не приводить ни к положительному, ни к отрицательному эффекту [6]);

– *культурные факторы* (нормы морали и нравственности); высокий культурный уровень способствует росту производительности труда, созданию нового знания, ускорению создания новшеств и продукции на их основе и тем самым экономическому росту (Кассон, 1993; Коззи, 1998; Грей, 1996; Лейзир, 1999);

– *идеологические факторы* (оказывают положительное влияние на производительность труда, формирование нового знания и производство нового продукта; Норт, 1981; Розенберг и Бирдзел, 1986; обоснована положительная взаимосвязь между конфуцианскими ценностями и экономическим ростом в западных и азиатских странах; Франки, 1991; Грей, 1996).

Таблица 2. **Факторы, влияющие на формирование человеческого капитала**

Группы факторов	Факторы, входящие в группу
Демографические	– численность населения; – половозрастная структура населения; – ожидаемая продолжительность жизни при рождении.
Институциональные	– законодательные акты, регулирующие демографические процессы; – законодательные акты, регулирующие социально-трудовую сферу; – государственная политика в сфере социального и человеческого развития.
Интеграционные	– уровень сотрудничества с другими странами мира; – уровень распространения транснациональных компаний; – поддержка населением страны глобализационных процессов.
Экологические	– общее экологическое состояние; – качество питьевой воды и продуктов питания; – природно-климатические условия; – санитарно-гигиенические условия труда
Экономические	– номинальные и реальные доходы населения; – показатели бедности; – доступность товаров и услуг; – уровень инфляции; – кредитно-финансовый механизм; – налоговая система; – уровень специализации и кооперации производства
Производственные	– рынок труда, спрос на рабочую силу; – условия использования рабочей силы; – повышение квалификации; – социальное развитие персонала.
Источник: составлено автором по [23].	

Обобщая, отметим, что на формирование человеческого капитала влияют разные факторы: демографические, социальные, экономические, технико-технологические, институциональные, культурные. Типологизация факторов представлена в таблице 2.

В исследовании факторы структурированы не только в зависимости от сферы влияния на формирование человеческого капитала, но и с учетом других признаков. Это в значительной степени расширяет традиционный взгляд на процесс формирования человеческого капитала в целом и с учетом отдельных его составляющих, например субъектов (табл. 3).

Таблица 3. **Факторы, влияющие на формирование человеческого капитала**

Признак типологизации факторов	Факторы, влияющие на формирование человеческого капитала
По субъектам формирования человеческого капитала	– индивид; – семья; – предприятия; – муниципальные, региональные и федеральные органы власти
По сферам формирования	– образовательная сфера; – сфера здравоохранения; – сфера культуры; – трудовая сфера и др.
По инвестированию в человеческий капитал	– инвестиции населения, частных и государственных институтов; – инвестиции в образование, повышение уровня здоровья и культуры; – инвестиции в основной и специфический человеческий капитал
По этапам формирования человеческого капитала	– воспитание и развитие детей, формирование всех подсистем организма, освоение основ культуры и норм общества; – обучение в школе: выявление индивидуальных способностей и ориентаций детей, формирование базового объема знаний в области естественных, общественных и гуманитарных наук, завершение социализации личности, осознание прав и обязанностей; – получение профессионального образования: формирование квалификации, профессиональных способностей выполнять конкретные виды работ на рабочих

	местах
По характеру влияния на формирование человеческого капитала	– факторы прямого и косвенного воздействия; – факторы, оказывающие экстенсивное (общая численность населения региона, численность экономически активного населения, уровень безработицы) или интенсивное влияние (мобилизация внутренних ресурсов и возможностей индивидов).
По результатам формирования человеческого капитала	– положительные результаты (высокий уровень образования и квалификации); – отрицательные результаты (подростковая преступность, девиантное поведение).
Источник: составлено автором по [24].	

Факторы, входящие в каждую из обозначенных групп, могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на формирование человеческого капитала. К группе факторов с положительным влиянием отечественные исследователи (В.В. Ложко, В.А. Жук и др.) относят доступную качественную медицинскую помощь, предоставление качественных образовательных услуг, развитую науку и инновационную деятельность, высокий уровень развития культуры, качество жизни, соответствующее установленным государственным стандартам, эффективное государственное управление. Кроме того, учитываются такие аспекты, как демографическая ситуация, изменение спроса на рабочую силу, прогресс в области техники и технологий (информационные технологии и дистанционные формы организации труда), рациональное, сберегающее использование природных ресурсов (Д. Чернейко).

К группе факторов с отрицательным влиянием на формирование человеческого капитала относят неэффективность системы профессионального образования, сохранение разрыва между требованиями инвесторов к профессиональным качествам работников и возможностями системы подготовки и переподготовки кадров удовлетворять эти требования, нежелание руководителей на систематической основе заниматься вопросами переподготовки и повышения квалификации работников, непродуманная политика в сфере занятости, невыгодное положение российских работников в системе международной трудовой миграции (выезд из страны квалифицированных кадров и въезд преимущественно неквалифицированных) [7].

Подобное воздействие могут оказывать неэффективные институты и управленческие технологии, низкое качество жизни, неэффективно функционирующая система образования, наука, здравоохранение. Все это приводит к обесценению знаний, невостребованности навыков и, следовательно, снижает эффективность использования человеческого капитала, а также его стоимость. Одним из негативных проявлений формирования человеческого капитала выступает невовлеченность части населения в производстве ВВП, осуществление противоправной, мошеннической деятельности. Среди этой группы населения – некомпетентные управленцы и специалисты, коррумпированные чиновники, лжеученые и лжеинноваторы, которые наносят вред науке, обществу, экономике [8].

Определяя направление воздействия вышеобозначенных факторов на формирование человеческого капитала, следует подчеркнуть, что большинство из них могут оказывать положительное влияние, приводя к созданию новых знаний, формируя предпосылки для производства новшеств и тем самым для экономического роста той или иной территории. То есть практически все факторы напрямую или опосредованно воздействуют на образовательный компонент, способствуя его развитию, а значит и развитию человеческого капитала в целом, что в дальнейшем может приводить к благоприятным экономическим последствиям.

Можно заключить, что действие положительных факторов сопровождается повышением образовательного, профессионального уровня населения, ростом творческой и инновационной активности и благоприятными экономическими результатами. В то время как отрицательные факторы оказывают такое воздействие на формирование человеческого капитала, которое приводит как к прямым (недополученная прибыль, убытки, необходимость дополнительных инвестиций), так и к косвенным экономическим издержкам (низкий квалификационный уровень подготовки специалистов и др.). Появление отрицательных факторов, влияющих на формирование человеческого капитала, может быть

обусловлено отсутствием систематических целенаправленных управленческих воздействий на каждой стадии жизненного цикла человеческого капитала [9]. Это актуализирует изучение аспектов, связанных с управлением формированием человеческого капитала, и с ролью государства в этом процессе.

Одной из групп факторов, влияющих на формирование человеческого капитала, являются «субъекты». Семья представляет собой основное звено воспроизводства человеческого капитала, в ней рождаются дети, создаются условия для их воспитания, обучения и последующей социализации, т.е. среда для накопления и развития способностей ее участников [10]. Как отмечается исследователями, часть ответственности за получение образования, обеспечение здоровья и жилья вследствие несбалансированности государственного бюджета переносится на домохозяйства. Однако, поскольку среди них растет дифференциация по доходам, это приводит к снижению их инвестиционного потенциала и возможностей для формирования человеческого капитала [11].

Другим не менее важным субъектом, участвующим в формировании человеческого капитала, являются организации. Их налоговые поступления формируют доходную часть бюджета, которая впоследствии расходуется на образовательные и другие цели [12]. Кроме того, предприятия участвуют в развитии малого и среднего бизнеса, интеллектуальных производств, формируя спрос на персонал в различных отраслях экономики. Эти субъекты экономических отношений могут участвовать в формировании человеческого капитала, опираясь на несколько моделей – обеспечивая экономическое благосостояние и потребности трудового коллектива (предоставление льгот, гарантий, осуществление профессиональной переподготовки, улучшение пенсионного и жилищного обеспечения) или урезая социальные вложения [13].

Вместе с тем в некоторых случаях организации не могут эффективно участвовать в этом процессе. Это обусловлено нестабильностью внешней среды, использованием неэффективной модели корпоративного управления, плохим финансовым положением, несоответствием спроса и предложения на рынке труда и другими аспектами. Подобные обстоятельства ориентируют организации скорее на стратегию выживания, чем на долгосрочные планы по развитию, в т.ч. кадров.

Учитывая, что иногда как домохозяйства, так и организации не могут создать условий для эффективного формирования и использования человеческого капитала, можно констатировать, что становится необходимым и востребованным государственное регулирование этих процессов. Оно ориентировано, в первую очередь, на формирование и реализацию государственной социально-экономической политики, направленной на инвестирование в образование, культуру, здравоохранение, на обеспечение социальной помощи нуждающимся слоям населения, решение проблем с трудоустройством, с обеспечением дотаций на оплату жилья. Однако иногда и государству не под силу урегулировать проблемы, связанные с формированием человеческого капитала. Подобное может быть обусловлено ростом теневой экономики, неэффективностью системы исполнения законов и ростом преступности. Все это оказывает негативное влияние на формирование человеческого капитала.

Государственное регулирование этого процесса может быть как прямым, так и косвенным. Последнее связано с созданием условий, способствующих творчеству или препятствующих ему, создающих стимулы к самосовершенствованию или приводящих к социальной апатии и застою. При этом органы госуправления должны анализировать функционирование институтов обеспечения широкого доступа к образованию, стимулировать научно-технический прогресс, поддерживать инновационные направления развития экономики [14]. Основная цель государства состоит в достижении конкурентоспособности российской экономики посредством обеспечения достойного качества жизни населения, высокого уровня развития предпринимательской культуры, эффективной политики занятости, системы обеспечения экономики квалифицированными кадрами, внедрением в производство инновационных разработок и технологий [15].

Формирование человеческого капитала является результатом реализации системы взаимосвязанных между собой процессов, предполагающих не только учет вклада образования и здравоохранения, но и влияние семьи, неправительственных и промышленных организаций и общества в целом [16].

Результат формирования человеческого капитала – накопленные способности и навыки, которые целесообразно используются в той или иной деятельности. При этом использование человеческого капитала может быть как эффективным, так и неэффективным (большое значение имеет учет изменений социально-экономической ситуации на региональном и федеральном уровнях).

Человеческий капитал и образование как его составляющая оказывают положительное влияние на темпы и качество экономического роста при условии эффективного и рационального использования. Последнее предполагает реализацию накопленного человеческого капитала в производственно-коммерческой деятельности, переход из потенциальной формы человеческого капитала в актуализированную, реальную [17].

Этот процесс является составляющей воспроизводства человеческого капитала. При этом на первом этапе воспроизводственного процесса происходит формирование способностей (приобретение необходимого уровня образования, совершенствование профессиональных навыков), на втором – реализация приобретенных способностей в производственной, политической или культурной деятельности. Реализация человеческого капитала включает несколько этапов: диагностику исходного состояния человеческого капитала, разработку мероприятий по совершенствованию и более эффективному использованию, осуществление мероприятий, анализ полученных результатов.

Сформированные навыки и способности населения проявляются как в простом, так и в более квалифицированном труде. При этом на формирование более развитой рабочей силы требуются б**о**льшие вложения и соответственно она имеет б**о**льшую стоимость воспроизводства. Вместе с тем более квалифицированная рабочая сила создает и б**о**льшую стоимость, чем простая [18].

Процесс использования человеческого капитала на индивидуальном уровне сопровождается повышением производительности труда, отражается на результативности трудовой деятельности, на организационном уровне приводит к повышению вклада каждого работника в достижение целей организации, на страновом уровне сопровождается получением общественной и государственной пользы. Поэтому можно отметить, что эффективное использование человеческого капитала вызывает рост вознаграждения за труд и улучшение качества жизни населения, социально-экономическую стабильность [19]. В целом *использование человеческого капитала* можно определить как процесс, связанный с реализацией в различных видах деятельности (в экономической, политической и др.) накопленного образовательного и профессионального потенциала населения, сопровождающийся ростом государственного и общественного благосостояния, на индивидуальном уровне – увеличением производительности труда и заработной платы.

Использование человеческого капитала характеризуется как одна из стадий его кругооборота, наряду с формированием. На этом этапе знания и умения могут реализовываться в виде услуг труда в различных отраслях народного хозяйства, приобретая стоимость. Использование человеческого капитала связано с трудовой деятельностью, с производством для общества продуктов и услуг, в т.ч. инновационного характера. Однако он реализуется не только в труде, но и в деятельности, не связанной с использованием рабочего времени: воспитание детей, ведение личного подсобного хозяйства и др. [20]. В целом же следует подчеркнуть, что на этапе использования человеческого капитала становятся более интенсивными процессы производства и потребления услуг, растет деловая активность населения, происходят преобразования среды «под себя» и подстраивание «себя под среду», усиливаются межличностные связи. Подобные преобразования сопровождаются ростом доходов и индивидуального благосостояния населения, увеличением прибыли организаций и другими благоприятными экономическими и социальными последствиями. Таким образом, процесс использования человеческого капитала можно разделить на такие этапы, как реализация в трудовой и иных видах деятельности накопленного потенциала, получение экономических (заработная плата, прибыль) результатов. Высокая оплата труда в значительной степени оказывает влияние на запуск последующего цикла воспроизводства человеческого капитала, создавая предпосылки для мотивации экономических агентов к инвестированию денежных средств в повышение образовательного и профессионального уровня населения или, напротив, снижая мотивацию (в том случае, когда, например, затраты труда выше, чем полученный

размер вознаграждения). Низкий уровень мотивации приводит к необходимости регулирования со стороны организаций и государства использования человеческого капитала.

На использование человеческого капитала оказывают влияние различные факторы, среди них внутренние (связанные с функционированием региональной экономической системы) и внешние (связанные с функционированием национальной экономики). К внутренним факторам относят природно-климатические, экологические, демографические условия в границах данной территории, к внешним – макроэкономические условия, степень государственного воздействия на экономику, отраслевую структуру экономики, бюджетно-налоговую, кредитно-денежную политику, общественно-политические факторы, условия социальной среды, культурные и религиозные традиции.

Факторы, влияющие на использование человеческого капитала, можно классифицировать по таким признакам, как результативность использования (эффективные / неэффективные), по характеру влияния (внутренние / внешние). Внутренние факторы связаны прежде всего с индивидуальными характеристиками населения, а также отчасти с влиянием ближнего окружения, в то время как внешние – с социально-экономическими и политическими изменениями на федеральном, региональном, муниципальном уровнях (табл. 4).

Таблица 4. **Классификация факторов, влияющих на использование человеческого капитала**

По характеру влияния	По результативности влияния	
	Способствующие эффективному использованию человеческого капитала	Приводящие к неэффективному использованию человеческого капитала
Внутренние	– подготовка специалистов, обладающих высокой квалификацией, способных создавать новые методы труда; – использование опыта старших поколений; – принципиальное обновление всей системы трудовых отношений.	– превышение часов простоя над отработанным временем; – невыполнение плановых заданий; – снижение качества работы; – нарушение кооперативных связей по горизонтали и по вертикали между сотрудниками.
Внешние	– устранение барьеров, препятствующих профессиональной и территориальной мобильности; – разработка и внедрение новой техники и технологий, научных исследований; – создание среды, необходимой для производства инноваций.	– рассогласование между структурой спроса и предложения на рынке труда; – несоответствие между сложившимся типом занятости и типом экономического развития; – неудовлетворительное социально-экономическое положение организаций.
Источники: составлено по [25].		

Процесс использования человеческого капитала может приводить к благоприятным и неблагоприятным последствиям. С одной стороны, он сопровождается повышением заработков и тем самым доходов населения, ростом прибыли, усилением конкурентоспособности организаций, увеличением общественной и государственной пользы, а также инициировать инновационную активность населения и, следовательно, способствовать инновационным преобразованиям на территориях.

С другой стороны, в условиях трудоустройства не по специальности, несоответствия квалификации требованиям рабочих мест или в период кризисных явлений в экономике рассматриваемый процесс приводит к распространению безработицы, неформальной занятости, к низкому уровню доходов части работников. В ряде случаев имеет место недоиспользование человеческого капитала, которое связано с несоответствием между уровнем образования работника и его профессионально-квалификационным статусом [21]. Как следствие – накопленный образовательный и профессиональный потенциал не реализуется в должной степени в деятельности. Это обусловлено тем, что работник с высокой образовательной подготовкой занимается малоквалифицированными видами труда или специальность, по которой он работает, не соответствует полученной в учебном заведении.

Такая проблема была распространена и в СССР, где уровень развития человеческого капитала и технических достижений был одним из самых высоких в мире, а эф-

фективность использования трудовых и других видов ресурсов – низкой. Отчасти это связывают с использованием планово-директивных методов, вследствие чего неравномерно распределялись ресурсы, в т.ч. трудовые. Кроме того, стимулирующие меры воздействия на персонал со стороны предприятий были ограничены из-за жесткого регламентирования тарифных ставок и должностных окладов. Это приводило к тому, что уровень заработной платы работников как вознаграждения за реализацию накопленного потенциала определялся, исходя не из их способностей и навыков, а из политических, отраслевых, территориальных приоритетов развития народного хозяйства [22].

В качестве результатов теоретических аспектов исследования воспроизводства человеческого капитала и факторов, его определяющих, можно отметить следующее:

1. Установлено, что формирование и использование человеческого капитала представляют собой взаимосвязанные процессы, протекающие на протяжении всей жизни человека, составляющие процесс воспроизводства человеческого капитала.

2. Выявлены стадии воспроизводства человеческого капитала, среди них период накопления потенциала, включающий рождение, воспитание, базовое развитие; период формирования и развития профессиональных компетенций; период снижения общественной, трудовой, творческой активности. Определено, что друг от друга этапы отличаются субъектами, участвующими в процессах, величиной инвестиций.

3. Структурированы факторы, влияющие на формирование человеческого капитала, по таким признакам, как субъекты формирования, сферы, этапы, характер влияния на процесс формирования, результаты формирования. Среди данных факторов выделены такие, как индивидуальные способности, образование родителей, социальное положение населения, налоговая политика, идеологические факторы.

4. Определены этапы использования человеческого капитала, предполагающие реализацию в трудовой или иных видах деятельности накопленного потенциала и получение экономических и других результатов. Последнее оказывает значительное влияние на запуск последующего цикла воспроизводства человеческого капитала, создавая предпосылки для мотивации экономических агентов к инвестированию денежных средств в повышение образовательного и профессионального уровня населения или, напротив, снижая мотивацию (в том случае, когда, например, затраты труда выше, чем полученный размер вознаграждения).

5. Типологизированы факторы, влияющие на использование человеческого капитала, по характеру влияния (внутренние / внешние) и результативности использования (эффективное / неэффективное использование). Внутренние факторы связаны прежде всего с индивидуальными характеристиками населения, а также отчасти с влиянием ближнего окружения, в то время как внешние – с социально-экономическими и политическими изменениями на федеральном, региональном, муниципальном уровнях.

6. Показана необходимость государственного регулирования формирования и использования человеческого капитала в случае недейственных институциональных мер (законодательное регулирование демографической, социально-трудовой сферы), в условиях неэффективного влияния макроэкономических параметров (социально-экономическая ситуация в стране и в регионе, налоговая политика и др.) на использование человеческого капитала.

Литература

1. Овчинникова Т.И. Человеческий капитал как фактор экономического роста современного предприятия // URL: http://www.kapr.ru/articles/ 2005/10/4340.html
2. Человеческий капитал: содержание, виды, оценка и стимулирование: Монография / В.Т. Смирнов, И.В. Сошников, В.И. Романчин, И.В. Скоблякова. М.: Машиностроение-1, Орел: ОрелГТУ, 2005.
3. Daniel Mejia and Marc St-Pierre1. Unequal Opportunities and Human Capital Formation / Daniel Mejia and Marc St-Pierre1, 2004.
4. Paul A David. Knowledge, Capabilities and Human Capital Formation in Economic Growth / working paper 01/13 / Paul A David. Wellington, 2001.
5. Maria Rosaria Carillo. Human capital formation in the new growth theory: the role of 'social factors' // URL: http://www.econ.tuwien.ac.at/hanappi/AgeSo/rp/Carillo _2002.pdf

6. Theo Eicher. Effects of differential taxation on factor accumulation and growth / Theo Eicher, Stephen Turnovsky, Maria Carme Riera i Prunera. Barcelona: Department of Econometrics, Statistics and Spanish Economics, 2002.
7. Чернейко Д.С. Прогноз воспроизводства человеческого капитала // URL:http://www.chelt.ru/2001/3/ cherneiko_3.html
8. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал: сущность и развитие // URL:http://www.lerc.ru/?part =articles&art=3&page=16
9. Кузнецова Н.В. Модель жизненного цикла человеческих ресурсов / Н.В. Кузнецова, И.Г. Носырева // Известия ИГЭА. 2009. № 3(65).
10. Ящук А.И. Роль семьи в формировании человеческого капитала // Проблемы управления. 2011. № 4(41).
11. Трофимова Ю.А. Проблемы формирования человеческого капитала России // URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2010/pdf/13/118a.pdf
12. Курчидис К.В. Оценка чистой стоимости человеческого капитала // Ярославский педагогический вестник. 2011. №2. Т. 1 (Гуманитарные науки).
13. Хачатрян О.А. Рыночный спрос на человеческий капитал // ОрелГИЭТ. 2010. № 3(13).
14. Плискевич Н.М. Динамика человеческого капитала в трансформирующемся обществе // URL: http://www.kapital-rus.ru/articles/article/179029/
15. Савченко В.В. Модели воспроизводства человеческого капитала в современном российском обществе // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 1 (22).
16. Malcolm Menzies. Scholarships, fellowships and human capital formation in national innovation systems / Malcolm Menzies, Helena Barwick, Victoria Link // URL: http://www.morst.govt. nz/Docu-ments/publications/ evaluations/ Scholarships-Evaluation.pdf
17. Самородова Е.М. Накопление и рыночная реализация человеческого капитала – основа формирования и эффективного использования инновационных кадров для России // URL: http://www.orelgiet.ru/18_sam_28 _02_12.pdf
18. Маркс К. Соч. Т. 23 [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
19. Печеная Л.Т. Повышение роли человеческого капитала в современных условиях развития экономики // URL: http://psyjournals.ru/files/63182/40_Pechenaya.PDF
20. Хайкин М.М. Процессы воспроизводства человеческого капитала на стадии роста сферы услуг // Труд и социальные отношения. 2010. №6.
21. Гимпельсон В.Е. Выбор профессии: чему учились и где пригодились? / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, Т.С. Карабчук // Экономический журнал ВШЭ. 2009. № 2.
22. Стукен Т. Человеческий капитал как фактор дифференциации заработной платы: субъективные и объективные аспекты / Т. Стукен, Т. Бабенко // URL: http://www.socpol.ru/ rantprog/df/ tuken.pdf
23. Боровских Е.А. Эффективность инвестиций в человеческий капитал // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. Т.1 (Гуманитарные науки).
24. Беляева С.С. Роль человеческого капитала в развитии предприятия // URL:http://www.creativeconomy.ru/articles/2531/
25. Бойко, Ю.П. Рациональное использование человеческого капитала для совершенствования деятельности организации // URL:http://www.top-personal.ru/issue.html?2600; Здравоохранение в России 2011: стат. сб. / Росстат. М., 2011 Клименков Г.В. Инновационное социально-экономическое развитие региона: проблемы и возможности // Журнал экономической теории. 2006. № 4; Скоблякова И.В. Циклы воспроизводства человеческого капитала: монография. М.: 2006; Чекмарева Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2.

УДК 316.7

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОБЩЕСТВА: ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА НА ДОСТУПНОСТЬ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

© 2015 г. А.М. Старыгина

Ростовский социально-экономический институт
344019, г. Ростов-на-Дону,
ул. 16-я линия, д. 7в

Rostov Social and Economic Institute
7V, 16 Liniya,
Rostov-on-Don, 344019

В статье рассмотрена актуальная для современной России проблема влияния социального неравенства на сферу образования. Обращается внимание на негативные последствия социального неравенства при получении образования для развития модернизационного потенциала российского государства и его образовательной сферы.

Ключевые слова: *образование, социальное неравенство, культурный капитал, социальный капитал, модернизация.*

The article considered the topical issue of the influence of social inequality in the education sector. It draws attention to the negative consequences of social inequality in getting education for the development of the modernization potential of the Russian state and its educational services.

Keywords*: education, social inequality, cultural capital, social capital, modernization.*

Система образования играет важную роль в социокультурной, экономической, политической жизни общества. В современном мире, учитывая высокую динамику его развития, стремительные изменения инновационного характера в экономике, культуре, науке и технологиях, задачи по совершенствованию системы образования приобретают стратегическое значение. В Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. подчеркивается, что образовательная система страны должна быть ориентирована на обеспечение доступности качественных образовательных услуг для каждого гражданина России [1]. Значимость института образования для современного российского общества актуализирует научный дискурс о проблемах образования.

Изучение феномена образования, его роли в современном мире подразумевает необходимость обращения к существующим в социологической науке научно-теоретическим подходам к исследованию рассматриваемой дефиниции. В настоящее время существует внушительное количество научно-теоретических исследований, посвященных различным аспектам институциональной и функциональной модернизации системы образования.

Задача обеспечения доступности образования, стоящая перед современным российским обществом, побуждает нас обратиться к более подробному рассмотрению проявлений социального неравенства в образовательной сфере.

Как отмечает греческий социолог Василики Кантзара, в основе современного социологического дискурса об образовании лежит отношение системы образования к обществу [2]. Сформировалось две парадигмальные традиции объяснения роли образования в современном социуме. Согласно первой, восходящей к марксистской социологии, образование является механизмом воспроизводства социального неравенства. Вторая парадигма утверждает, что образование представляет собой инструмент утверждения равенства, поскольку посредством получения образования индивид может существенно повысить свои социально-статусные позиции.

Фундаментальные основы трактовки образования как механизма социокультурного и социально-экономического воспроизводства формировались в рамках марксистской

традиции социальных исследований и в современной социологической науке развивались П. Бурдье, работы которого можно охарактеризовать как классические для данной парадигмы [3]. В концепции П. Бурдье образование рассматривается как совокупность институциональных механизмов, транслирующих социокультурные ценности на межпоколенческом уровне. То есть, мы наблюдаем достаточно традиционное понимание образования в качестве механизма воспроизводства, однако, в отличие от классической социологии, П. Бурдье обращается к выявлению роли образования не только в культурном, но и в социальном воспроизводстве. П. Бурдье, анализируя специфику организации социального пространства, выделяет три формы капитала – экономический, культурный и социальный, при этом два последних капитала выступают в качестве производных от капитала экономического.

Социально-модернизационные сдвиги в развитии общества привели к усложнению возможности межпоколенной передачи экономического капитала, что повлекло за собой выдвижение в качестве наиболее оптимальной и адекватной современным условиям формы воспроизводства капитала передачи культурного капитала. С помощью культурного капитала в современном обществе происходит большая часть воспроизводства социальных позиций. В свою очередь, механизмом передачи культурного капитала является, прежде всего, система образования, призванная контролировать и регулировать характер его распределения в обществе. Легитимация социального неравенства и отношений власти и подчинения в современном социуме во многом происходит в процессе трансляции культурного капитала посредством системы образования.

Наличие качественного и престижного образования позволяет индивидам занимать высокие ступени социальной иерархии, выступая в качестве одного из определяющих факторов восходящей социальной мобильности. При этом если в индустриальную эпоху доступность высшего образования обусловливалась, прежде всего, экономическими факторами – уровнем доходов семьи, позволяющими производить оплату обучения, то в современном обществе на приоритетные позиции выходят компоненты культурного и социального капитала.

Возможности получения качественного образования в большей степени находятся в зависимости от социальных факторов – места проживания семьи (проживание в столице или крупном городе автоматически повышает шансы на получение качественного образования), социальных связей родителей, и культурных факторов – образования и рода профессиональной деятельности родителей и других членов семьи, характера воспитания, школьной и внешкольной подготовки. Перечисленные факторы формируют объективные ресурсы индивидов, которые могут быть ими использованы в процессе получения образования. Но важная роль отводится П. Бурдье и субъективным факторам, к которым относится самооценка абитуриента, уровень его личных амбиций, выбранная жизненная стратегия.

Таким образом, возможности индивидов в социальной системе современного общества детерминированы культурным и социальным капиталом. Культурный капитал включает уровень образования, качество образования, выбранный профиль образования (профессию), тогда как наличие социального капитала определяется занятием определенных статусных позиций в профессиональной иерархии и связанными с ним социальными связями. В сфере обладания культурным и социальным капиталом в современном социуме наблюдается существенное неравенство между индивидами и группами индивидов, которое выступает в качестве ключевого детерминирующего фактора неравенства реальных возможностей получения высшего образования.

Развивая концепцию П. Бурдье, М.Л. Максимова подчеркивает, что выбор индивидом стратегии получения образования определяется совокупностью объективных (культурный и социальный капитал семьи) и субъективных (личные установки на получение образования) факторов [4, с. 273-279]. Высокий уровень социальной дифференциации населения, в том числе и в сфере обладания социальным и культурным капиталами, предопределяет, таким образом, неравенство шансов абитуриентов вузов из разных семей и населенных пунктов в получении качественного образования и, соответственно, формировании и последующей реализации жизненных стратегий. Обладая высоким исходным культурным и социальным капиталом, абитуриент может выбрать наиболее престижную профессию и учебное заведение, что впоследствии повысит его востребован-

ность на рынке труда и конкурентоспособность при занятии значимых должностных позиций.

Выходцы из семей с низким культурным и социальным капиталом обладают меньшими возможностями для получения качественного образования и трудоустройства на престижные позиции. Это, в свою очередь, усугубляет социальную поляризацию современного общества, и формирует ярко выраженное неравенство реальных возможностей в сфере получения образования, которое, на наш взгляд, создает серьезные препятствия на пути модернизации системы образования.

В отечественном высшем образовании, фундаментальные основы которого формировались в советский период истории государства, равенство возможностей при поступлении в высшие учебные заведения рассматривалось как обязательное условие эффективного функционирования системы образования. Однако социально-экономические изменения, произошедшие в жизни российского общества в течение двух последних десятилетий, усугубили социальную дифференциацию и поляризацию российского общества. Те формы неравенства шансов при получении образования, которые в советский период носили «скрытый» характер, в настоящее время фактически воспринимаются как данность. Ю.В. Латов и Н.В. Латова подчеркивают, что для России серьезным препятствием в получении качественного образования – и высшего, и среднего, – является социальное неравенство, обусловленное не только экономическими факторами, но и географической обособленностью отдельных групп населения, в первую очередь – проживающих в сельской местности [5]. Кроме того, не следует игнорировать неравенство шансов на получение качественного образования, вызванное этническими факторами [5]. Дети мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья, некоторых национальных меньшинств сталкиваются с серьезными проблемами на пути получения качественного образования, вызванными языковыми барьерами, спецификой семейного уклада, социальным положением и профессией родителей. Ю.С. Борцов обращает внимание на серьезность проблемы «локализации» образования в отдельных регионах страны [6].

Воспроизводство социального неравенства посредством института образования становится возможным и благодаря дифференциям «культурного кода» семей, относящихся к различным социальным слоям и группам, который зависит от когнитивных способностей и мотивационной лояльности индивидов. Если следовать концепции Т. Парсонса, интеллектуальный уровень учащихся в большей степени зависит от врожденных когнитивных способностей, которые не находятся в прямой связи с социальной принадлежностью родителей[7]. Однако навыки социальной коммуникации, мотивационные установки формируются на основе полученного в семье воспитания, и именно ими определяется прилежность учащихся в получении образования, их ориентация на достижение высоких результатов в процессе обучения. Большую роль в формировании мотивационных установок на получение высшего профессионального образования, в частности, играет отношение к высшему образованию, которое различается в конкретных социальных слоях и группах населения [8].

Усугублению социального неравенства в сфере образования способствует рост сегмента платных услуг, предоставляемых образовательными учреждениями. Коммерциализация отдельных направлений деятельности образовательных учреждений «отсекает» от получения дополнительных образовательных услуг представителей малообеспеченных и даже некоторых групп среднеобеспеченных слоев населения. По мнению ряда исследователей, в современной России фактически сформировалась двойная система образования – одна подсистема обслуживает обеспеченные слои населения с высоким социальным и культурным капиталом, преимущественно сосредоточенные в крупных городах, а другая подсистема – многочисленные небогатые слои населения с менее высоким образовательным уровнем, сосредоточенные в сельской местности [9]. Как отмечают социологи, «профессиональное образование становится в современной России частью цикла социального расслоения, фактором, не препятствующим, а способствующим нарастанию последнего» [9]. На наш взгляд, происходит расслоение современной системы образования на три сегмента:

1) элитное образование (престижные вузы столицы, обучение за рубежом), доступное лишь представителям семей с очень высоким уровнем культурного, социального и экономического капитала;

2) престижное образование (престижные факультеты региональных вузов, качественные коммерческие вузы), доступное преимущественно представителям семей с высоким уровнем социального, культурного и экономического капитала;

3) массовое образование (непрестижные специальности провинциальных вузов, практически все среднее специальное образование), доступное широким слоям населения, но не обеспечивающее их представителям гарантированной вертикальной социальной мобильности.

Наконец нельзя не отметить, что некоторые группы российского населения оказываются изолированными от возможности получения любого профессионального образования в силу неблагоприятных условий жизни, низких доходов, географической обособленности, этнической специфики.

Таким образом, можно сделать вывод, что институт образования как механизм вертикальной социальной мобильности населения в современном обществе отличается наличием существенных противоречий. Получение высшего профессионального образования обусловливает возможное изменение социального статуса индивида, обретение им культурного и социального капитала и переход в другую социальную группу. С другой стороны, институт образования выступает и механизмом закрепления отношений социального неравенства в современном обществе. Вследствие недоступности качественного образования для целых социальных групп населения блокируются возможности использования интеллектуального и креативного потенциала отдельных индивидов в интересах развития экономической, научно-технологической, культурной сфер жизнедеятельности общества. Тем самым, социальное неравенство в сфере образования выступает в качестве серьезного препятствия на пути к модернизации отечественной системы образования.

Литература

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. М., 2012.

2. Kantzara V. Education and Social Inequalities: Key Issues, Challenges and Explanations // 12th Conference of the European Sociological Association. 2015, 25.-28.8 //URL: http://esa12thconference.eu/rn10-sociology-of-education (дата обращения: 24.04.2015).

3. Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Н. А. Шматко. СПб., 2005.

4. Максимова М.Л. Доступность высшего образования, образовательный капитал и выбор образовательной стратегии // Вестник ННГУ. Серия Социальные науки. Выпуск 1 (5), 2006.

5. Латова Н.В., Латов Ю.В. Методология институционального неравенства в доступе к андрагогическому образованию // TerraEconomicus. 2010. Т. 8. № 3.

9. Борцов Ю.С. Образование в контексте информатизации: социокультурный аспект. Ростов н/Д., 2005.

10. Parsons T. The school class as a social system: some its Function in American Society / Education, Economie and Society. N.Y.: Freepress, 1961.

11. Константиновский Д.Л., Вознесенская Е.Д., Чередниченко Г.А. Молодежь России на рубеже XX–XXI веков: образование, труд, социальное самочувствие. М.: ЦСП и М, 2014.

12. Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / Под общей ред. д.соц.н., к.э.н. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014.

МЕНЕДЖМЕНТ

УДК 65.012.413: 65.012.616: 658.3

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В СВЕТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕНЕДЖЕРА И СОБСТВЕННИКА

© 2015 г. М.С. Ильина

Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова 353918, г. Новороссийск, пр. Ленина, 93

Admiral Ushakov State Maritime University 93, Lenina Ave., Novorossiysk, 353918

В статье описаны особенности и значимость управления государственной собственностью через призму противоречивых позиций наемного топ-менеджера и собственника, обозначены основные конфликты, которые объективно или субъективно появляются в ходе реализации каждой из сторон своих интересов.

Ключевые слова: *государственная собственность, государство, частная собственность, управление, эффективный собственник, топ-менеджер, управляемость предприятия, агентская проблема.*

This article describes the features and value of the state property management through contradictory positions of the hired top manager and the owner; points out the main conflicts that appear, objectively or subjectively, while exercising the parties' interests.

Keywords: *state property, the state, private property, state administration, an effective owner, senior manager, enterprise manageability, agent problem.*

Современная ситуация, когда политические противоречия с Западом вошли в фазу открытого конфликта, не могла не отразиться на экономических отношениях внутри и вне государственной системы. Реализуемая программа экономических санкций против Российской Федерации, направленных на поэтапной разрушение ее экономики, открыла целый перечень «слабых мест» проводимой в последние десятилетия экономической политики государства. Например, одной из таких проблем можно назвать сырьевую направленность российской экономики, делающей ее уязвимой и сильно зависимой от международных отношений. Несмотря на большое количество критики в экономической литературе в адрес подобной направленности, радикальной смены курса так и не происходило.

Однако на сегодняшний день необходимость перемен, заключающихся в переориентации экономики на производство так называемой сложной и «интеллектуальной» продукции и тем самым повышении экономической независимости государства, является очевидной. Именно такое производство способно пополнить государственный бюджет больше, чем экспорт сырья. И действительно, расчеты показывают, что для производства 10 автомобилей «Волга» используется одна тонна цветных металлов. При этом государственный бюджет получает налогов с 10 автомобилей в 9 раз больше, чем с одной тонны цветных металлов, отправляемых на экспорт [7].

Выполнение обозначенной задачи невозможно без поддержки государством отечественного производителя и продвижения его продукции на внутренний и внешний рынки. Как уже отмечалось выше, лучше экспортировать не одну тонну металлов или нефти, а десять наименований продукции машиностроения или химической промышленности, получаемых из них соответственно.

Ситуация складывается настолько серьезно, что в настоящее время стандартных методов государственной поддержки в форме протекционистской политики, налоговых льгот, изменений законодательства может быть недостаточно. Настало самое время системных действий государства, направленных на укрепление и развитие институтов рынка, одним из которых является институт собственности. Это основное условие оживле-

ния и роста экономики страны. В связи с этим необходимо вспомнить, что государство тоже является собственником многих объектов некоммерческого и коммерческого назначения, т.е. рыночных агентов. Поэтому, укрепляя и защищая институт собственности, следует не только культивировать и развивать частную собственность, целесообразно отвести государственной собственности важную роль в этом процессе тоже. Речь идет о том, что государственная собственность должна не менее эффективно работать и приносить доход, чем частная собственность.

К сожалению, в настоящее время бытует мнение, что государство всегда неэффективный собственник и уступает частнику в результативности управления капиталом. Сложно оспорить тезис, что в конечном результате деятельности предприятия, т.е. в повышении его эффективности, больше всего заинтересован собственник, и в случае частной формы собственности – это конкретный представитель, а в случае государственной – совокупность множества органов власти, где не определен субъект интересов. По этой причине мы «уважаем» частную собственность гораздо больше государственной. Однако стоит заметить, что частный собственник почитает свои интересы гораздо выше государственных, и зачастую ему безразлично то государство, в котором он живет. Для него не имеет значения, например, вышеупомянутый факт того, что сырьевая направленность экономики в перспективе приводит к зависимости государства от других стран, что с позиции государственных интересов необходимо в большей степени производить «сложную» продукцию, чем добывать и экспортировать сырье. Частника всегда интересует процесс его собственного обогащения за счет быстрого развития предприятия любым способом.

Более того, во-первых, проведенная в нашей стране приватизация в 90-х годах показала, что экономического процветания страны и перехода ее экономики на уровень развитой не наступило. Многие частные владельцы были не готовы к эффективному управлению предприятиями, ранее составлявшими государственную собственность. Во-вторых, наличие частных предприятий на узловых точках инфраструктуры страны (транспорт, энергетика, образование и т.д.) порождает довольно опасный экономический дисбаланс.

Это возвращает нас к позиции, согласно которой государство может и должно быть эффективным собственником, что вполне возможно *при условии эффективного управления госсобственностью*. Для этого необходимо обновить методы, формы и механизмы управления госимуществом.

К сожалению, современная коррумпированность и неповоротливость государственной машины может помешать государству стать эффективным собственником. И действительно, с первого взгляда, кажется, что лучше наоборот – все изъять из ведения государства и передать в частные руки для большей сохранности. Однако существует противовесное мнение о том, что «частный сектор может быть ликвидирован по приказу государства, но он не может быть создан по указанию государства... Роль частной собственности должна возрастать в такой же степени, в какой она может доказать свое превосходство по сравнению с бюрократической государственной собственностью. Частный сектор должен иметь возможность купить отдельные единицы государственного сектора, но в таком темпе, в каком он это способен сделать за счет собственных денег, предоставив в качестве покрытия свою собственность, дополненную кредитом» [2].

Необходимость эффективного управления государственной собственностью, в свою очередь, обращает нас к проблеме привлечения или найма грамотных управленцев на соответствующие должности в государственных компаниях. А процесс функционирования любого наемного управленца автоматически запускает проблему его взаимодействия с собственником, т.е. агентскую проблему. Данная проблема, как известно, выражается в возможном противоречии интересов сторон, когда топ-наемник руководит компанией, реализуя собственные цели, что может идти в разрез со стратегическими и тактическими интересами организации, а значит и ее владельцев.

И действительно, во многих акционерных компаниях, независимо – частной формы собственности, смешанной или полностью государственной, реально управляют, т.е. принимают основные решения, определяющие судьбу корпорации, не номинальные собственники (акционеры), а менеджмент или управляющие. По этой причине незначительна роль годовых собраний, принижена роль советов директоров. Очень часто менедж-

мент даже стремится зафиксировать в уставе свое, как им кажется, незыблемое монопольное право на руководство компанией. Довольно нередко встречается ситуация, когда собственники с необходимым пакетом акций, в том числе и государство, имея большое желание освободиться от того или иного недобросовестного менеджера и соответствующее законное право, реально не могут ничего сделать. Даже представители государства в органах управления акционерных обществ нередко идут на поводу у менеджмента: допускают размывание доли государства, нерегулярно выполняют вверенные им функции, редко отчитываются, – тем самым нарушают полученные инструкции, касающиеся порядка их голосования в органах управления акционерных обществ. Естественно, подобные проблемы должны как-то регулироваться.

Говоря об интересах государства как собственника, нужно отметить, что они отличаются от целей частных собственников, поскольку носят более сложный и комплексный характер. Не секрет, что главной целью частного собственника является максимизация прибыли, в то время как общей целью государства нужно назвать реализацию национальных интересов страны, что будет выражаться, например, в повышении благосостояния граждан через стимулирование экономического роста, предоставление дополнительных рабочих мест, развитие наукоемкого производства и т.д. «Одна из главных задач управления госсобственностью – обеспечить формирование предпосылок научно-технического прогресса в виде комплекса общеприменимых технологий, которые после их коммерческой адаптации могут создать стратегические конкурентные преимущества отечественным фирмам», – заявляет один из отечественных экономистов [7].

Другими словами, интересы государства как собственника имеют двойственный характер, т.к. включают, во-первых, интересы государства как предпринимателя и как национального регулятора развития. Примером тому может служить политика государства в отношении собственных убыточных компаний: частный собственник наверняка бы принял решение о ликвидации бизнеса, стоимость которого регулярно снижается, но государство-собственник, скорее всего, будет поддерживать такую компанию довольно долгое время, оказывая таким образом поддержку региону, отрасли и т.д. Еще один пример – это управление госсобственностью в компаниях, представителях отраслей естественных монополий. Здесь цели государства как собственника никогда не связывались с максимизацией прибыли или стоимости компаний, в большей степени в таких отраслях государство ведет себя как регулятор национального «баланса».

Двойственность интересов государства как собственника еще более усугубляет и без того сложную агентскую проблему, т.е. проблему найма и взаимодействия государства с топ-менеджментом государственной организации. Возникает вопрос, существуют ли способы устранения или хотя бы смягчения обозначенного противоречия? Что включают действия государства как *эффективного собственника*, чтобы по результатам управления собственными предприятиями оно как можно реже встречалось с проблемой их убыточности и выбора в пользу одного из взаимосвязанных интересов: быть предпринимателем или регулятором? Как повысить управляемость наемным топом и эффективность работы государственного предприятия?

Во-первых, существует определенный набор функций, которые следует выполнять собственнику. Основная идея этих функций заключаются в управлении высшим управляющим. Ведь собственник, который не хочет лишиться объектов своей собственности, должен регулировать процесс их использования. В случае государственной собственности содержание управленческих функций собственника не изменяется. Сюда включаются:

1. Процедура найма и увольнения высших управляющих. Процедуру назначения топ-менеджера следует проводить на конкурсной основе с последующим утверждением уполномоченным государственным органом. Разумно было бы привлекать на должности управленцев государственных предприятий директоров, успешно работавших в частном бизнесе. В случае недобросовестного отношения к своим обязанностям, когда наемный управляющий использует данную ему власть в личных интересах, при этом не выполняет поставленные задачи и нарушает оговоренные условия, должен существовать механизм его отзыва или увольнения.

2. Постановка конечных целей работы перед топ-менеджментом, выраженных в конкретных показателях (наряду со стандартно используемыми показателями объема

прибыли, уровня продаж и рентабельности, целесообразно использовать показатель стоимости бизнеса).

3. Мотивирование высших управляющих к достижению поставленных целей. Заинтересованность топ-менеджера в результатах работы предприятия – вещь, формируемая с помощью грамотной системы мотивирования, в которой будут сочетаться как механизмы, используемые для обычных сотрудников, так и специфические методы, применяемые только в отношении директоров [6].

4. Контроль над результатами деятельности предприятия под началом наемного директора. Сущность владельческого контроля заключается не в тотальном наблюдении за управленческими действиями топа, ведь это может колоссально демотивировать последнего, а в постоянном отслеживании результатов работы предприятия, самым главным из которых должен быть рост его рыночной стоимости [5].

Практика показывает, что создать механизм предотвращения узурпации наемным управляющим государственной собственности довольно сложно. Если личные интересы наемника будут противоречить интересам предприятия, то, скорее всего, он пожертвует интересами организации в пользу собственных. Это вполне объяснимое явление, поскольку оно соответствует человеческой природе. Следовательно, что для того, чтобы управляющий не оттеснил собственника, последний должен его контролировать, активно выполняя вышеназванные управленческие функции [4].

Во-вторых, в последние тридцать лет большинство зарубежных экспертов тоже сходятся во мнении, что в функции государства как собственника должно входить осуществление управления предприятиями. Другими словами, государство не должно довольствоваться ролью собственника-аутсайдера, который нацелен на получение дохода от собственности, максимально передоверяя вопросы ее оперативного управления наемным менеджерам, скорее всего государство должно исполнять роль собственника-инсайдера, который помимо повышения доходов имеет целью участие в управлении принадлежащей ему собственностью. В зависимости от выбранной государством роли собственника разнятся формы воздействия на принадлежащие ему активы. В случае собственника-аутсайдера обычно практикуется участие в общем собрании акционеров, наблюдательных органах акционерного общества, а также использование специальных полномочий (в российском законодательстве закрепленных институтом «золотой акции»). В случае собственника-инсайдера представители государства входят в исполнительные органы акционерного общества (например, совет директоров и т.д.) [1].

Не смотря на явные преимущества с позиции реализации возможности управления второго варианта для государства (собственник-инсайдер), первый тоже следует использовать (собственник-аутсайдер), особенно в тех случаях, когда государству принадлежит небольшой (обычно существенно меньше контрольного) пакет акций предприятия.

В-третьих, необходимо приблизить управление государственной собственностью непосредственно к регионам и производству. Здесь целесообразно исходить из того, что региональные власти имеют больше информации на месте о том, кто является эффективным управленцем, а кто нет; они быстрее всего способны получить информацию о результатах действий наемного топа, т.е. о результатах работы предприятия. Более того, местные власти являются весьма заинтересованным в развитии государственного предприятия собственником, поскольку подобное развитие повышает экономическую мощность региона. При этом и контроль над результатами работы государственного предприятия удобнее осуществлять с регионального уровня. Региональный контроль, тем не менее, является государственным. Однако для предотвращения коррупции и незаконных договоренностей на местном уровне между властями и наемным управляющим государственного предприятия следует сохранить возможность федерального контроля и выработать соответствующий механизм.

Существует еще одно преимущество передачи собственности в регионы, социального характера. Ведь для региональных властей работники предприятий – это вполне конкретные люди, а не штатные единицы на бумаге. Территориальная власть первая принимает на себя удар безработицы и падения уровня жизни в силу своей близости к населению испытывает всю тяжесть реализуемых экономических реформ, несет ответственность за их результаты. Следовательно, местные власти больше всего заинтересова-

ны в повышении эффективности деятельности любых форм собственности, находящихся на ее территории, в том числе и государственной.

Эффективность политики передачи собственности в регионы может подтвердить следующий факт. Например, в Красноярском крае, занимающем 14% территории страны, имела место интересная ситуация, когда при равном количестве предприятий краевой и федеральной собственности сумма дивидендов, полученная краем, в четыре с лишним раза превысила федеральные результаты. Из 61 государственного акционерного общества отчитались по финансовому положению только 31, причем именно те, где полномочия по назначению государственных представителей в исполнительные органы предприятий переданы в край [7].

В-четвертых, необходимо обеспечить профессионализм управления государственными компаниями. Здесь, с одной стороны, можно обратиться к опыту управления частными компаниями, например, привлекать частных менеджеров для управления государственной собственностью, отправлять на обучение в частные компании государственных управленцев, особенно молодых, которые способны быстро освоить прогрессивные технологии управления и адаптировать их под специфику государственных предприятий.

С другой стороны, необходимо задуматься над совершенствованием системы вузовской подготовки и переподготовки управленческих кадров. За рубежом в настоящее время многие высшие учебные заведения осуществляют подготовку специалистов по программам MBA и MPA с соответствующими дипломами магистра бизнес-администрирования (Master of Business Administration) и магистра паблик-администрирования (Master of Public Administration). Паблик-администрирование (Public Administration) – эта как раз дисциплина, направленная на освоение методов государственного управления и управления в общественных (государственных) структурах. Так, в США ряд университетов имеет специальное соглашение с правительством и осуществляет подготовку работников высшего и среднего звена государственных органов [8].

В России в конце двадцатого века процесс становления системы образования по специальности «государственный менеджмент» усилился. На сегодняшний день в нашей стране действует множество вузов, в которых ведется обучение студентов по специальности «Государственное и муниципальное управление», входящей в Государственный общеобразовательный стандарт, а также активная работа по формированию системы MPA (Master of Public Administration) в качестве направления подготовки для будущих директоров государственных организаций. Следует правильно оценивать важность происходящих образовательных процессов и постоянно повышать их качество.

В-пятых, открытым остается вопрос правильного мотивирования наемного топ-менеджера на службе у государства. Руководитель государственного предприятия должен получать столько же, сколько эта работа сегодня стоит на рынке труда. Более того, необходимо понимать особый статус подобного руководителя, следовательно, должна быть обеспечена его социальная и правовая защита. Правоохранительным органам целесообразно разработать и принять в ближайшее время специальную программу по защите менеджмента государственных предприятий от криминала, влияния теневого рынка, произвола местных чиновников и начальников.

Также следует обратить внимание на постоянные кадровые перестановки, которые заключаются в регулярной замене руководителей государственных предприятий с приходом новых региональных властей или членов правительства. Парадоксально, но в таких случаях речь обычно идет об эффективно работающих организациях, где по статистике руководители меняются в два раза чаще, чем в «неуспешных» и «нерезультативных» государственных предприятиях. Однако логика в подобных парадоксах все же имеется – это контроль над перспективными финансовыми потоками. Подобную практику, естественно, следует искоренять, если государство стремится к статусу эффективного собственника.

В-шестых, следует возродить практику реальной материальной и даже уголовной ответственности за сохранность государственного имущества. Кто-то должен нести наказание за доведение федерального имущества до ненадлежащего, а порой даже гибельного, состояния. Фиктивность института ответственности за сохранность госсобственности позволяет наемным управленцам чаще действовать в личных интересах, а не в интересах собственника, не задумываясь о последствиях.

В-седьмых, необходимо пересмотреть организационную форму государственных предприятий, исходя из цели максимального сокращения уровней управления. Следует держать под пристальным контролем процесс создания государственной компанией дочерних и зависимых организаций и стремиться к меньшему их количеству или даже отсутствию. Если подобные организации все же имеются, то правами на их доходы должны обладать не топ-менеджмент материнской компании, а собственник, т.е. государство. Отчетность о результатах деятельности зависимых и дочерних компаний должна поступать как в материнскую компанию, так и напрямую собственнику. В противном случае повышается независимость наемного топа от собственника и вероятность узурпации им власти.

Усложнение организационной структуры путем увеличения уровней управления в государственных компаниях ведет к повышению агентских издержек. Естественно, это негативный фактор, приводящий в итоге к потере управляемости предприятия со стороны собственника. Следует очень осторожно относиться к участию государственных компаний в холдингах и бизнес-группах, ведь финансовые результаты укрупненных структур сложнее контролировать. Более того, усложняется задача выработки критериев оценки деятельности топ-управленцев интегрированных объединений со стороны собственника-государства, поскольку уровень комплексности решаемых ими задач возрастает в разы вместе с возложенными на них рисками и возможными последствиями неверных решений.

Главная идея, лежащая в основе понятия «эффективный собственник», заключается в том, что это такой субъект собственности, который организует использование объекта собственности в своих интересах, для удовлетворения собственных тех или иных потребностей. Управление объектом собственности – одна из существенных составных частей этого процесса. Когда собственник (принципал) по ряду объективных причин вынужден передоверять управление объектом собственности наемному персонажу (агенту), он, естественно, предполагает и документально закрепляет тот факт, что новый управляющий в своей деятельности будет исходить, прежде всего, из его интересов.

Практика показывает, что реальность далека от представленной модели, и наемный управленец, пользуясь доверием собственника и будучи свободен от его вмешательства, имеет серьезный соблазн направить деятельность по использованию объекта собственности на удовлетворение личных потребностей, далеких от интересов собственника. Быть эффективным собственником – означает не допустить этого. А не допустить этого или хотя бы существенно ограничить использование объекта собственности в чужих интересах возможно, если *собственник принимает участие в управлении своим имуществом*, т.е. выполняет функции эффективного собственника.

В случае государства как субъекта собственности картина существенно не изменяется, и содержание управленческих функций тоже. Поэтому обозначенные в статье механизмы или действия могут помочь тонко контролировать процесс использования госимущества, не демотивируя наемный топ-менеджмент, но и не допуская отклонения их действий от интересов государства.

Литература

1. Авдашева С.Б. Холдинги с участием государственных и смешанных компаний: оценка российской практики в контексте мирового опыта. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Галл Ж. Покупайте собственность! // Вопросы экономики. 1990, № 3.
3. Лапин Н. Модернизация ценностей России // Социс. 2007. № 5.
4. Лоскутов В.И. Противоречия современной акционерной собственности и основное условие их преодоления // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 4.
5. Ржевская М.С. Основные виды и особенности контроля собственника при передаче управления наемному топ-менеджеру // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №3(34).
6. Ржевская М.С. Проблемы и способы мотивирования топ-менеджера со стороны собственника // РИСК (Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция). 2012. №4.
7. Стенограмма Всероссийского совещания «О системе управления государственным имуществом в Российской Федерации». М., 1999.
8. URL: http://www.kapital-rus.ru/articles/article/225033/

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

УДК 504.06

УТИЛИЗАЦИЯ ТВЕРДО-БЫТОВЫХ ОТХОДОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

© 2015 г. С.А. Бугаян

Южный федеральный университет
344000, Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105

Southern Federal University
105, Bolshaya Sadovaya Str.,
Rostov-on-Don, 344000

В статье рассмотрены основные проблемы обращения и утилизации промышленных отходов. Дана четкая классификация отходов по степени вредного воздействия, характеристика источников загрязнения. Подробно описаны методы утилизации отходов, такие как: сжигание твердых отходов, пиролиз, применение компоста, захоронение. Также приведена сравнительная характеристика состояния обращения отходов промышленных предприятий в экономически развитых странах Европы, США и Российской Федерации.

Ключевые слова: *экология, отходы промышленных предприятий, окружающая среда, утилизация отходов, образование отходов.*

The article considers the issues of waste recycling; classifies the waste according to its detrimental impact; gives the characteristics of the sources of pollution; describes the methods of the waste recycling, such as solid waste burning, pyrolysis, composting, burial; carries out the comparative analysis of the dealing with industrial waste in economically developed European countries, the USA and the Russian Federation.

Keywords: *ecology, waste of the industrial enterprises, the environment, recycling, waste formation.*

Основная проблема, сдерживающая увеличение объемов переработки и использования отходов промышленных предприятий в регионе, отчасти обусловлена отсутствием эффективно функционирующей системы управления сферой обращения твердых отходов хозяйственной деятельности предприятий и более того – неоднозначным толкованием используемых в данной деятельности категорий [1]

С целью удовлетворить потребность одного человека во всем необходимом за год добывается около 20 тонн различного сырья, из которых только 1-2% переходит в готовую продукцию. Все остальное превращается в отходы, образующиеся на всех промежуточных стадиях производства. В отходы в результате превращается и сам продукт. Поэтому можно сказать, что в процессах производства и потребления не выпускается ничего, кроме отходов. Точных данных о количестве отходов нет ни в мире, ни в России. Однако имеющиеся оценочные показатели свидетельствуют о том, что масса отходов ежегодно возрастает и достигла уже критической величины. Именно поэтому минимизация отходов является стратегической задачей в международном масштабе [3, с. 56].

Согласно Федерального Закона от 24.06.1998 №89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» под отходами производства и потребления понимаются остатки сырья, материалов, полуфабрикатов, иных изделий или продуктов, которые образовались в процессе производства или потребления, а также товары (продукция), утратившие свои потребительские свойства [1].

Отходы можно классифицировать по следующим признакам:

- происхождению: промышленные, сельскохозяйственные, строительные, твердые бытовые отходы (ТБО) и другие;
- свойствам: опасные (т.е. едкие, токсичные, воспламеняющиеся и проч.) и неопасные отходы;
- источникам образования: от юридических (различные предприятия, учреждения, организации) и физических лиц (жители населенных пунктов и предприниматели без образования юридического лица);

- ответственности: твердые отходы хозяйственной деятельности муниципальных образований, частных предприятий и др.;
- по физическому состоянию: твердые, пастообразные, жидкие.

В соответствии с приказом Министерства природных ресурсов РФ от 15.06.2001 г. № 511 определено пять классов опасности веществ. Критерии отнесения отходов к определенному классу опасности устанавливаются по степени вредного воздействия на окружающую среду [7].

- I класс – вещества (отходы) чрезвычайно опасны. Степень их воздействия на окружающую среду очень высокая. При контакте с ними экологическая система необратимо нарушается. Период восстановления отсутствует.
- II класс – вещества (отходы) высоко опасные. Экологическая система сильно нарушена. Период восстановления не менее 30 лет.
- III класс – вещества (отходы) умеренно опасные. Экологическая система нарушена. Период восстановления не менее 10 лет.
- IV класс – вещества (отходы) мало опасны. Экологическая система нарушена. Период восстановления не менее трех лет.
- V класс – вещества (отходы) практически неопасны. Экологическая система практически не нарушена.

Особую группу отходов составляют энергетические отходы: тепло, шум, радиация, электромагнитное, ультрафиолетовое излучение и т.п.

Промышленные отходы, отходы производств – это отходы, образующиеся в результате использования или длительного хранения различного сырья, химической продукции или возникающие в процессе преобразования такого сырья. При правильном подходе к утилизации отходов они могут быть использованы в качестве вторичного сырья или как альтернативные источники топлива, в ином случае могут быть обезврежены либо размещены, как неутилизируемые отходы в рамках действующего законодательства.

Чтобы перечислить все предприятия, задействованные в отраслях промышленности, и описать их деятельность потребуется не одна страница. Их очень много. И на каждом образовывается какой-нибудь вид отходов. Если сравнить обычные бытовые отходы и промышленные, то выяснится, что последние имеют наибольшее воздействие на окружающую среду. Ведь среди них имеются очень опасные и ядовитые отходы. Именно поэтому во всех странах мира так много внимания уделяется утилизации промышленных отходов [4].

Б.Б. Бобович, В.В. Девяткин также обращают внимание на то, что образование отходов происходит на всех стадиях движения сырья: от момента его добычи, когда оно еще является природным ресурсом, до завершения эксплуатации изготовленного из него изделия [5, с. 2-13]. На рисунке 1 представлена схема последовательности образования и возможных путей утилизации отходов производства.

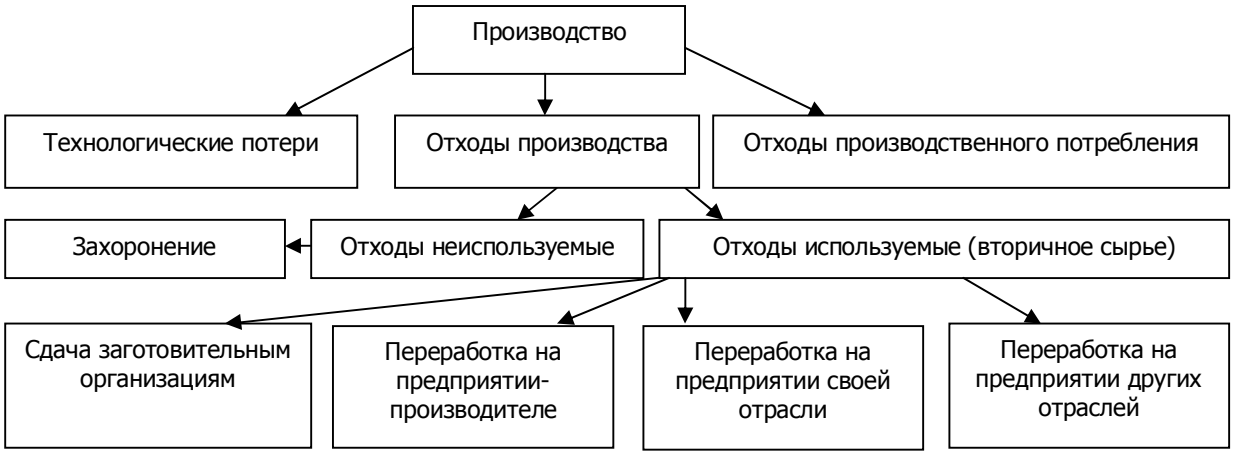

Рисунок 1. Схема образования и утилизации отходов

Предприятия промышленного комплекса являются основным источником загрязнения окружающей среды, ежедневно генерируя миллионы тонн опасных отходов производства, что в годовом масштабе составляет 2,5 млрд. тонн. (рисунок 2). Отходы промышленного производства можно разделить на нетоксичные и токсичные, которые, в зависимости от ущерба, наносимого окружающей среде, делятся на классы. Наибольшее количество отходов генерируется металлургической промышленностью и теплоэлектростанциями, не меньший вред наносится горно-обогатительными и горнодобывающими заводами.

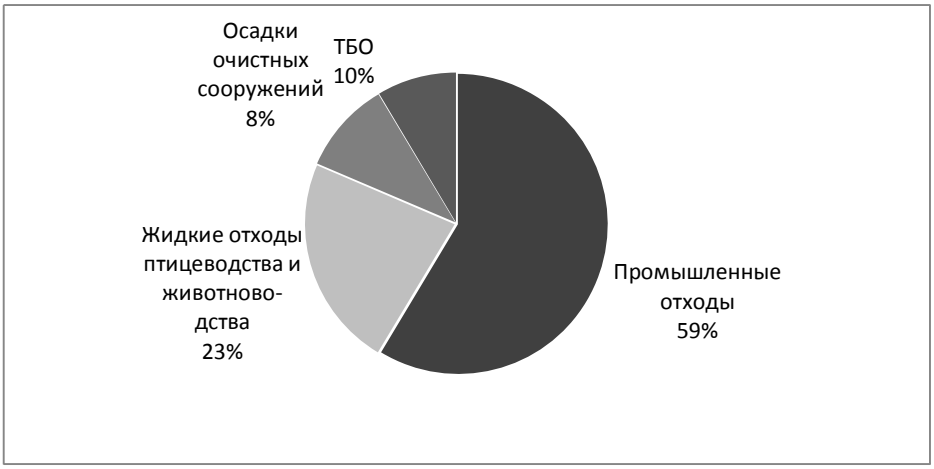

Рисунок 2. Виды отходов и их происхождение

На сегодняшний день количество и разнообразие вредных и опасных промышленных отходов очень велико. Утилизация этих отходов на самих предприятиях в большинстве случаев не представляется возможной, так как, во-первых, это не всегда экономически выгодно, а во-вторых, они не всегда бывают ликвидные. Систематическое увеличение количества выбросов вредных, токсичных отходов бытового и промышленного характера требует нахождения путей решения проблемы для их устранения.

На сегодняшний день негативное влияние на окружающую среду сильно стимулирует разработку современных новых методов утилизации опасных отходов на полигонах, при этом метод утилизации промышленных отходов напрямую зависит от характеристик отходов, что определяет использование хранилищ и полигонов.

Утилизация опасных отходов – инактивирование отходов и получение полезных продуктов. Утилизация зачастую подразумевает не только физическую утилизацию отходов как таковую, но зачастую также позволяет уменьшить расход энергии, а повторное использование продуктов переработки позволяет снизить себестоимость продукции. Этого можно добиться утилизацией промышленных отходов макулатуры, пластмассы, древесины, лома металлов.

Наиболее распространенными и опробованными методами переработки ОПП, исходя из эколого-экономических аспектов, в мировой и отечественной практике являются следующие: сжигание; комплекс сортировки, компостирования и сжигания (или пиролиза) не компостируемых фракций; аэробное биотермическое компостирование с сортировкой; захоронение на полигоне (свалке) [4].

Остановимся и рассмотрим кратко эти методы.

Сжигание твердых отходов муниципальных образований – весьма радикальный метод обезвреживания ОПП. Сжигание отходов осуществляется на мусоросжигательных заводах (МСЗ).

Анализ мировых тенденций показывает, что данный метод неэкологичен, чрезвычайно дорог и неэкономичен.

Прежде всего, это связано с тем, что высокая влажность отходов в РФ, особенно на юге России, (не подвергшихся, как в странах Европы, селективному сбору) делает практически нереальным использование этого материала в качестве топлива. Кроме того, стоимость мусоросжигательных заводов заметно превышает стоимость мусороперерабатывающих предприятий.

Процесс сжигания всей массы ОПП без отделения хлорсодержащих компонентов либо способствует образованию диоксина (если процесс проводится при температурах ниже 1200 °С), либо приводит к большим выбросам оксидов азота – основных антропогенных загрязнителей атмосферы, что требует сложной и дорогостоящей газоочистки [4].

Существует тенденция сближения технологии МПЗ и МСЗ: при переработке применяется высокотемпературный пиролиз, а при сжигании – частичное разделение отходов и переработка шлака. Но в настоящее время преимущество МПЗ перед МСЗ как по экологическим, так и по экономическим показателям несомненно. Это преимущество со временем будет только возрастать (особенно с учетом ожидаемого введения платы за выбросы парниковых газов).

Пиролиз представляет собой термическое разложение ОПП, осуществляемое без присутствия кислорода при температуре 450-650°С. С его помощью неоднородные ОПП преобразуются в топливо – газ и кокс, которые затем можно сжигать в более оптимальных условиях, в частности, при температуре 1300°С и выше, что позволяет плавить металлы и минералы, содержащиеся в ОПП, в то время как в обычной мусоросжигательной установке температура составляет всего 800°С. В результате количество твердых компонентов ОПП сокращается до 2% общей массы ОПП против 30% при сжигании. Другим преимуществом пиролиза является тот факт, что высокая температура сжигания его топливных продуктов препятствует образованию диоксинов и других токсичных газов при условии быстрого их охлаждения.

При этой технологии отходы вступают в естественный кругооборот веществ в природе, обезвреживаются и превращаются в компост – ценное органическое удобрение, получаемое в результате микробного разложения органических веществ и используемое, например, для городского озеленения или в качестве биотоплива для теплиц. В процессе переработки создаются условия, губительно действующие на большинство болезнетворных микроорганизмов, яйца гельминтов, личинки мух [4].

Применение компоста в качестве удобрения в сельском хозяйстве позволяет повысить урожайность выращиваемых культур, улучшить структуру почвы и увеличить содержание гумуса в ней. Весьма существенным является и то, что при компостировании в атмосферу выделяется меньшее количество «парниковых» газов, чем при сжигании или вывозе на свалки. Основной недостаток компоста – высокое содержание тяжелых цветных металлов в нем.

Несмотря на вышеизложенное, складирование ОПП на полигонах до настоящего времени остается основным методом их обезвреживания.

В развитых странах на полигоны вывозится 50-85% ОПП, а в России – примерно 96% и часто на неконтролируемые свалки.

Строительство полигонов связано с отчуждением земли у сельскохозяйственных производителей, так как в крупных селитебных образованиях отсутствуют свободные земельные площади.

Процесс захоронения ОПП сопровождается образованием биогаза (данный газ относится к возобновляемым источникам энергии и образуется в процессе разложения растительных и животных компонентов ОПП без доступа воздуха, основными его элементами являются метан (примерно 95-98%), наряду с которым содержится углекислый газ и вода), [4] разносом ОПП ветром, переносом инфекций птицами, грызунами, животными. Из одной тонны ОПП выделяется около 200 кубических метров биогаза.

По последним исследованиям, выбросы биогаза полигонами (свалками) загрязняют не только атмосферу около полигонов, но и негативно влияют на озоновую оболочку земли [4].

На большинстве полигонов России через скважины газового дренажа биогаз попрежнему отводится в атмосферу, так как его высокие концентрации в толще ОПП и у поверхности кровли полигона могут вызвать взрыв, возгорание ОПП, нарушение послойного складирования ОПП. В отличие от России, в Западной Европе и других зарубежных странах биогаз после обработки и без таковой используют для получения энергии. Например, только в Германии 35 полигонов ОПП снабжены оборудованием для добычи и переработки биогаза [3].

В экономическом аспекте – это крупные неэффективные затраты на транспортирование и захоронение ОПП, ликвидацию стоков и др.

Анализ состояния обращения ОПП в экономически развитых странах Европы и США показал, что в зависимости от конкретной ситуации могут быть приняты различные решения в отношении методов использования ОПП. Так, в США за сорок лет с 1970 до 2010 года доля складирования ОПП снижается с 75% до 55%. Значительно развиваются методы повторного использования и переработки ОПП, доля которых возрастает с 5 - 7% в 1970 году до 30% в 2010 году. Сравнительные данные о перспективах обращения ОПП в США, Голландии, Франции и Португалии позволяют сделать вывод о значительном сокращении применения захоронения ОПП и росте их повторного использования [5].

Однако с учетом невысоких (по сравнению с мусороперерабатывающими заводами) капитальных затрат полигон еще многие годы будет оставаться в России самым распространенным методом обезвреживания ОПП.

Выбор метода и типа сооружений в конкретном городе и регионе России зависит от ряда условий: состава и свойств ОПП, изменяющихся по сезонам года; климатических условий; потребности в органических удобрениях для различных целей, в том числе и сельскохозяйственных, энергетических ресурсах и т.д.; экономических и экологических факторов (платежеспособность населения, уровень тарифов за утилизацию ОПП, объемы финансирования организаций, занимающихся утилизацией ОПП, количество полигонов, экологический мониторинг полигонов, объемы загрязнений ОПС, связанные с несанкционированным размещением ОПП и т.п.).

Литература

1. Федеральный закон № 89-ФЗ (с изм. от 29.12.2000 г., 10.01.2003 г. и 24.12.2004 г.) «Об отходах производства и потребления»
2. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования: Учебник. М, 2010.
3. Ермашов Х.Ю. Стратегические перспективы и приоритеты совершенствования системы управления сферой обращения твердых отходов хозяйственной деятельности муниципальных образований в Ростовской области // Экономика природопользования. 2011. №3.
4. Зайцев В.А. Промышленная экология: учебное пособие. М., 2011.
5. Лифшиц А.Б. Современная практика управления твердыми бытовыми отходами // Чистый город. 2009. №1.
6. Утилизация твердых отходов: Учебное пособие / В.М. Гарин, А.Г. Хвостиков; Рост. гос. ун-т путей сообщения. Ростов н/Д, 2010.
7. Анопченко Т.Ю. Эколого-экономические риски урбанизированных территорий: концепция, причины, последствия: Дис. … д. э. н. Ростов н/Д., 2008.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

УДК 336

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕНЕГ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ В СВЕТЕ ПОЯВЛЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТ

© 2015 г. А.В. Власов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В статье дается сравнительный анализ марксистской эволюционной теории происхождения денег и эволюционной теории происхождения денег австрийской экономической школы.

Ключевые слова: *эволюционная теория происхождения денег, криптовалюты, биткоин, австрийская экономическая школа.*

The article carries out the comparative analysis of Marxist evolutionary theory of an origin of money and the evolutionary theory of an origin of money by the Austrian economic school.

Keywords: *evolutionary theory of an origin of money, cryptocurrencies, bitcoin, Austrian economic school.*

Эволюционная теория происхождения денег состоит в том, что «деньги являются результатом стихийного развития процессов обмена, которые привели к выделению товара, который и стал выполнять денежные функции» [1, с. 5]. Несмотря на то, что данная теория известна начиная с 18-го века, в отечественной учебной и научной литературе нередки утверждения, что она была создана только в 19-м веке К. Марксом [2, с. 140; 3, с. 6]. Вместе с тем, данной теории придерживались еще представители классической школы политической экономии, у которых К. Маркс заимствовал большую часть идей, в т.ч. и эволюционную теорию происхождения денег. Родоначальником же этой теории является Джон Ло, который «первым сформулировал ясную теорию стихийного, эволюционного происхождения денег» [4, с. 88]. Основным научным трудом Джона Ло являются «Размышления о деньгах и торговле: с предложениями об обеспечении нации деньгами» (Money and Trade Considered: With proposal for Supplying the Nation with Money, 1705) [5, с. 169]. Таким образом, понимание процесса появления денег как не зависящего от воли людей или государства существовало задолго до Карла Маркса.

Понимания причин происхождения денег стало существенным шагом в развитии экономической науки. Любая наука стремиться иметь системный характер, а не являться совокупностью хоть и не опровергнутых, но несвязных теорий. Научные теории должны иметь логическую связь друг с другом. Таким образом, только связав эволюционную теорию происхождения денег с другими аспектами экономической науки, т.е. включив её в состав одной из существующую экономических концепций, можно получить научное знание. Системность такое же важное качество экономической концепции, как и логичность отдельных элементов. Так, например, марксизм, хоть и является концепцией, полностью опровергнутой конце XIX-го – начале XX века австрийской экономической школой, но в силу своей системности, т.е. способности (хоть и неверно) объяснить большинство существующих экономических явлений (экономические циклы, процесс развития общества и др.) сохраняет привлекательность для многих исследователей.

В современной экономической науке можно выделить, как минимум, две экономические концепции, использующие эволюционную теорию денег. Это марксизм и концепция австрийской экономической школы. Именно они вызывают интерес с точки зрения исследования эволюционной теории денег, прежде всего по причине диаметрально про-

тивоположных оснований. Так, марксизм основан на трудовой теории ценности, в то время как концепция австрийской школы полностью отвергает трудовую теорию ценности и основывается на субъективной теории ценности.

Можно выделить два направления эволюционной теории денег: марксистское и австрийское. И если первое широко известно в нашей стране, то второе нет. В данной статьи дается сравнительная характеристика этих двух вариантов эволюционной теории денег.

Основу любой экономической концепции составляет теория ценности, то есть объяснение происхождения относительных и абсолютных цен. В марксистской концепции эволюционная теория денег неразрывно связана с трудовой теорией ценности. Ценность денег, в соответствии с теорией К. Маркса, объяснялась количеством затраченного труда. Ценность золота, выполнявшего роль денег в XIX веке, объясняется общественно необходимыми затратами труда на его добычу и обработку.

Несмотря на кажущуюся логичность объяснения ценности затратами труда, данная теория изначально содержала в себе ряд неразрешимых противоречий и в ходе развития экономической науки была полностью опровергнута представителями австрийской школы.

Вместе с тем, формирование субъективной теории ценности продолжалось вплоть до 1949 года, когда теория была переработана и окончательно сформулирована Л. фон Мизесом [6]. До этого момента применение субъективной теории и принципа предельной полезности не могло дать окончательного ответа на вопрос о ценности денег. В этих условиях марксистская теория давала не менее правдоподобное объяснение, чем австрийская. Обе теории были несовершенны, что и позволяло сторонника марксизма в начале XX века утверждать, что «наиболее ярко полнейшая бесплодность австрийской теории обнаруживается в вопросе о деньгах» [7], даже несмотря на то, что проблема ценности денег уже была практически решена Л. фон Мизесом через теорему регрессии [8, с. 95 – 170]. Другими словами, новое маржиналистское направление не могло окончательно вытеснить марксизм, опиравшийся на общепризнанные теории классической школы.

В середине XX века субъективная теория ценности австрийской школы сделала существенный шаг вперед, что позволило окончательно решить проблему ценности денег. Это было достигнуто за счёт следующих достижений австрийской экономической школы:

1. Отказа от возможность вывести цены любых товаров из закона убывающей предельной полезности. Современная австрийская экономическая школа отвергает как кардиналистское, так и ординалистское направление в теории ценности.

2. Использования предпринимательского процесса, т.е. стремления и действия человека, направленные на улучшение своего положения, в качестве основы экономических явлений.

3. Детального учета фактора времени (через использование «пошагового метода») в развитии экономических процессов, в т.ч. в процессе формирования цен.

4. Определения того, что ценность действительных денег (золота) состоит из двух составляющих: немонетарной и монетарной. Немонетарная составляющая есть ценность золота в качестве предметов потребления (украшений и др.), монетарная составляющая есть дополнительная ценность золота, возникающая как следствие его использования в качестве средства обмена.

5. Теорема регрессии Л. фон Мизеса, в соответствии с которой каждый человека определяет ценность денег, исходя из известных ему цен товаров недавнего прошлого, а также их динамики. Прошлые же цены товаров определялись прошлой ценностью денег, которая сложилась в результате обмена.

Более понятно австрийский вариант эволюционной теории происхождения денег и определения ценности денег можно описать следующим образом.

Предпосылкой появления денег является открытие людьми возможности обмена одних товаров на другие. В результате формируются пропорции обмена, т.е. цены одних товаров по отношению к другим. Однако ряд трудностей (делимость, совпадение потребностей и др.) препятствуют обмену. Другими словами, каждый человек и общество в целом смогли бы извлечь из обмена больше выгод, если бы эти трудности были пре-

одолены. В какой-то момент кто-то из людей понял, что он сможет ускорить процесс обмена своих благ на то, что ему необходимо, если сначала обменяет их не на то, что ему действительно необходимо, а на блага, обладающие большей способностью к обмену (т.е. которые проще обменять, которые чаще обмениваются на рынке), а затем уже их обменяет на то, что ему необходимо.

Данный человек стремился улучшить свое положение, он действовал исключительно в своих (эгоистических) интересах, т.е. стремился получить прибыль в широком значении слова. В основе его действий было предпринимательское открытие нового способа обмена – косвенного обмена. Нужно отметить, что первый открыватель косвенного обмена улучшил своё положение, даже несмотря на то, что другие люди еще не признали данный товар в качестве денег. Обменивая свои блага на промежуточный товар, человек опирается на известные ему меновые соотношения, т.е. ту ценность товара, которая сложилась на рынке.

В результате открытия косвенного обмена первый открыватель косвенного обмена стал предъявлять спрос на часто обмениваемый товар не только для личного потребления, но и в качестве средства обмена. Таким образом, спрос на этот товар вырастает, что соответственно поднимает его цену. Ценность данного товара уже состоит не только из ценности в качестве потребительского блага (немонетарная составляющая), но и ценности как средства обмена (монетарная составляющая), носящей по своей сути спекулятивный характер.

Невозможно представить себе ситуацию, в которой все люди одновременно додумались и договорились о средствах обмена. Но вполне реальной выглядит ситуация, когда люди, видя пример действий, позволяющих человеку улучать свое положение (за счёт ускорения обмена), начинают копировать эти действия, т.е. поступать аналогичным образом. В результате спрос на товар, используемый в качестве средства обмена, еще больше увеличивается, что соответственно увеличивает его цену за счет роста в ней монетарной составляющей. Таков эволюционный путь появления денег и обретения ими ценности.

Важным в данном процессе является то, что товар, который выбран человеком в качестве средства обмена, должен уже обмениваться на рынке и получить оценку рынком, т.е. обмениваться и иметь определенные меновые соотношения с другими товарами. Иначе первому открывателю обмена будет невозможно использовать его в качестве промежуточного средства обмена. «Это так называемое условие К. Менгера о том, чтобы товар был экономическим благом» [9, с. 6]. Товар должен иметь не какую-то абстрактную «потребительскую стоимость», а совершенно конкретные меновые отношения в прошлом. В этой связи, появившиеся в начале XXI века новые виды денег – криптовалюты (биткоины и др.) – изначально не обладали и не могли обладать меновым отношением с другими товарами. В силу этого утверждение о том, что анонимность трансакций является потребительной стоимостью биткоина [10, с.12] довольно спорно. Анонимность есть свойство конкретного действия, но не объекта. Однако вышеуказанная точка зрения имеет право на существование уже по той причине, что для первых владельцев криптовалюты представляли ценность сами по себе как олицетворение определенных моральных идеалов [11, с.36].

Эволюционная теория происхождения денег австрийской школы имеет ряд преимуществ по сравнению с марксистским вариантом.

Во-первых, основанная на субъективной теории, она позволяет объяснить ценность любых денег, в т.ч. бумажных, неразменных на золото денег, ценность которых существенно выше затрат на их производство. Марксистский вариант эволюционной теории здесь бесполезен.

Во-вторых, теория денег австрийской экономической школы более детально описывает процесс появления денег через предпринимательский процесс и индивидуальные действия людей. Марксистский же вариант просто оперирует довольно спорными фразами о том, что деньги – это «товар, который стихийно выделился из всей массы товаров и стал играть роль всеобщего эквивалента» [12, с. 44].

Вместе с тем, любая теория есть упрощенное описание действительности. Как уже было отмечено выше, появление принципиально нового вида денег – криптовалют – создало определенные трудности для эволюционной теории появления денег и форми-

рования их ценности. Несмотря на то, что эволюционная теория появления денег не говорит о том, «что в будущем невозможен выбор обществом другого товарного стандарта» [9], появление естественным путем (т.е. без принуждения) денег, у которых отсутствует немонетарная составляющая ценности, вызвало неоднозначную реакцию и споры. Если опираться на буквальное понимание эволюционной теории происхождения денег, то функционирование подобных денег в долгосрочной перспективе невозможно, и следовательно, криптовалюты не имеют перспектив и прекратят свое существование. «Фиатные деньги… в любой момент могут обрести номинальную ценность, совпадающую с реальной, т.е. такие деньги в любой момент могут потерять свою ценность» [9, с. 6].

Однако до настоящего времени (начало 2015 года) криптовалюты, в частности биткоин, появившийся в 2009 году, продолжают функционировать в качестве денег и имеют значительную стоимость (порядка 200 долл. США).

Процесс эволюции состоит в преодоление препятствий на пути развития. Его движущей силой является рациональность. Любое явление эволюционирует, пытаясь обойти появившееся препятствие наиболее оптимальным способом. Конечной целью эволюции является распространение жизни.

Развитие денежных отношений общества столкнулось с агрессивным силовым вмешательством организованных групп лиц. Императоры, феодалы, а позже государство на протяжении всей истории использовали денежную инфляцию как инструмент изъятия ресурсов, т.е. грабежа [13]. Однако к концу двадцатого века государство смогло полностью подчинить денежную сферу диктату силы, заменив полноценные деньги необеспеченными бумажными. Это позволило существенно увеличить масштаб инфляционных процессов, и количество ресурсов, перераспределяемых в пользу государства и заинтересованных лиц. Нельзя утверждать, что причина трансформации материальных денег в необеспеченные бумажные – «в большей ликвидности последних, то есть в мобильности и подвижности» [14, с. 118]. Главной движущей силой перехода к необеспеченным бумажным деньгам было стремление государства проводить инфляционную политику.

Деятельность государства в денежной сфере носит исключительно «паразитический» характер: механизм инфляции отбирает блага у общества и перераспределяет их в пользу «паразитов» – тех, кто не производит. Естественным является то, что общество для собственного выживания должно принимать попытки устранить данное силовое вмешательство в денежную систему. Одним из способов этого является создание новой формы денег. Такой формы, которая не будет обладать недостатками, позволившими государству проводить политику инфляции.

Недостатком золота как формы денег является то, что это объект материального мира, его можно отобрать, изъять, что в конечном итоге и сделало государство. Любые материальные объекты могут являться объектом посягательства.

Развитие информационных технологий, начавшееся в конце 20-го века, привело к тому, что люди попытались создать новую форму денег – криптовалюты, в которой деньги не существуют материально, а существуют лишь как определенный алгоритм, надежность которого определяется вычислительными операциями, математикой. Нематериальность есть преимущество криптовалют по сравнению с золотом.

В соответствии с алгоритмом криптовалюты биткоин общее количество бикоинов ограничено, что не позволяет бесконечно увеличивать их количество и проводить политику инфляции. Это является существенным преимуществом данной валюты, в т.ч. и по отношению к золоту. Мнение о том, что это является недостатком данного вида денег [15, с. 50], некорректно и отражает лишь точку зрения заинтересованных в инфляции государственных чиновников и банкиров.

До настоящего времени не найдено способа разрушить алгоритмы и устройство функционирования криптовалют. В настоящее время криптовалюты есть новый этап эволюции денег. Возможно, он будет тупиковым, но сейчас однозначно утверждать этого нельзя. Также остается открытым вопрос о том, способны ли криптовалюты выдержать конкуренцию с золотом за статус денег, поскольку золото не может в значительной мере выполнять функции денег по причине государственного вмешательства. С криптовалютами государства также ведут борьбу, однако они не имеют в настоящее время действенных средств борьбы с данным явлением, что дает криптовалютам преимущество перед золотом.

Таблица 1. Сравнительная характеристика эволюционных теорий происхождения денег

	Марксистская эволюционная теория происхождения денег	**Австрийская эволюционная теория происхождения денег**
Теория обмена	Обмен носит эквивалентный характер. «Обмен не может иметь места без равенства, а равенство без соизмеримости» [12, с. 69].	Обмен носит неэквивалентный характер. «Где господствует равенство и полное равновесие, там не может произойти никакой перемены в существующем до сих пор состоянии покоя» [16, с. 77].
Теория ценности	Ценность (стоимость) данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для её изготовления [12, с. 48].	Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и потому вне их сознания не существует [17, с. 132].
Определение	Деньги – это «товар, который стихийно выделился из всей массы товаров и стал играть роль всеобщего эквивалента» [12, с. 44].	Деньги – это общепризнанное средство обмена [18, с. 83].
Процесс появления денег	Необходимость денег была обусловлена развитием производительных сил и производственных отношений [3, с. 7].	Деньги появились вследствие стремления людей улучшить свое положение за счет минимизации трудностей обмена. Кто-то первым догадался, что сможет ускорить и упростить обмен (и получить прибыль в широком смысле), если будет обменивать свой товар не на тот, который необходим, а на тот, который обладает большей способностью к обмену. Остальные члены общества, видя, как это позволяет извлечь выгоды, стали копировать данные действия. «Деньги обеспечивают экспоненциальный рост возможностей социального взаимодействия» [18, с. 83], т.е. обеспечивают развитие общества.
Нейтральность денег	«Изменение стоимости золота не препятствует также его функции в качестве меры стоимости. Оно затрагивает все товары одновременно и потому caeteris paribus (при прочих равных условиях) не изменяет их взаимных относительных стоимостей, несмотря на то, что эти последние выражаются то в более высоких, то в более низких золотых ценах, чем выражались раньше [12, с. 108].	«Изменения в структуре цен, вызванных изменениями в предложении денег в экономической системе, никогда не оказывают влияния на цены товаров и услуг в одинаковой степени в одно и то же время» [19, с. 711].
Ценность денег	Ценность денег определяется количество общественно необходимого рабочего времени на добычу и обработку золота. «Стоимость же денег – количество труда для создания этого товара» [12, с. 44].	«Спрос на деньги определяется не их сегодняшней покупательной способностью (что привело бы нас к порочному кругу), а основанным на опыте знанием их вчерашней покупательной способности. Вчерашняя покупательная способность, в свою очередь, определяется спросом на деньги, опирающимся на знание действующих лиц о позавчерашней покупательной способности денег. Этот процесс ведет нас назад в прошлое вплоть до той точки истории, когда впервые появился спрос на определенный товар (золото или серебро) как на средство обмена» [20, с. 97].

Литература

1. Деньги. Кредит. Банки: учебное пособие/А.В. Власов. Ростов н/Д: Феникс, 2013.
2. Чеботарева Н.В. Систематизация и развитие теоретических подходов к сущности электронных денег // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2014. № 3.
3. Горина Т.И. Деньги, кредит, банки: Учебное пособие. Хабаровск, 2003.
4. Уэрта де Сото Х. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Челябинск, 2008.
5. Блауг М. 100 великих экономистов до Кейнса. СПб, 2008.
6. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.
7. Бухарин Н.И. Политическая экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы. М. Л., 1925.
8. Мизел Л. фон. Теория денег и кредита. Челябинск, 2012.
9. Усанов П.В. Прошлое, настоящее и будущее золотого стандарта // Финансы и бизнес. 2010. № 4.
10. Антонов А.В. Мировая валюта как форма стоимости // Научное мнение. 2014. № 4.
11. Власов А.В. Криптовалюты как новый вид электронных денег // Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 6.
12. Маркс К. Капитал. [Т.] I. Процесс производства капитала / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1960. Т. 23.
13. Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск, 2003.
14. Демидова М.В. Единицы измерения и ликвидность символического капитала: социально-философский подход // Вестник Поволжской Академии Государственной Службы. 2014. №2.
15. Малолетко А.Н., Малолетко Н.Е. Экономическая безопасность предприятий индустрии гостеприимства: использование криптовалют // Инновационное развитие экономики. 2014. № 2 (19).
16. Бём-Баверк. Критика теории Маркса. Челябинск, 2002.
17. Менгер К. Основания политической экономии // Избранные работы. М., 2005.
18. Уэрта де Сото Х. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М., Челябинск: 2008.
19. Салерно Дж. Теория денег Людвига фон Мизеса в контексте современной теории денег / В кн. Мизес Л. Теория денег и кредита. Челябинск, 2012.
20. Уэрта де Сото Х. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск, 2009.

ЛОГИСТИКА

УДК 001.895:346.26

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК СФЕРА ПРИЛОЖЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ

© 2015 г. А.А. Кизим, М.Е. Константинова, Д.Г. Сенцова

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149

Kuban State University
149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040

В статье рассмотрены особенности и барьеры применения логистических принципов предпринимательской деятельности в условиях современных социально-экономических отношений. Особое внимание уделено преодолению отмеченных барьеров на основе инновационных инструментов.

Ключевые слова: *предпринимательство, инновационные инструменты, логистические принципы, логистический центр, оценка деятельности субъектов.*

The article considers the features and barriers while implementing logictic principles of entrepreneurial activity under current social and economic conditions. Special attention is paid to overcoming the barriers by using innovations.

Keywords: *entrepreneurship, innovation tools, logistic principles, logistic center, evaluation of parties' activity.*

Для раскрытия проблемы совершенствования и применения логистических принципов в предпринимательской деятельности на данном этапе развития экономики в условиях финансовой нестабильности необходимо обратиться к исследованию мировой практики применения логистики в предпринимательстве, на различных этапах ее развития.

Продержать свое предприятие конкурентоспособным нелегкая задача, еще более сложная – развивать и расширять свою деятельность, выходя на новые инновационные уровни. Без применения логистики это мало осуществимо: она является важнейшим объектом в структуре предпринимательства, а ее принципы незаменимы для успешного функционирования организации.

Актуальность логистики применительно к рыночным отношениям определяется несколькими факторами. Она связывает интересы производителя и потребителя, что уменьшает значительное количество затрат. Логистическая деятельность выступает в роли координатора и управленца, обеспечивая взаимодействие производителей, посредников, потребителей. Также важное значение имеет информационная составляющая, которая связывает логистику и рынок и которая развивается на основе технологических и инновационных достижений, что также говорит об ее актуальности.

В научной статье «Логистика и ее принципы в сфере малого бизнеса» авторы Кизим А.А. и Ченцова Т.А. утверждают, что логистика на сегодняшний день, пожалуй, один из самых мало освещенных секторов рынка труда, но внедрение логистических подходов в управлении товародвижением приобрело большую актуальность на современном этапе развития нашей экономики [1]. По мнению авторов Нормундса Круминьш и Калвис Витолиньша, логистика имеет большое значение как для клиентов и поставщиков предприятия, так и для владельцев и акционеров [2].

Обращаясь к работе [1], отметим утверждение авторов о том, что использование на малом предприятии логистической системы предусматривает управление всеми операциями как единой деятельностью. Для этого на предприятии необходимо организовать специальную логистическую службу, которая будет управлять материальным потоком, начиная от формирования договорных отношений с поставками и заканчивая доставкой готовой продукции потребителю (рис.1).

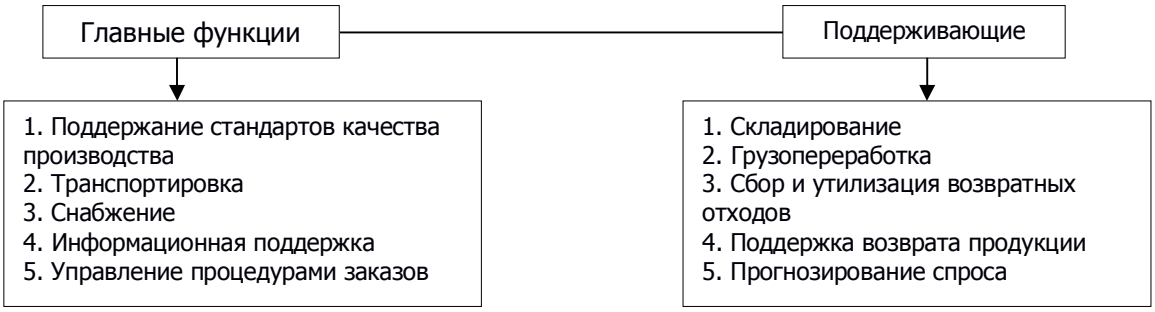

Рисунок 1. Классификация функций в логистической системе на предприятии (предложено на основании работы [1])

Перечисленный комплекс задач должен решаться в рамках фирменной логистической стратегии, её оптимизации управления материальными и сопутствующими им потоками с точки зрения:

– оптимизации (минимизации) уровней всех запасов МР, НП, ГП внутри производственно-технологического цикла и складской системы;

– сокращения времени производственно-технологического цикла;

– уменьшение всех логистических издержек в производстве ГП.

Основная задача производственной логистики состоит в создании и обеспечении эффективного функционирования интегрированной системы управления материальными потоками на предприятии [1].

Для правильного понимая логистической деятельности целесообразным будет представить основные принципы логистики. Например, автором Гаджинским А.М. выделяются следующие принципы логистики: системности, комплексности, научной логистики, конкретности, конструктивности, надежности, вариантности [11].

С другой стороны, Алесинской Т.В. также раскрыты логистические принципы, которые имеют значительное сходство, но и в то же время отдельные различия. Она раскрывает такие принципы, как принцип системного подхода, тотальных затрат, глобальной оптимизации, логистической координации и интеграции, развития логистического сервиса, моделирования и информационно-компьютерной поддержки, разработки необходимого комплекса подсистем, обеспечивающих процесс логистического менеджмента, принцип TQM (total quality management) – всеобщего управления качеством, гуманизации всех функций и технологических решений, устойчивости и адаптивности [12].

Основываясь на двух приведенных теориях, нами сделаны соответствующие выводы и составлена сводная таблица принципов логистики, на наш взгляд, наиболее целесообразных.

Таблица 2. **Основные принципы логистики**
(предложено авторами)

Принцип логистики	Характеристика
Системный подход	Координирование и систематизация деятельности на предприятии. Материальный поток оптимизируется на всем протяжении от первичного источника сырья вплоть до конечного потребителя
Минимизация затрат	Минимизация совокупных логистических издержек от первичного источника сырья до конечного потребителя
Технологический	Широкое использование современных технических средств перемещения и управления движением; высокие скорости и качество поступления информации и технологии ее обработки.
Устойчивость и надежность	Умение перестраиваться, менять приоритеты, параметры, цели и основные задачи предприятия, приспосабливаясь к нестабильным условиям рынка

Таким образом, выделены четыре, на наш взгляд, основных принципа логистики. На современном этапе развития рынка каждый из них необходим для успешного функционирования деятельности предприятия, незаменимы для его развития и инновационного совершенствования.

Смирнов И.Г. в статье «Развитие логистики в странах НАФТА» говорит о том, что ФТА (канадско-американское соглашение о свободной торговле 1989 г.) расширила возможности США и Канады продавать товары по заказам федеральной власти обеих стран. Следующим шагом в экономической интеграции региона стало подписание трехстороннего соглашения о создании Североамериканской зоны свободной торговли – НАФТА (the North American Free Trad eAgreement) между США, Канадой и Мексикой [3].

НАФТА по-разному повлияла на логистическую интеграцию в США, Канаде и Мексике. Ранее производители США организовывали в Канаде местные предприятия, прежде всего для создания эффекта присутствия на рынке. НАФТА предусматривало развитие торговых и транспортных потоков в Канаде главным образом в направлении Север-Юг. Развитие такого направления позволило эффективно обслуживать больше рынков меньшим количеством логистических предприятий, причем последние могут сэкономить за счет масштабов деятельности. Разработка направления Север-Юг открыло компаниям более широкий доступ на массовые рынки по обе стороны канадско-американской границы.

Логистика получила наибольшее практическое развитие на Североамериканском континенте, прежде всего, в США (рис. 2). Поэтому и общий рынок логистических услуг стран НАФТА достиг значительного развития, и уже в 2006 г. его общая емкость оценивалась в 1310 млрд. долл. Таким образом, на североамериканском рынке логистических услуг специализированные фирмы выполняют несколько базовых функций: во-первых, они непосредственно осуществляют предоставление складских и транспортных услуг, для чего им нужны складские комплексы, терминалы и подвижной состав; во-вторых, они занимаются организацией логистического процесса в зависимости от потребностей конкретного клиента. Логистика выступает мощным фактором интенсификации интеграционных процессов в Северо-Американской зоне свободной торговли [3].

Рассмотрим основы логистики для российского предпринимательства, что является наиболее актуальным. По-нашему мнению, логистическая деятельность в нашей стране только начинает развиваться. Многие предприятия не принимают инновационных методов функционирования, от чего не успевают в своей деятельности за более новыми, но уже максимально набирающими обороты предприятиями. Масштабное применение логистики позволит выйти на путь модернизации, иных технологических и современных решений, совершенствуясь и увеличивая прибыльность. Действительно, многие авторы утверждают, что функционирование российской экономики в современных рыночных условиях не возможно без хорошо налаженной системы логистики. Эффективная логистическая система экономического субъекта обеспечивает не только высокое качество и сокращение сроков поставки продукции конечному потребителю, но и позволяет предприятию с наименьшими издержками максимально адоптироваться к изменениям внешней среды. По рейтингу наиболее объективного на сегодняшний день международного показателя оценки уровня развития логистики – LPI (Logistics Performance Index), рассчитываемого Всемирным банком, наша страна по результатам первого квартала 2014 занимает 90 место из 160 стран мира [4].

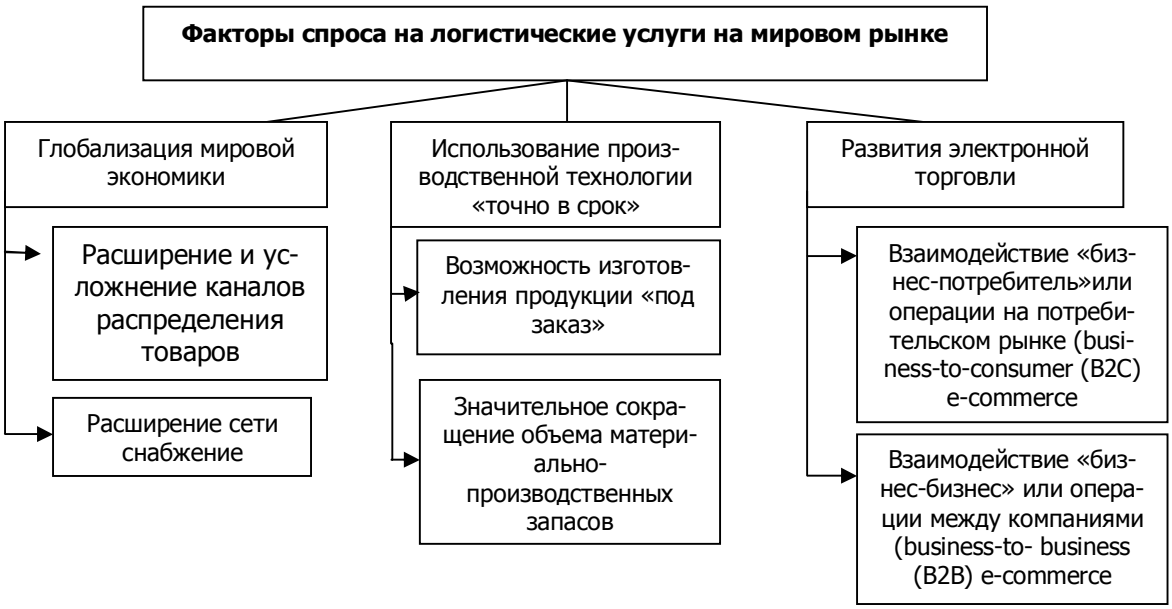

Рисунок 2. Факторы спроса на логистические услуги на мировом рынке (предложено на основании работы [3])

Калентеев С.В. при изучении особенностей развития логистики в РФ в целом и создания современных транспортно-логистических комплексов выявил множество препятствий на всех этапах реализации крупных логистических проектов:

1. Отсутствие единой терминологии и понимания таких терминов, как «логистический центр» (ЛЦ), «логистический комплекс», «транспортно-логистический центр», «региональный распределительный центр».

2. Отсутствие единой законодательной основы, регламентирующей все этапы создания крупных ЛЦ на этапах проектирования, строительства и их эксплуатации [5].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в нашей стране логистическая деятельность практически не развита и только начинает свое становление. Для достижения максимально успешного результата требуется еще немало времени и усилий, в то же время отмечается, что существует ряд препятствий для благоприятного функционирования логистической системы России.

Синтезированные проблемы развития логистики в России в общем виде приведены на рисунке 3. Логистический процесс представляет собой координирование и систематизацию всей деятельности предприятия для его успешного функционирования.

По нашему мнению, в первую очередь для совершенствования логистических процессов требуются квалифицированные и законодательно подготовленные кадры. Следующим шагом будет правильно налаженная организация работы, структура подчинения низших звеньев высшим. Структурированная и налаженная деятельность, оптимальное разграничение обязанностей каждого отдела, вплоть до отдельного сотрудника. Именно тогда становится возможным грамотно и системно организовать логистику предприятия.

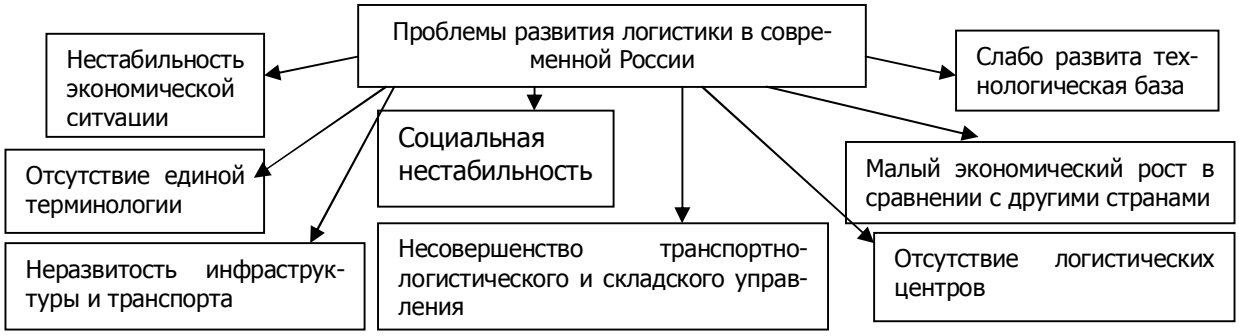

Рисунок 3. Проблемы развития логистики в современной России (предложено авторами)

Автор Хатеев И.В. рассматривает аспекты создания единого информационного пространства малых предприятий. Современный этап развития общества характеризуется ускоренными темпами формирования средств производства и предоставления информации и знаний для принятия эффективных управленческих решений. В основе данного производства лежат логистические информационные системы, активизирующие процессы взаимодействия хозяйствующих субъектов, финансовых и кредитных структур, государственных и муниципальных органов, организаций культуры, науки, образования [6].

Согласно Еременко М., появление и быстрое распространение программных и информационных продуктов стимулировало появление информационного бизнеса, под которым понимается производство, торговля и предоставление информационных продуктов и услуг. Развитие так называемого информационного бизнеса создает предпосылки создания единого информационного пространства предприятий [7].

На наш взгляд, основной эффект от создания единого информационного пространства и системы информационного обеспечения малого предприятия – это рост производительности труда (экономия времени, эффективное применение человеческих ресурсов, сокращение стоимости совершения той или иной транзакции на предприятии).

По утверждению авторов работы [8], глобализация коренным образом изменила характер международного разделения труда. Сегодня процессы обмена и взаимодействия идут не столько между государствами, сколько между мировыми воспроизводственными центрами и внутри них. Стыки взаимодействия центров представляют собой экономические границы, не совпадающие с национальными. Результатом этой тенденции явилось создание глобальных и мультилокальных компаний и международных предпринимательских сетей [8].

Следует отметить также, что в последнее время все более четко проявляется тенденция сращивания глобальных и мультилокальных компаний в некую транснациональную модель, позволяющую создавать наилучшие условия для использования преимуществ глобального производства и глобальных распределительных сетей. Сегодня важнейшей компетенцией становится детальное знание интересов потребителей и близость к ним. В современных условиях эту функцию в значительной степени реализуют международные логистические центры (МЛЦ) [8].

Задачей современной логистики является формирование комплексных интегрированных и высоко динамичных систем, органически взаимодействующих со всеми видами бизнеса в сфере производства и распределения ценностей. На практике подобные системы функционируют в виде МЛЦ, выполняющих организационную и координирующую функции. На данном этапе функционирования экономики выделяется развитие направлений логистики в социально ориентированной среде. Автор Кейванова Е.В. относит социально ориентированную логистику к такой сфере общественно-значимой деятельности, результаты которой позволяют обществу в лице его государства и других распорядительных центров реализовать свои системные цели, связанные с обеспечением и развитием страны (содружества стран) как единого социума [9].

К такого рода системным целям и интересам, по мнению автора, относится укрепление обороноспособности страны, обеспечение ее экономической и экологической безопасности, проведение нужной геополитики, улучшение демографической ситуации, повышение уровня благосостояния населения, развитие фундаментальных наук, культуры, искусства, сохранение флоры и фауны, повышение уровня образования и медицинского обслуживания, развитие спорта, образование госрезервов [9].

Из этого вытекает вторая важная особенность социально ориентированной логистики – приоритетность социального эффекта от ее функционирования и развития перед экономическим эффектом, который не исключается, а рассматривается как дополнительное условие, не требующее обязательной окупаемости произведенных затрат. Это позволяет установить разновидности социально ориентированной логистики по характеру соотношения в них социального и экономического эффектов [9].

В исследовании [10] говорится, что к социальной логистике тесно примыкают государственные услуги населению, реализуемые в порядке госзаказа, поскольку государственное предпринимательство – это такое направление деятельности, которое изначально ставит своей главной целью удовлетворение общественных потребностей в про-

дукции и услугах, производство и продуцирование которых невыгодно бизнес-структурам в условиях свободного рынка. Государственная логистика (госзаказ и госзакупки) имеет социальную ориентацию, так как обеспечивает поставки продукции и получение услуг от рыночных бизнес-структур для государственных нужд. К социально-ориентированной деятельности, направленной преимущественно на интересы социума, относится создание объектов социально-бытовой инфраструктуры, общественного транспорта, крупных объектов магистрального транспорта и транспортной инфраструктуры.

Сами же государственные закупки – это система отношений внутри государственного сектора экономики при его взаимодействии с другими субъектами по поводу приобретения, поставки и оплаты государством продукции и услуг и предоставления их определенным пользователям (потребителям) на бесплатной или льготной основе [10].

Отметим, что применение логистики необходимо для успешного осуществления деятельности организации. Она связывает интересы производителя и потребителя, что уменьшает значительное количество затрат. Логистическая деятельность выступает в роли координатора и управленца, обеспечивая взаимодействие производителей, посредников, потребителей.

Все вышесказанное позволяет нам утверждать, что главной целью логистики предпринимательства является создание дохода (с помощью применение наиболее эффективных принципов), который превышает расходы и способствует успешному функционированию предприятия. Логистика является центральным звеном всей деятельности организации, координируя, обеспечивая взаимодействие производителей, посредников и потребителей, выводит предприятие на более высокий уровень развития.

Приоритетным для российских компаний на сегодняшний день является именно применение логистических принципов, без которых невозможно добиться успеха и в дальнейшем развиваться. Поэтому можно сделать вывод о том, что логистика является перспективным направлением деятельности для российской экономики, которое с каждым новым этапом становления совершенствуется.

Литература

1. Кизим А.А., Ченцова Т.А. Логистика и ее принципы в сфере малого бизнеса // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. №12.
2. Нормундс Круминьш, Калвис Витолиньш Логистика предпринимательской деятельности // URL:http://transportinform.com/logistika/ (дата обращения 19.03.2015г.).
3. Смирнов И.Г. Развитие логистики в странах НАФТА // URL:http://uecs.ru/logistika/ (дата обращения 18.03.2015г.).
4. Старкова Н.О., Успенский А.В. Проблемы и перспективы современной российской логистики // URL:http://sibac.info/(дата обращения 19.03.2015г.).
5. Калентеев С.В. «Основные барьеры развития логистических центров в регионах России» // URL: http://cyberleninka.ru/ (дата обращения 15.03.2015)
6. Хатеев И.В. Логистические аспекты создания единого информационного пространства малых предприятий // URL:http://uecs.ru/logistika/(дата обращения 18.03.2015 г.).
7. Еременко М. ERP-системы в России: текущая ситуация и перспективы развития // Финансовая газета. 2008, № 5.
8. Мищенко Л.Я., Кизим А.А. Сети будущего: логистический подход к формированию эффективных международных предпринимательских сетей // Российское предпринимательство. 2003. №1 (37).
9. Кейванова Е.В. Сущность социально ориентированной логистики и ее роль в общественной жизни // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2014. № 2.
10. Курбатов О.Н., Новиков Д.Т., Скоробогатова Т.Н. Логистика в сфере услуг населению // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2009. № 2.
11. Гаджинский А.М. Логистика. 20-е изд. М., 2012.
12. Алесинская Т.В. Основы логистики. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2015 г. Р.Н. Сергушко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются геополитические и геостратегические угрозы национальной безопасности, выделяется демографическая составляющая национальной безопасности, анализируется демографическая политика и обосновывается необходимость политико-правового закрепления категории демографическая безопасность.

Ключевые слова: *демографическая безопасность, демографическая политика, геополитика, геополитические угрозы, демографические процессы*

The article examines the geopolitical and geostrategic threats to national security; points out its demographic element; analyses demographic policy and substantiates the necessity for the political and legal securing of demographic security category.

Keywords: *demographic security, demographic policy, geopolitics, geopolitical threats, demographic processes.*

Происходящая трансформация демографических процессов в мире и каждой отдельно взятой стране является не только следствием внутренней политики государств, но и результатом политических манипуляций при решении геостратегических задач. При этом политическая инверсия демографии часто становится поводом для прикрытия геополитических амбиций и дестабилизации международной обстановки с целью решения внутренних проблем и удовлетворения макроэкономических интересов. Заселение территорий всегда было преамбулой к масштабным экономическим и политическим действиям. Политические элиты всегда понимали, что демографическое благополучие – основа успешной политики, надежная платформа национальной безопасности и выгодной геостратегии – касается ли это освоения территорий, развития производства или защиты от внешних врагов [1, с. 100-105].

Демографические показатели напрямую связаны с национальной безопасностью любой страны, сохранением ее территориальной целостности, ее способностью завоевывать и отстаивать новые территории. Для новой России с ее территориями и природными ресурсами демографическое будущее определяется эффективностью национальной демографической политики, проводимой в рамках политической модернизации.

Трансформационные вызовы глобального масштаба вызваны кардинальными миросистемными изменениями, детерминированным изменением геополитической модели мироустройства [2]. Обостряющиеся региональные проблемы вследствие геополитической трансформации, усилили центробежную направленность не только регионального, но и национального взаимодействия, обострились цивилизационные противоречия. Это не может не сказаться на демографических процессах.

Основными направлениями процесса российской политической модернизации, адекватные воздействиям глобальных трансформационных вызовов, являются: упрочение российского геополитического статуса, обеспечение национальной безопасности; экономический рост, создание экономики устойчивого развития; инновационное, технологическое обновление всех сфер экономики; создание государства реального суверенитета, государства инновационного развития; укрепление гражданского общества; развитие науки и образования; усиление национальной идентичности, национального само-

сознания; укрепление и рост демографического потенциала; повышение имиджа России на мировой арене.

Укрепление демографического потенциала, качества людских ресурсов, преодоление депопуляции – непременное условие российской политической модернизации, эффективного развития страны. Эта составляющая модели политической модернизации крайне важна, так как с нее практически и должна реально начаться модернизация [3, с. 29].

Сокращение популяции населения приводит к потере контроля над народонаселением и его размещением, являясь угрозой национальному суверенитету страны [4]. Огромная территория России на евразийском пространстве играет ведущую роль в расстановке сил и развитии цивилизации.

Острота проблемы заставила ввести в политический оборот дефиницию «демографическая безопасность», которую можно определить как противодействие внутренним и внешним угрозам изменения параметров демографического развития, при которых нарушается воспроизводство населения [5]. Для устранения угрозы нужны не только правовые и экономические меры предотвращения демографической опасности, нужна воля политической элиты и ее лидера. Надо сказать, что с 2006 года внимание руководства страны к демографической проблеме резко усилилось. Стали приниматься различные программы, под которые выделяются значительные финансовые вложения [6].

Сегодня Россия, наверное, впервые в своем развитии встала перед демографическим выбором, так как возникла угроза разрушения сложившейся историко-культурной полиэтнической общности под внешней экспансией. Должна быть кардинально изменена государственная демографическая политика, предусматривающая остановку депопуляции, регулирование миграции, создание социально-экономических условий для укрепления человеческого потенциала с целью сохранения Российского государства, способное обеспечить контроль над собственным геополитическим пространством. Выбор модели демографической политики имеет в прямом смысле судьбоносное значение [7].

Отмечающиеся в начале века возрастание смертности и резкое падение рождаемости в России поставили страну на грань демографической катастрофы [8, с. 264]. Иммиграционный источник восполнения растущих потребностей российской экономики в трудовых ресурсах не в полной мере отвечает национальным интересам России. Анализ международного опыта показывает социальную и этнополитическую рискогенность правовой институционализация такого подхода к решению демографических проблем. В связи с этим перед российской политической властью стоит сложная задача по созданию необходимых институциональных условий, позволяющих обеспечить положительную динамику народонаселения при сохранении национальных пропорций и качества человеческого ресурса. Такой подход выражает приоритетность национальных интересов страны [9, с. 106].

Еще одной теоретико-методологической проблемой исследования демографической безопасности является применение ко всем геополитическим субъектам теории демографического перехода, генетически связанной с концептами модернизации и постмодернизации или вестернизации. Необходимо отметить, что данная теория имеет слабое эвристическое значение в плане геополитики, так как недостаточно учитывает национальные особенности мирового развития, плохо экстраполируется на страны с традиционно-религиозными устоями и государства-цивилизации.

При исследовании угроз и разработке инструментария обеспечения демографической безопасности альтернативой теории демографического перехода могут выступать институциональный и неоинституциональный подходы, так как основным фактором, детерминирующим демографические процессы, являются исторически складывающиеся в обществе социальные институты.

Особое значение в обеспечении демографической безопасности имеют политико-правовые институты, которые институционально определяют систему национальной безопасности, юридически закрепляют порядок обеспечения интересов личности, общества и государства. Институциональное обеспечение демографической безопасности составляет ядро демографической политики, требующее развития законодательства, регулирующего правоотношения в сфере здравоохранения, семьи и брака, традицион-

ной культуры, миграции, касающегося политико-правовой защиты национальных интересов в сфере демографической безопасности России [10, с. 58].

Демографическая безопасность отражает институциональную взаимосвязь между государственным демографическим интересом и системой получивших юридическую легитимацию общественных отношений, политическими и правовыми институтами, обеспечивающими предотвращение и ликвидацию угроз и рисков в сфере сохранения планируемого государственной политикой демографического баланса в обществе.

Исходя из сущности данной политической категории, демографическую политику нужно рассматривать как целенаправленную деятельность органов государственной власти и иных институциональных субъектов, направленную на политико-правовое регулирование воспроизводства населения. Цель демографической политики заключается в воздействии на формирование желательного для общества режима воспроизводства населения, сохранения или изменения тенденции в области динамики его численности и структуры, темпов рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения.

Системность демографической политике должно придать политико-правовое обеспечение институциональной взаимосвязи национальной и демографической безопасности. Поскольку безопасность как социальное явление предполагает отсутствие угроз для репродукции человека, разработка эффективной демографической политики, касающейся источников формирования населения страны, должна быть важнейшей частью программ по обеспечению национальной безопасности.

Демографическая модернизация, которая в настоящее время продекларирована государством, предполагает формирование институционально-правового поля, обеспечивающего воспроизводство населения в необходимых для страны формах и объемах. Матримониальная эмансипация, являющаяся ее необходимым следствием, получающая в России политико-правовую легитимацию на протяжении ста лет, привела к снижению рождаемости, являющейся следствием трансформаций не только институционально-правовой, но и ментальной сферы, где брак, семья, дети перестают быть основополагающими ценностями человеческой жизни.

Большое значение в развитии российского демографического кризиса имеет идеологический подход к демографической сфере, опирающийся на концептуальный политико-правовой контекст демографической модернизации, теории демографического перехода.

В заключение необходимо отметить, что происходящая трансформация геополитических отношений детерминирует необходимость разработки новых подходов к обеспечению национальной безопасности, где демографической безопасности должно отводиться возрастающая роль. Демографический ресурс является не менее важным в геополитическом пространстве, чем территория и природные ресурсы.

Литература

1. Амосов И.Н. Демографические аспекты национальной безопасности Российской Федерации // Взаимодействие государственных органов в решении проблем обороны страны в мирное и военное время. Материалы научно-практической конференции 31 октября 2008 года. Г. Москва. М.: ВАГШ, 2008.
2. Швец Л.Г., Старостин А.М. Мотивационная составляющая эффективности местного самоуправления // В сб. «Эффективность самоуправления муниципальных образований городских и сельских поселений (опыт России и Германии)». Ростов н/Д., 2011
3. Досина Н.В., Смирнов Я.О. Воспроизводственный потенциал современной российской семьи в контексте пронаталистской социально-демографической политики // Женщина в российском обществе. 2011. № 1.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010) // URL: http://iph.ras.ru;
5. Урсул А.Д.. Проблема безопасности: глобальные и универсально-эволюционные аспекты // NB: Национальная безопасность. 2012 // URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_67.html

6. Национальная программа демографического развития России на период 2007-2015 гг. // URL: reut.viperson.ru›articles/natsionalnaya-programma
7. Яшкова Т.А. Политическая модернизация (теоретико-методологические аспекты) / Политология. М.: Проспект, 2006
8. Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. / Ран. Инион. Центр. науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. Отд. Вост. Европы. М., 2002. Ч.1. (Сер. Глобальные проблемы современности)
9. Артюхин О.А. Региональные особенности государственной политики в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 3.
10. Демографические проблемы России и пути их решения в плане обеспечения национальной безопасности. // URL: /sociologiya_i_obshhestvoznanie.html
11. Тиводар С.И. Демографическая безопасность России: Институционально-правовое обеспечение национальных интересов: Автореф. дис. … д.ю.н., Ростов н/Д., 2008.

УДК 323

РИСКОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

© 2015 г. А.Д. Султанов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В статье рассматриваются основные задачи и цели Вооруженных сил Российской Федерации. Выделены основные угрозы безопасности России и приоритетные направления и задачи для Вооруженных сил России на ближайшие десятилетия. Рассматриваются национальные интересы России в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *военная безопасность, национальная безопасность, власть, политика, стратегия национальной безопасности, военная доктрина.*

The article discusses the main objectives and goals of the Armed forces of the Russian Federation. Highlights the main threats to Russia's security and priority directions and tasks for the Armed forces of Russia in the coming decade. Discusses Russia's national long-term interests.

Keywords: *military security, national security, power, politics, national security strategy, military doctrine.*

Несмотря на геополитическое переустройство мира, изменение стратегических направлений, а также утрату ряда позиций на мировой арене за последние 20 лет, Россия сохраняет параметры великой державы, обладая обширной территорией, богатыми природными ресурсами, населением с высоким интеллектуальным потенциалом, историческими традициями государственности, а также значительным военным, ядерным, потенциалом. Стратегия сохранения статуса великой державы предъявляет военной политики и системе обеспечения военной безопасности России повышенные требования.

Система национальной безопасности России подвергается особому испытанию, и в связи с глобальным геополитическим противоборством мировая система становится все более непредсказуемой, нестабильной, угрожающей, что требует существенной корректировки военной политики и военных стратегий.

Для формирования российской военной политики принципиальным становится военно-стратегический компонент. Это связано, в первую очередь, со стремлением США к установлению своей глобальной гегемонии и их готовностью применять наряду с другими рычагами военную силу. Важность военно-стратегического компонента для обеспечения военной безопасности обусловлена ростом числа агрессивно настроенных сепаратистских движений, использующих насильственные методы в достижении своих цели, деструктивные процессы в соседних странах, в том числе и в пределах Содружества независимых государств.

Расширение НАТО, присоединение территории новых членов блока развивает инфраструктуру для быстрого развертывания контингента, усиливается космическая, воздушная и радиотехническая разведка российской территории, создается дополнительная напряженность у границ России.

В целом, можно выделить следующие угрозы безопасности России и сформированных задач для Вооруженных сил [1]:

- территориальные претензии к Российской Федерации, вмешательство в ее внутренние дела, попытки игнорировать или ущемлять интересы РФ в решении проблем международной безопасности;
- наличие очагов вооруженных конфликтов, прежде всего вблизи государственной границы РФ и границ ее союзников;
- создание или наращивание группировок войск (сил), ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территории морях;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности РФ;
- создание, оснащение и подготовка на территориях других государств вооруженных формирований и групп в целях их переброски для действий на территории Российской Федерации и ее союзников;
- действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в том числе путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов;
- международный терроризм, который становится инструментом глобализации, сопутствующая этому процессу международная антитеррористическая борьба, под лозунгами которой происходит передел мира и природных ресурсов, что приводит к формированию модели однополярного мирового порядка [2, с. 23].

В современной России, происходит процесс формирования новых социально-политических условий, демократизация, что, несомненно, сказывается на военно-политической концепции, однако существенным преимущество страны в военном отношении остается роль ядерного оружия, которое становится важнейшим, наиболее надежным средством обеспечения оборонной безопасности, в формате оружия стратегического сдерживания.

Изменения концепция обеспечения военной безопасности обусловлено и тем, что большинство конфликтов разворачиваются на локальных территориях, но с широким использованием внешних сил и средств, такие процессы требуют готовности не просто обороняться в случае внешней агрессии. В то же время военная политика должна учитывать экономический и демографический потенциалы государства.

С.Б. Иванов в своем докладе «Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты» [3] сформулировал следующие приоритетные задачи для Вооруженных сил России на ближайшее десятилетие:

- Сохранение потенциала стратегических сил сдерживания, который должен гарантировать недопущение любого вида силового давления и агрессии против нашей страны или ее союзников.
- Наращивание количества соединений и частей постоянной готовности и формирование на их основе группировок войск на всех стратегических направлениях.

- Активизация перевода ВС на контрактную основу при сохранении подготовленного мобилизационного резерва.

- Совершенствование оперативной и боевой подготовки войск с учетом военных и иных угроз для России, гарантированного выполнения задач по обеспечению военной безопасности страны, новых тенденций в характере вооруженной борьбы и способов действий войск, оперативного предназначения группировок, особенностей театра военных действий и вероятного противника.

- Переоснащение ВС новыми системами вооружения и техники.

- Совершенствование военного образования, системы воспитания и морально-психологического обеспечения военнослужащих.

- Совершенствование системы социального обеспечения военнослужащих [3].

Доктрина военной политики и военной безопасности в сложившихся условиях для России должна быть реалистичной и реализовывать долгосрочный внешнеполитический курс, который будет основываться на приоритете национальных интересов России.

Военная доктрина России, на основании которой формируется военная политики и принципы обеспечения военной безопасности, являться производной частью Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года, утвержденной Указом Президента России 12 мая 2009 года [4].

Из нее следует, что национальные интересы России в долгосрочной перспективе заключаются:

– в развитии демократии и гражданского общества, повышении конкурентоспособности национальной экономики;

– в обеспечении незыблемости конституционного строя, территориальной целостности и суверенитета Российской Федерации;

– в превращении Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира.

На формирования национальной стратегии и военной доктрины влияют следующие элементы:

– во-первых, субъективные представления правящей элиты о национальных интересах и ценностях;

– во-вторых, международные реалии, влияющие на формулирование целей и задач, но также на саму элиту и на систему национальных интересов, т.е. фундаментальные факторы;

– в-третьих, опосредовано на национальные ресурсы и возможности.

Степень влияния этих факторов может быть очень разной и формировать самый широкий спектр их взаимодействия и выработки определенной стратегии.

Таким образом, стратегическое формирование военной политики и военной безопасности Российской Федерации тесно переплетены и с другими нормативными актами, формируют концепцию Стратегию национальной безопасности до 2020 и соответствующею ей Военную доктрину.

Исходя из этого военная политики России направлена на предотвращение повторения гонки вооружения, предотвращение возникновения военных конфликтов, реформирование Вооруженных сил и других войск РФ и отстаивание интересов своих союзников, в рамках заключенных международных договоров военного сотрудничества на основание международного права (ОДКБ, СНГ 18). При этом первостепенной задачей ставится недопущения ядерного конфликта и нераспространение оружия массового поражения. Упор делается на прогнозирование конфликтных ситуаций, быстрое и адекватное реагирование, отстаивание национальных интересов и интересов граждан России.

Рассматривать модернизацию военно-промышленного комплекса без связи с управлением социально-политическими процессами [5, с. 199-202] и реализацией крупных стратегических проектов развития России нельзя, поскольку основная цель политики государства в разрезе обеспечения национальной безопасности – это построение сильной, высокоэффективной экономики, создание мощной современной инфраструктуры.

Еще одним из важнейших аспектов модернизации военной политики является ее кадровая составляющая [6]. Именно квалифицированные кадры, имеющие высокий уровень патриотизма, способны перевести не только экономику, но и военную политику на новый уровень, способный противостоять внешним и внутренним угрозам.

В условиях развертывания глобального кризиса и эскалации военных действий поддержка военного паритета должна стать ключевым приоритетом России для создания условий перехода к устойчивому росту качества жизни. Если, к примеру, годовая выручка от экспорта вооружения в начале 2000-х составляла 5-6 млрд. долларов, то к 2014 г. – уже порядка 15 млрд. Наша «оборонка» может стать локомотивом для перевода страны на инновационный путь развития. Поэтому сегодня именно ОПК объективно должен стать полигоном внедрения в стране стратегического планирования на базе динамической модели межотраслевого баланса, чтобы решить задачи управления экономикой.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации // URL: http://www.mil.ru/849/11873/1062/1347/1818/index.shtml (дата обращения 4.05.2014).
2. Возжеников А.В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2005.
3. Иванов С.Б. Вооруженные силы России и ее геополитические приоритеты // URL: //http://www.viperson.ru/wind.php?ID=284577&soch=1 (дата обращения 05.05. 2014).
4. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента России 12 мая 2009 г. № 537 // URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 24. 04. 2014).
5. Артюхин О.А., Сазонова О.М. Публичное управление социально-политическими процессами в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012. № 2.
6. Крицкая А.А. Кадровый аспект взаимодействия власти и бизнеса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

КАТЕГОРИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПРАВЕ ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ

© 2015 г. С.Ю. Чапчиков

Юго-Западный государственный университет 305040 г. Курск, 50 лет Октября, 94

Southwest State University 94, 50 let Oktyabrya, Kursk, 305040

Статья посвящена анализу возникновения и развития категории законных интересов в праве. В ней исследуются содержание и виды законных интересов, общие и особенные черты законных интересов и субъективных прав. В статье показано, что правовая регламентация содержания интереса осуществляется через наделение субъекта-носителя интереса юридическими возможностями. Причем эти возможности можно сгруппировать в три группы: права человека, законные интересы, субъективные права.

Ключевые слова: *право, субъективное право, интерес, законный интерес, права человека.*

The article analyses the origin and development of categories of the legitimate interests in law. It explores the content and types of legitimate interests, the general and particular features of the legitimate interests and rights. The article shows that the legal regulation of the content of interest is implemented through providing a party to interest with legal opportunities. Moreover, these opportunities can be distributed into three groups: human rights, legal interests, rights.

Keywords: *law, right, interest, legal interest, human rights.*

Слово "интерес" происходит от латинского " *inter esse* – «быть внутри». Категория интереса в науке является одной из базовых, характеризующих активное отношение человека к окружающему его миру.

Тема интереса звучала уже в римском правоведении. Ведущим ее мотивом в римском праве было обеспечение защиты справедливых интересов свободных людей. В обиход юриспруденции термин «интерес» ввели, стали изучать и широко использовать немецкие юристы во второй половине XIX века. Р. Иеринг одним из первых в юриспруденции высказал понимания права как юридически защищенных интересов. Эта идея получила развитие в ряде его работ: "Интерес и право", "Цель в праве». Р. Иеринг возвел интерес в ранг основной правовой категории. Интересы в работах Иеринга признаются одновременно детерминантом, содержанием и целью права. «С интересами народа, – пишет он, – также изменяется его право назначение которого в том и заключается, чтобы охранять непреложные жизненные требования общества путем принуждения» [3, с. 83].

Учение Р. Иеринга оказало серьезное влияние на формирование взглядов многих русских правоведов XIX-XX вв. Н.М. Коркунов, Б.А. Кистяковский, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др. заложили фундамент оригинальной российской юридической школы, активно исследовавшей категорию интереса в праве.

Н.М. Коркунов, в частности, в своих трудах обращал внимание на многообразие различных сталкивающихся между собою личных и общественных интересов в политической, экономической, религиозной областях. По его мнению, для сосуществования интересов необходимо, чтобы каждому субъекту была определена известная сфера, сталкивающиеся между собой интересы должны быть разграничены, а право призвано обеспечивать должный порядок в сталкивающихся между собой интересах. С этой точки зрения право есть «разграничение интересов» [5, с. 39, 57]

В советский период господствовала марксистская трактовка интереса как объективного явления, которое выражает непосредственную зависимость человека от условий существования общества.

В 60-80 годы XX в проблемы интересов активно разрабатывались представителями философской, экономической, психологической и социологических наук: Л.И. Абалкин, Л.А. Гордон, А Г. Здравомыслов, С.Л. Рубинштейн, А.Г. Спиркин и др.

Общетеоретические исследования по проблемам интересов в праве этого периода представлены трудами Г. В. Мальцева, В. Н. Кудрявцева, Д. А. Керимова, Н. И. Матузова, А. И. Экимова и др.

А.И. Экимов в связи с этим справедливо писал о том, что изучение интереса в праве должно включать «учет всех его сторон, всех проявлений – от начала его формирования до полной реализации» [13, с. 11]

В последние годы теорию интереса рассматривали в своих трудах А.В. Малько, С.В. Михайлов, И.В. Першина и др.

Особого упоминания заслуживает диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук В.В. Субочева «Теория законных интересов». Автор провел глубокий теоретико-правовой анализ законных интересов как важнейшей формы отражения в праве интересов участников общественных отношений, выявил роль законных интересов в механизме правового регулирования, рассмотрел акты их реализации, способы их адекватной охраны и защиты.

«Субъективные права, – справедливо пишет В.В. Субочев, – принадлежащие различным участникам отношений, не всегда полностью позволяют удовлетворить их потребности и интересы. Часть соответствующих объективно существующему праву стремлений «остается за бортом» правового регулирования, что приводит к ущемлению не только законных желаний граждан, но и нивелированию роли очевидного и эффективного средства правового воздействия – интереса, находящегося в сфере действия права, другими словами – законного интереса» [10, с. 3].

Интерес как правовая категория

Сложность изучения понятия «законный интерес» заключается в том, что нормы права не содержат его легального определения. Отсюда и достаточно большая разница во мнениях относительно понимания законного интереса и его места в системе государственно-правовых явлений.

Правовая регламентация содержания интереса осуществляется через наделение субъекта-носителя интереса юридическими возможностями. Причем эти возможности в научной литературе группируются обычно в три группы: 1) права человека; 2) законные интересы; 3) субъективные права.

Причем стоит отметить, что категория «законных интересов» привлекала внимание юристов на протяжении всего XX века.

Одним из первых российских ученых-юристов термин «законные интересы» ввел в научный оборот Г.Ф. Шершеневич в своей фундаментальной работе «Общая теория права». В частности, он писал, что «члены одного общества выработали в себе привычку отстаивать всеми законными средствами свои права, восставать против малейшего нарушения их законных интересов, относиться недоброжелательно к нарушителям правового порядка как к общим врагам, а соответственно тому и сами стараются не выходить из пределов своего права» [12].

В законодательстве одним из первых нормативных актов, закреплявших категорию «законный интерес», явился ГПК РСФСР, принятый 7 июля 1923 г. Статья 5 названного акта гласит: «Суд обязан... способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами, оказывая обращающимся к суду трудящимся активное содействие к ограждению их прав и законных интересов...» [11].

С середины 50-х годов XX века категория законного интереса стала значительно активнее использоваться в законодательстве. Ее можно встретить, например, в п. 3 ст. 2, ст. 14, п. 4 ст. 23 Положения о прокурорском надзоре в СССР 1955 г.; в ст. 2 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик 1958 г.; в ст. 2, 5, 29, 30 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1961 г.; в ст. 2, 10 Закона о Прокуратуре СССР; в п. 2 ст. 22 Закона о народном контроле в СССР; в ст. 2, 15 Закона о государственном арбитраже в СССР; в ст. 1, 6, 7 Закона об адвокатуре в СССР и т.п. [4].

О правовой охране законных интересов, осуществляемой наряду с правами и свободами, речь идет и во многих современных нормативных актах: в ст. 1 и 13 ГК РФ; в ст. 1, 7, 56 Семейного кодекса РФ; в ст. 2 АПК РФ; в ст. 1 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях; в ст. 1 УИК РФ; в п. 2 ст. 1 Федерального закона РФ «О прокуратуре Российской Федерации» и т. д.

Термин «законный интерес» активно используется в международно-правовых документах, а также в конституциях ряда стран. В частности, согласно основным принципам независимости судебных органов, принятым 7-м Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в сентябре 1985 г., каждый человек имеет право на судебную защиту своих прав и связанных с ними разнообразных охраняемых законом интересов в судах Российской Федерации, применяющих процедуру, рассчитанную на компетентное, быстрое и доступное разбирательство дела беспристрастным судьей или судьями [9, с. 326–328].

В ст. 24 Конституции Итальянской Республики прямо установлено, что «все могут в судебном порядке действовать для защиты своих прав и законных интересов». Термин «законный интерес» употребляется и в конституциях Швейцарской Конфедерации (ст. 34), Болгарии, Румынии, Кубы, а также ряда стран-членов СНГ (в ст. 8 Конституции Армении; в ст. 8 Конституции Кыргызстана; в ст. 99 Конституции Туркменистана; в ст. 20 Конституции Узбекистана; в ст. 44, 53, 122 Конституции Беларуси). Дважды (в ч. 2 ст. 36 и в ч. 3 ст. 55) термин «законный интерес» фигурирует и в Конституции РФ 1993 г. [9, с. 326–328].

Современное понимание «законных интересов»

В современном российском праве под законными интересами понимаются те интересы лица, которые по существу не выражены в правовых актах в виде субъективного права, но признаются и охраняются государством. Они выражены в виде дозволения.

Другими словами, законный интерес – это отраженное в объективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлениях субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным.

Система механизмов защиты законного интереса отлична как от системы защиты прав человека (например, отсутствие международно-правовых гарантий и конституционно-судебной формы защиты в рамках внутригосударственной), так и от системы защиты субъективных прав (например, иск в защиту неопределенного круга лиц как средство судебной формы защиты «не влечет каких либо прямых материальных последствий» для каждого конкретного пострадавшего лица, но может защитить его законные интересы).

Законные интересы весьма разнообразны. Их можно классифицировать по различным основаниям.

Например, по субъектам их можно подразделить на законные интересы граждан, государственных, общественных, муниципальных, коммерческих и иных организаций.

В свою очередь, законные интересы граждан подразделяются на законные интересы потребителей, членов семьи и т.п.

Законные интересы в зависимости от отраслевой распространенности могут быть материально-правовыми – конституционными (заинтересованность в здоровом подрастающем поколении, в улучшении системы здравоохранения, в повышении благосостояния общества и др.), гражданскими (заинтересованность автора в высоком гонораре за опубликованную книгу и пр.), и процессуально-правовыми – уголовно-процессуальными (например, если подсудимого принуждают к даче показаний, последний обращается за защитой законного интереса, а не права давать показания), гражданскими процессуальными (интерес истца в назначении судом повторной экспертизы, интерес больного свидетеля в том, чтобы он был допрошен судом в месте его пребывания).

В зависимости от их уровня законные интересы бывают общими (интерес участника процесса в принятии законного и обоснованного решения по делу) и частными (интерес гражданина в установлении конкретных фактов, доказывающих его невиновность в совершении правонарушения).

По характеру законные интересы подразделяются на имущественные (интерес в

наиболее полном и качественном удовлетворении потребностей в сфере бытового обслуживания) и неимущественные (интерес обвиняемого в предоставлении ему свидания с родственниками).

В юридической науке предлагается также рассматривать законные интересы в широком и узком смысле слова (Р.Е. Гукасян, Н.В. Витрук и др.). В широком смысле – это как интересы, закрепленные в субъективных правах и обязанностях, так и интересы, выраженные в особом понятии «законные интересы». В узком же смысле – только последние.

Соотношение законного интереса и субъективного права

Категория законного интереса наиболее близко соприкасается с субъективным правом.

Субъективное право определяется в литературе кратко как вид и мера возможного поведения [8, с. 380] или более широко – как «создаваемая и гарантируемая государством через нормы объективного права особая юридическая возможность действовать, позволяющая субъекту (как носителю этой возможности) вести себя определенным образом, требовать соответствующего поведения от других лиц, пользоваться определенным социальным благом, обращаться в случае необходимости к компетентным органам государства за защитой в целях удовлетворения личных интересов и потребностей, не противоречащих общественным» [8, с. 381].

Субъективные права, принадлежащие различным участникам отношений, не всегда полностью позволяют удовлетворить их потребности и интересы. Часть соответствующих объективно существующему праву стремлений «остается за бортом» правового регулирования, что приводит к ущемлению не только законных желаний граждан, но и нивелированию роли очевидного и эффективного средства правового воздействия – интереса, находящегося в сфере действия права, другими словами – законного интереса.

Субъективные права и законные интересы имеют как общие черты, так и существенные отличия друг от друга.

К общим чертам субъективных прав и законных интересов М.Н. Марченко относит:

1) и те, и другие обусловлены материальными и духовными условиями жизни общества;

2) содействуют развитию и совершенствованию социальных связей, фиксируя в себе определенное сочетание личных и общественных интересов;

3) несут определенную регулятивную нагрузку, выступая своеобразными подспособами правового регулирования;

4) предполагают удовлетворение собственных интересов личности, выступая своеобразными юридическими средствами (инструментами) реализации данных интересов, способами их правового опосредствования;

5) имеют диспозитивный характер;

6) выступают в качестве самостоятельных элементов правового статуса личности;

7) представляют собой юридические дозволения;

8) их осуществление связывается в основном с такой формой реализации права, как использование;

9) являются объектами правовой охраны и защиты, гарантируются государством [8, с. 382].

Вышеназванные черты сближают данные правовые категории, делают их «родственными». Но наряду с общими чертами между субъективными правами и законными интересами имеются и различия, которые важны как для теории, так и для юридической практики.

Субъективные права и законные интересы не совпадают по своей сущности и структуре. Нетождественность их определяется тем, что субъективные права и законные интересы – различные правовые дозволенности. Первая представляет собой особую дозволенность, обеспеченную конкретной юридической необходимостью других лиц. Если же правовая дозволенность не имеет либо не нуждается в юридически необходимом поведении других лиц как средстве своего обеспечения, то она и не возводится законодателем в ранг субъективного права.

Законный интерес – юридическая дозволенность, имеющая, в отличие от субъек-

тивного права, характер правового стремления. Однако и законный интерес можно считать известной возможностью, но возможностью в большинстве своем социальной, фактической, а не правовой. Он отражает лишь разрешенность действий и не более того.

Если сущность субъективного права заключается в юридически гарантированной и обеспеченной обязанностями других лиц возможности, то сущность законного интереса – в простой дозволенности определенного поведения. Это своеобразное «усеченное право», «усеченная правовая возможность». Ему противостоит лишь общая юридическая обязанность – уважать его, не нарушать его, поскольку и сам он представляет собой правовую возможность общего характера.

Субъективное право и законный интерес не совпадают и по содержанию, которое у первого состоит из четырех элементов (возможностей), а у второго – только из двух. Субъективное право – это возможность, позволяющая субъекту пользоваться благом в границах, строго установленных законом. Законный интерес – тоже известная «возможность», позволяющая субъекту пользоваться благом, но уже без таких четких границ дозволенного поведения (вида и меры) и возможности требования определенных действий от других лиц [8, с. 383].

Кроме того, разграничению субъективного права и законного интереса могут помочь дополнительные критерии, вытекающие из причин существования законных интересов наряду с субъективными правами.

Думается, можно выделить экономическую, количественную, качественную причины существования законных интересов и соответственно экономический, количественный и качественный критерии их отграничения от субъективных прав.

Экономический критерий означает, что в законных интересах опосредствуются только те интересы, которые нельзя обеспечить материально, финансово (в той же мере, как и субъективные права).

Количественный критерий заключается в том, что в законных интересах опосредствуются интересы, которые право не успело «перевести» в субъективные права в связи с быстроразвивающимися общественными отношениями (невозможность опосредствовать интересы в «ширину» – пробельность) и которые нельзя типизировать в связи с их индивидуальностью, редкостью, случайностью и т.д. (невозможность опосредствовать интересы в «глубину»).

Качественный критерий указывает на то, что в законных интересах отражаются менее значимые, менее существенные интересы и потребности.

В принципе, все эти три критерия (причины) можно свести к двум (более общим): 1) право не «хочет» опосредствовать те или иные интересы в субъективные права (качественная причина) и 2) право не «может» опосредствовать те или иные интересы в субъективные права (экономическая и количественная причины).

Таким образом, причины, обусловливающие существование законных интересов наряду с субъективными правами, являются сложными, подчас не сразу уловимыми, разнообразными и взаимосвязанными, из которых порой трудно выделить какую-либо главную. В определенный период, в зависимости от различных условий может стать главной причиной любая из вышеназванных причин. Поэтому ее следует выявлять в каждом конкретном случае [8, с. 384].

Кроме основного и дополнительных критериев есть еще и некоторые другие признаки различия между законным интересом и субъективным правом. В частности, законные интересы в большинстве своем формально в законодательстве не закреплены, в то время как субъективные права закреплены. Исходя из этого последние имеют свою четкую, установленную законодательством систему, чего не скажешь о первых.

Между этими категориями можно провести различия и в плане их конкретности, определенности. Если субъективное право носит индивидуально-определенный характер (определены носитель права, контрагент, все основные атрибуты поведения – его мера, вид, объем, пределы во времени и в пространстве и т.п.), то законный интерес, не будучи в основном отраженным в законодательстве, не предусмотрен конкретными правовыми предписаниями. «Особенности содержания законного интереса, в отличие от права, – пишет Н.В. Витрук, – заключаются в том, что пределы правомочий законного интереса четко не сформулированы в конкретных правовых нормах, а вытекают из совокуп-

ности правовых норм, действующих правовых принципов, правовых дефиниций» [2, с. 109]. Важной отличительной чертой является различная степень их гарантированности: если для субъективного права характерна наибольшая мера юридической обеспеченности, то для законного интереса – наименьшая.

Субъективное право и законный интерес представляют собой различные пути удовлетворения запросов и потребностей граждан. Законный интерес в отличие от субъективного права, выступает не основным, но подчас не менее важным путем.

Субъективное право и законный интерес – различные формы правового опосредствования интересов. Субъективное право – более высокий уровень и более совершенная форма такого опосредствования. Оно идет значительно дальше, чем законный интерес, стоит на ступень выше, так как эта форма имеет юридически более насыщенное содержание.

Субъективные права, как правило, обладают большей стимулирующей силой, чем законные интересы. Это связано, во-первых, с тем, что в субъективных правах отражаются наиболее существенные интересы, жизненно важные для большинства граждан, имеющих известное социальное значение; во-вторых, для реализации интереса, выраженного в субъективном праве, создана правовая возможность, а для осуществления законного интереса юридическая норма не создает такой возможности.

Важно учитывать также и тот факт, что при определенных условиях (возрастании общих и специальных гарантий, улучшении благосостояния общества, развитой экономике, политическом реформировании и т.п.) отдельные законные интересы могут трансформироваться в субъективные права. В современных условиях это наиболее заметно в политической сфере, когда, например, законные интересы российских граждан в области политического информирования воплотились в субъективное право на получение, передачу, производство и распространение информации любым законным способом (ст. 29 Конституции РФ 1993 г.).

Вместе с тем одновременно некоторые декларативные права (на жилище, на альтернативную службу и др.) не обеспечены конкретными юридическими обязанностями, не имеют необходимой системы гарантирования и выступают в этой связи больше в качестве законных интересов, нежели субъективных прав.

Кроме всего, в случае необоснованного ограничения субъективное право может подчас превратиться в законный интерес, потеряв при этом значительную юридическую силу, былые правовые возможности. Это нередко наблюдается в сегодняшней правотворческой практике отдельных субъектов Российской Федерации, когда издаются акты, в которых граждане, приехавшие на жительство из других регионов России, ущемляются в политических, социально-экономических и культурных правах (избирательные цензы; ограничения свободного перемещения капитала, товаров и услуг; языковые барьеры и т.д.).

Литература

1. Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 9. Ст. 222; 1959. № 1. Ст. 12; 1961. № 50. Ст. 526; 1979. № 49. Ст. 843, 840, 844, 846.
2. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности М. Норма, 2008.
3. Иеринг Р. Интерес и право / Пер. А. Борзенко. Ярославль, 1880
4. Комментарий к Конституции Российской Федерации / Председатель редакционной коллегии Л.А. Окуньков. М., 1994; Конституция Российской Федерации. Комментарий / Под ред. Б.Н. Топорнина, Ю М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб., 1907
6. Малько А.В. Законные интересы советских граждан: Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Саратов, 1985.
7. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес // Правоведение. 1998. № 4.
8. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. Учебное пособие М, Юрист, 2001.
9. Международная защита прав человека: Сб. док. М., 1990
10. Субочев В.В. Теория законных интересов: Дис. ... д.ю.н. Тамбов, 2009.
11. СУ. 1923. № 46–47. Ст. 478.
12. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1912.
13. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л., 1984.

УДК 34.047

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ОГРАНИЧИТЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

© 2015 г. Б.В. Макогон

Санкт-Петербургский университет МВД России
198206, г. Санкт-Петербург, ул. Пилютова, 1

St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry
1, Pilyutova str., St. Petersburg, 198206

В данной статье осуществлен анализ концептуально-теоретических и правовых источников на предмет выявления в них подходов к определению процессуального производства. Представлено авторское обоснование целесообразности введения в научный оборот термина «процессуально-ограничительное производство»; дана трактовка указанного понятия и характеристика многообразных критериев для его классификации.

Ключевые слова: *ограничение, процессуальное производство, юрисдикция, стадии, общее производство, особое производство, судопроизводство.*

The article analyses the conceptual and theoretical and legal sources for identifying the approaches to the procedure; substantiates the introduction of the term «process-limiting production» into scientific use; gives the interpretation of this concept and characteristics of multiple criteria for its classification.

Keywords: *limited, procedure, jurisdiction, stage, ordinary procedure, special procedure, trial.*

Достигнутый уровень развития теории процессуальных производств не позволяет выстроить непреодолимые барьеры для субъектов публичной власти, о чем свидетельствуют продолжающиеся с их стороны нарушения норм права. В связи с этим возникает необходимость нового методологического решения, связанного с обоснованием «процессуально-ограничительного производства». Идея введения такого понятия является производной от совокупного толкования процессуального производства и ограничений в праве [1, с. 6-7]. Последние в нашем контексте рассматриваются в качестве специального юридического средства установления пределов для публичных субъектов в связи с реализацией полномочий в интересах личности, общества и государства.

Отметим, что до настоящего времени в юридической литературе внимание ученых было сосредоточено на понятии «процессуальное производство». Оно в советский период традиционно рассматривалось в рамках конкретной правовой отрасли как единица, вид процессуально-отраслевой системы [2, с. 89] и интерпретировалось в узком и широком смыслах.

При узкой трактовке, определяя процессуальное производство, акцент делался на одном из признаков данного правового феномена. Например, это – деятельность, в одном случае, уполномоченных органов государства, обеспечивающая реализацию отдельных правоотношений [3, с. 15]; в другом – объективно требующая процессуального регулирования и направленная на достижение юридического результата в форме соответствующего акта государственного управления [4, с. 151-152]. Помимо этого исходили и из стадийности процессуального производства. Оно рассматривалось как последовательно осуществляемая серия процессуальных действий [5, с. 90-91], тождественных стадиям соответствующего процесса. Приведенные позиции, полагаем, не способствуют раскрытию сути процессуального производства.

Широкий подход к определению процессуального производства представлен в рассуждениях Ж. Сталева. По его мнению, процессуальное производство – это фактический состав, совокупность всех процессуальных действий, которые должны быть осуществлены для достижения защиты субъективных прав и принудительной реализации правовых последствий. При этом в любом процессуальном производстве он выделял пять базовых характеристик: представляет собой динамический полисубъектный фактический состав в правовом значении; только процессуальные действия являются предметом процессуальных прав и обязанностей как источника производства; каждое действие

производства является самостоятельным; нетождественность предварительных процессуальных действий по отношению к окончательному акту является особенностью производства; беспредметный характер подготовительных процессуальных действий по сравнению с окончательным актом [6, с. 26-32].

Данная научная позиция из-за отсутствия логической конструктивности была подвергнута критике со стороны В. М. Горшенева с указанием, что такая трактовка не позволяет более зримо представить содержание и состав процессуального производства [2, с. 91]. Он, являясь основоположником нового направления в теории юридического процесса, в своих трудах обосновывал его распространение на деятельность не только правоохранительных, но и всех иных государственных органов и общественных организаций в целях упрочения режима законности и усиления юридических гарантий прав и свобод личности [7]. В связи с этим, считаем особенно ценной его позицию относительно определения процессуального производства в качестве главного элемента юридического процесса, представляющего собой системное образование, комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных процессуальных действий, которые: а) образуют определенную совокупность процессуальных правоотношений, отличающихся предметной характеристикой и связанностью с соответствующими материальными правоотношениями; б) вызывают потребности установления, доказывания, а также обоснования всех обстоятельств и фактических данных рассматриваемого юридического дела; в) обусловливают необходимость закрепления, официального оформления полученных процессуальных результатов в соответствующих актах-документах [2, с. 93]. Выделив три признака процессуального производства, В. М. Горшенев, на наш взгляд, довольно полно представил его содержание. При этом в качестве субъектов процессуальных правоотношений он называл и публичные, и непубличные структуры, что сопоставимо с выводом Ж. Сталева о полисубъектной характеристике процессуального производства.

Позже Н. В. Витрук с использованием иного правового инструментария дал определение процессуальному производству как специфическому порядку, формам и способам деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, направленным на разрешение определенных категорий дел, регулируемых системой однородных процессуальных норм [8, с. 355]. Отметим, что данный автор, в отличие от названных выше авторов, рассматривал адресатами процессуальных норм только публичных субъектов.

Исходя из необходимости решения методологической задачи процессуальными средствами ограничить произвол публичных субъектов при реализации ими своих полномочий, а также основываясь на вышеприведенных трактовках и их интерпретациях, полагаем обоснованным распространить систематизированные нами признаки процессуального производства – нормативно предусмотренный субъектный состав; наличие у субъектов квалификации и полномочий; целевой характер реализуемых действий; императивное следование процессуальным предписаниям; завершение производства принятием решения по существу в установленной форме, – на процессуально-ограничительное производство, дополнив их двумя специфическими. Во-первых, субъектами процессуально-ограничительного производства являются представители публичной власти; во-вторых, реальность наступления юридической ответственности при превышении процессуальных пределов полномочий.

Таким образом, процессуально-ограничительное производство может быть определено как целесообразно сформированная, объединенная конкретной целью совокупность последовательных действий, реализуемых уполномоченными публичными субъектами в предусмотренном процессуальном порядке, направленных на достижение формализованного результата и обеспеченных реальностью наступления юридической ответственности.

Идентичная юридическая природа понятий «процессуальное производство» и «процессуально-ограничительное производство» дает автору основание рассмотреть критерии классификации процессуальных производств для познания, таким образом, видового многообразия и процессуально-ограничительных производств.

Из проведенного анализа следует вывод о том, что в юридической литературе отсутствуют «развернутые» классификации процессуальных производств. Таковые исходят из одного-двух критериев деления, что ограничивает обособление производств и позна-

ние их содержания. Иногда различные виды смешиваются в рамках одной классификационной группы именно ввиду неверного определения признака деления.

Так, В. О. Лучин в зависимости от содержания государственно-правовых норм предлагал выделять производства по формированию представительных учреждений, т.е. процессуальные формы реализации материальных норм советского избирательного права; производства по разрешению вопросов об ответственности депутатов перед избирателями; производства по выработке наказов избирателей; производства по организации отчетов депутатов перед избирателями; производство по отзыву депутатов [9, с. 69-96]. Таким образом, его рассуждения задействуют только один критерий для классификации.

Приведем еще ряд авторских позиций, которые за основу деления также брали один критерий. А. П. Шергин по видам деятельности субъекта указывал на: 1) производство в органе административной юрисдикции; 2) ускоренное / упрощенное производство в отношении незначительных административных правонарушений; 3) специальное производство по применению административных взысканий за совершение преступлений, не представляющих большой общественной опасности; 4) производство в органе административной юрисдикции второй инстанции [5, с. 92-103].

В. Д. Сорокин считал таковым критерием тот, который позволит сгруппировать индивидуально-конкретные дела по характеру или комплексу наиболее существенных свойств [4, с. 149]. Кроме того, в качестве единого критерия брали за основу характер функций управления соответствующих субъектов [10, с. 57-58; 4, с. 215].

По мнению В. М. Горшенева, конструктивная классификация возможна при учете прежде всего функциональных свойств самих процессуальных производств, что позволит выбрать унифицированные критерии для объединения в один комплекс однородных процессуальных образований. Например, правоприменительные производства автор предлагал вначале группировать по функциональному признаку (правонаделительные или правоисполнительные, правоохранительные или юрисдикционные), а затем по характеру разбирательства индивидуально-конкретных дел. Такого рода характеристика правоприменительных производств типична и для других сфер правового регулирования. Однако конкретное соотношение объема правонаделительных, правоохранительных и в меньшей степени правоустановительных производств по отношению к отраслям материального права неодинаково [2, с. 93]. Так, в сфере применения норм уголовного права исключительное место принадлежит правоохранительным производствам; административному праву в равной степени свойственны правонаделительные и правоохранительные производства; земельное право характеризуется преимущественно правонаделительной направленностью (производства по планированию пользования землей, по учету земли и ведению земельного кадастра и т.д.) [10, с. 57].

Н.В. Витрук в своей монографии «Общая теория юридической ответственности» вообще без обозначения конкретных критериев указывал на наличие ряда видов процессуальных производств, характерных для гражданско-, арбитражно-процессуальной и административной отраслей права.

По его мнению, гражданскому процессу известно несколько самостоятельных производств – исковое, особое, по делам, возникающим из административно-правовых отношений, выделенных еще в ГПК РСФСР [11].

Н. В. Витрук также указывал, что в административном праве в соответствии с действующим законодательством имеется два основных вида обычного производства по делам об административных правонарушениях: 1) административно-судебное по правилам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [12]; 2) административно-арбитражное по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [13].

В качестве устоявшегося критерия классификации процессуального производства следует указать характер предписаний. Таковой позволяет обособить общие и особые процессуальные производства.

Первое характеризуется как базовая, основополагающая форма процессуальной деятельности, которую отличают многостадийность применяемых общих процессуальных правовых режимов; участие всех или основных участников процесса, универсальная адресность – все категории юридических дел, кроме тех, в отношении которых законом

надлежит применять иной порядок (процедуру) деятельности процессуальных органов и иных полномочных субъектов. В гражданском и арбитражном процессе – это исковое производство, в уголовном процессе – досудебное и судебное производство, в административном процессе – производство по делам об административном правонарушении. Общее процессуальное производство в силу своей полистадийности может состоять из нескольких взаимосвязанных между собой производств [14].

В качестве особого производства выступает предусмотренный законом процессуальный порядок, который реализуется для решения факультативных (субсидиарных), обеспечительных, а также иных сопутствующих, связанных с деятельностью процессуальных органов задач.

Отметим, что в последнее время появилась тенденция отграничивать упрощенные производства и не отождествлять их с особыми.

По отраслевому критерию следует обособлять производства в рамках как процессуальных отраслей (гражданско-, арбитражно-, уголовно-процессуальные и др.), так и формализованные в соответствующих нормах материального права (например, конституционного, предпринимательского и др.).

Далее, с учетом критерия предмета рассмотрения, выделяют юрисдикиционные и неюрисдикционные процессуальные производства.

По субъекту реализации – судебные и несудебные процессуальные производства.

В качестве примера несудебных процессуальных производств следует указать на те, в которых субъектами реализации выступают несудебные органы.

Уточним, представленные нами критерии не являются исчерпывающими и в дальнейшем возможно пополнение видового многообразия процессуальных производств, а, следовательно, и процессуально-ограничительных.

На основе представленных теоретических положении, а также с учетом нормативных правовых установлений, касательно заявленной сферы, следует ряд выводов.

Автором предлагается введение в научный оборот термина «процессуально-ограничительное производство» в качестве комплексного понятия ввиду его определения, как с помощью теоретических разработок, так и на основании процессуальных норм в правовых источниках различных отраслей права. Полагаем, данный термин пополнит не только теоретико-правовую науку, но и перспективен в плане преломления спецификой иных отраслей права.

Разработка данного термина в теории позволит в будущем сформулировать предложения, способствующие совершенствованию норм, определяющих различные виды процессуально-ограничительных производств.

Литература

1. Ищук И.Н. Ограничения в праве (Общетеоретический аспект): Дис...к.ю.н. СПб, 2006.
2. Теория юридического процесса / под общ. ред. В.М. Горшенева. Харьков: Изд-во «Вища школа», 1983.
3. Сахаров П.Д. Землеустроительный процесс в СССР. М.: Юрид. лит., 1968.
4. Юридическая процессуальная форма. Теория и практика / Под ред. чл.-корр. АН УССР П.Е. Недбайло и д.ю.н. В.М. Горшенева. М., 1976.
5. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1977.
6. Сталев Ж. Българско гражданско процесуально право. София, 1965.
7. URL: http://law.edu.ru/person/person.asp?persID=1476867
8. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: НОРМА, 2010.
9. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.
10. Иконицкая И.А., Краснов Н.И. Процессуальные вопросы советского земельного права. М., 1975.
11. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 г.). Документ утратил силу с 1 июля 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 14.11.2002 г. № 137-ФЗ // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.
12.Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2015 г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.
13. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2015 г.) // Российская газета. 2001, 27 июля. URL: www.garant.ru
14.Элементарные начала общей теории права, 2003 // URL: http://slovari.yandex.ru/

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 342.4

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ПРИНЦИП САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

© 2015 г. Т.Е. Зюзина, Р.М. Овчиев

Донской государственный аграрный университет
346493, Ростовская область, поселок Персиановский

Don State Agrarian University
Persianovsky, Rostov Region, 346493

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственного управления при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70

South Russia Institute of Administration – the Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002

В работе рассмотрены проблемы соотношения государственной и муниципальной сфер деятельности; акцентируется вопрос децентрализации органов местного самоуправления и принцип разделения властей.

Ключевые слова: *государственная власть; местное самоуправление; принцип разделения властей; суверенитет; децентрализация власти.*

The issues of interrelation between the state and municipal fields of activity are considered in the paper; the issue of decentralization of local self-government and the principle of division of the authorities are emphasized.

Keywords: *the government, local self-government, authorities division principle, the sovereignty, power decentralization.*

Современная концепция местного самоуправления Российской Федерации исходит из того, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Вхождение местного самоуправления в институциональную структуру государства предполагает наличие в данном государстве механизмов децентрализации. По справедливому заключению Н.С. Бондаря [8, с. 32], конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления есть безусловное требование децентрализации публичной власти. Рассматривая механизм децентрализации, Ж. Ведель определял, что децентрализация обеспечивается при наличии двух обязательных условий: первого – наличия автономии местных интересов, выраженных в конституционных и законодательных нормах; и второго – управление этими интересами должно осуществляться независящими по отношению к вышестоящей власти нижестоящими органами власти, образуемыми путем выборов [9, с. 392]. Тем самым Ж. Ведель функциональную и организационную самостоятельность считал основополагающими в отношениях децентрализации.

Вместе с тем основами отношений децентрализации является не только принцип самостоятельности (функциональной и организационной), но и принцип взаимодействия. При разрешении проблемы соотношения государственной и муниципальной сфер деятельности одним из важнейших вопросов является объем полномочий органов местного самоуправления и органов государственной власти. Несмотря на то, что вопросы местного значения должны выступать объективным и четким критерием функционального разграничения компетенции муниципальной власти от компетенции государственной власти, многие из них пересекаются с вопросами государственного ведения, становятся по сути совместными для органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Действующая Конституция Российской Федерации в статье 12, как известно, провозглашает отделение местного самоуправления от государственной власти.

Отношение к идее разгосударствления местного самоуправления в отечественной правовой науке варьируется от не вполне одобрительного до резко критического [6, с. 144; 14, с. 112; 4, с. 10]. Однако осознанная спорность избранной авторами Конституции Российской Федерации модели соотношения государственной власти и местного самоуправления, государственного управления и местного самоуправления следует иметь в виду, что данная модель может и должна оцениваться по разному в зависимости от выбранной позиции.

К моменту заключения в 1992 г. Федеративного договора система местных советов народных депутатов в РСФСР включала как органы государственной власти (на уровне краев, областей, автономных областей, автономных округов), так и органы местного самоуправления в территориальных образованиях более низких уровней. С приданием статуса субъектов Российской Федерации бывшим административно-территориальным единицам РСФСР высшего звена на основании Федеративного договора и Закона РСФСР от 21 апреля 1992 г. №2708-I «Об изменениях и дополнениях Конституции (основного закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики» [10] наименование раздела VII Конституции (основного закона) было изменено на «Местное самоуправление в Российской Федерации», а статья 137 была исключена.

Таким образом, статьей 12 Конституции Российской Федерации 1993 г. в формальном разделении органов местного самоуправления и органов государственной власти был поставлен лишь окончательный акцент. Данный акцент («органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти»), безусловно, является крайне спорным на момент принятия Конституции и остается таковым в настоящее время, однако принципиальной новизной в сравнении с акцентами прекратившей в действие Конституции (основного Закона) 1978/1992 гг. он не обладает.

Другой целью отделения местного самоуправления от государственной власти можно считать снижение политической роли регионов (или, по крайней мере, придание местному самоуправлению самостоятельного – по отношению к регионам – политического значения). Как известно, во многих зарубежных федерациях местное самоуправление считается производным от субъектов федерации (которые самостоятельно устанавливают формы и компетенционные пределы осуществления местного самоуправления и по собственному усмотрению учреждают, преобразуют, упраздняют муниципалитеты). В контексте данной цели указанное положение Конституции Российской Федерации 1993 г. можно понимать следующим образом: «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Правда на практике, как известно, местное самоуправление в России оказалось зависимым прежде всего от этих органов.

В качестве третьей цели можно рассматривать обеспечение полноценного учета в управленческой деятельности местной специфики. Идея такого учета, как отмечает И.В. Лексин [13, с. 418], основывается на следующих распространенных заблуждениях и преувеличениях: 1) в жизни каждого местного сообщества имеются существенные особенности; 2) центральные власти не способны к непредвзятому выявлению данных особенностей или не заинтересованы в этом; 3) местные проблемы наиболее эффективно решаются на местном же уровне (местными органами, должностными лицами или непосредственно населением).

Выражение этих идей в политико-правовой практике, естественно, крайне ситуативно, и в действительности местные потребности зачастую более успешно обнаруживаются и обеспечиваются посредством централизованного управления. Исследуя исторический опыт, можно отметить, что в целом становление института местного самоуправления в России происходит сложным и противоречивым путем, изменяются структура, функции, сфера компетенции органов местного самоуправления, принципы их взаимоотношения с органами центральной власти.

На сегодняшний день институт местного самоуправления является одним из основных элементов гражданского общества, одной из основ конституционного строя. Тем не менее, несмотря на заметные сдвиги в построении новой модели организации мест-

ных органов власти, все еще обнаруживаются определенные неточности на законодательном уровне и другие проблемы, замедляющие данный процесс.

Запуск широкомасштабной реформы местного самоуправления в современной России был связан с принятием Федерального закона от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Основной целью реформы, а следовательно, и Закона как инструмента в ее реализации было закрепление правовых основ местного самоуправления, одного из важнейших институтов гражданского общества – создание определенного баланса власти внутри субъектов Российской Федерации, улучшения качества услуг, оказываемых населению органами публичной власти посредством обеспечения четкого разграничения полномочий и ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Тем не менее, одной из основных проблем на сегодняшний день является именно недостаточно четкое определение вопросов местного значения и предметов ведения органов местного самоуправления. Очевидно, что подобные погрешности рождают споры о допустимой степени вмешательства органов государственной власти в сферу деятельности органов местного самоуправления. Неточности формулировок позволяют федеральным и региональным политическим факторам влиять на процесс принятия решений органами местного самоуправления, с одной стороны, и сохраняет возможность органов местного самоуправления отказаться от выполнения определенных задач в рамках вопроса местного значения, с другой.

В современных конституционных государствах сложились разнообразные модели реализации принципа разделения властей: «гибкая», «жесткая», «смешанная» [7, с. 67]. Данная терминология используется с целью выявления характерных особенностей каждой модели разделения властей и, вместе с тем, для определения общих черт, свойственных целой группе государств, функционирующих в условиях одной из названных моделей. В современных конституционных исследованиях модели разделения властей чаще привязываются к определенной форме правления, в рамках которой та или иная модель существует. Например, Л.М. Энтин рассматривает разделение властей в президентской республике (американский вариант), разделение властей в парламентских монархиях и республиках, разделение властей в странах со смешанной формой правления (опыт Французской Республики), разделение властей в развивающихся странах [16].

Установленная в Конституции Российской Федерации 1993 года модель разделения властей типологически близка к смешанному варианту, в котором сочетаются элементы жесткой и гибкой модели. По отношению к российской модели разделения властей можно провести исторические параллели: сходные модели действовали в различных политических и социально-экономических условиях Веймарской Германии согласно Конституции 1919 года вплоть до прихода к власти национал-социалистов в 1933 году и в V Французской Республике по Конституции 1958 года. Последствия введения такой модели в Германии и во Франции были различными, что показывает ее вариативность в процессе реализации конституционных норм, влияние на нее факторов демократической консолидации, устойчивой партийной системы и конституционного толкования.

Разделение властей закрепляется в Конституции Российской Федерации в качестве одной из основ конституционного строя для Федерации в целом: не только для федерального уровня, но и для организации государственной власти во всех субъектах Федерации. Так, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 1996 года по делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного закона) Алтайского края (пункт 3 мотивировочной части) указывалось, что органы законодательной и исполнительной власти в пределах своей компетенции действуют независимо друг от друга, каждая власть формируется как самостоятельная, а полномочия одной власти по прекращению деятельности другой допустимы только при условии сбалансированности таких полномочий, обеспечиваемой на основе законодательных решений [15]. Только для организации органов местного самоуправления принцип разделения властей Конституцией Российской Федерации 1993 года не устанавливается в качестве обязательного. Поэтому в соответствии с Федеральным законом 1995 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в муниципальных образованиях одно и то же должностное лицо могло совмещать функции главы муниципального образования и председателя представительного органа местного

самоуправления. Новый федеральный закон 2003 года «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» ввел ограничения на возможность совмещения подобных постов. Тем самым был установлен законодательный запрет, и, вместе с тем, созданы федеральные нормативные основы для продвижения принципа разделения властей и на уровне местного самоуправления [12, с. 299].

Приверженцы официальной концепции делают заключение, что местное самоуправление, хотя оно и не входит в систему органов государственной власти, но по своей природе все же является частью государственной власти [5, с. 136].

Именно Конституционный Суд Российской Федерации ввел в юридическую практику использование термина «публичная власть», которая имеет две разновидности – государственная власть и власть муниципальная. В Постановлении от 15 января 1998 г. №3-П констатируется, что понятие «органы власти» само по себе свидетельствует об их государственной природе. Публичная власть может быть и муниципальной.

Из нормы статьи 131 Конституции Российской Федерации следует, что структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно. Вместе с тем эта самостоятельность не абсолютна. Конституция Российской Федерации в статье 12 не включает органы местного самоуправления в систему органов государственной власти и предусматривает, что их структура определяется населением самостоятельно, что предусмотрено и частью 1 статьи 131, в соответствии с федеральными законами и иными нормативными актами субъектов Российской Федерации, устанавливающими общие принципы организации местного самоуправления (пункт «н» части 1 статьи 72; часть 2 статьи 76 [1]. Создаваемые органы власти должны соответствовать основам конституционного строя Российской Федерации и вытекающим из этих основ принципам демократии и децентрализации власти, на которых строится организация публичной власти на местах, независимо от того, осуществляется она органами государственной власти местного уровня или муниципальными органами, не входящими в систему органов государственной власти [2]. Вместе с тем гарантированное в части 1 статьи 131 Конституции Российской Федерации право населения самостоятельно определить структуру органов местного самоуправления должно реализовываться исходя из предусмотренных законодательством общих принципов организации местного самоуправления, в том числе общих требований к формам осуществления местного самоуправления, в частности к способам и процедурам формирования органов местного самоуправления, их полномочиям и т.п. В свою очередь, законодательное регулирование общих принципов организации местного самоуправления не может быть произвольным и должно соотноситься с конституционными основами местного самоуправления в Российской Федерации [3].

По современной концепции местное самоуправление как публичная власть характеризуется свойственными только ей признаками: во-первых, она выступает от имени государства, а от имени местного сообщества; во-вторых, она осуществляется на территории местного сообщества; в-третьих, она принимает юридические акты местного значения; в-четвертых, она занимается делами местного значения.

Идея социального государства, положенная в основу развития многих стран, еще более крепко связала местное самоуправление с государством. И.В. Выдрин отмечает, что чем полнее втягиваются местные территориальные единицы в осуществление конституционно-правовых принципов социальной государственности, тем больше они должны абстрагироваться от местных особенностей и следовать единым для всей страны ориентирам государственной политики [11, с. 83].

Выполнение государственных полномочий муниципальными органами должно по смыслу Конституции Российской Федерации носить ограниченный характер. «Отдельные» полномочия – это некоторые полномочия, небольшая часть всего объема полномочий муниципальных органов, основную долю которых составляют полномочия по решению вопросов местного значения. На самом же деле региональные органы государственной власти поручают муниципалитетам осуществлять непропорционально много государственных полномочий. В разных субъектах Федерации их объем не одинаков. В 2012 г. в Воронежской, Липецкой, Тамбовской областях органы местного самоуправления должны были реализовывать от 6 до 15 таких полномочий, в Ленинградской – 63, Ярославской – 27, Красноярском крае – 43 [17].

Практика свидетельствует о недостаточности правового регулирования конституционно установленной возможности наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. В связи с этим следует обсудить возможность законодательной конкретизации данного установления и определить критерии его осуществления, соблюдение которых гарантировало бы превалирование в деятельности муниципалитетов вопросов местного значения. Важно установить в федеральном законе правило, согласно которому наделение местного самоуправления государственными полномочиями осуществляется только с согласия этих органов. Количество передаваемых полномочий в принципе должно быть ограничено. Причем это не исключает возможность наделения органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов координационными полномочиями.

Таким образом, отметим, главное противоречие в современной концепции местного самоуправления: провозглашается единство власти, вместе с тем объявляется отделение органов местного самоуправления от органов государственной власти, но признается, что местное самоуправление является частью государственной власти.

Поскольку в правовом государстве закон не должен противоречит практике и наоборот, представляется логичным и оправданным предположение об уточнении некоторых положений Конституции Российской Федерации, касающихся соотношения органов государственной власти и органов местного самоуправления. Формула статьи 12 Конституции Российской Федерации «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» многозначная по своему содержанию, требует, с нашей точки зрения, замены с использованием термина «автономия местного самоуправления» по отношению к государственной власти.

Литература, источники

1. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 1 февраля 1996 г. №1-П // СПС «Консультант плюс»
2. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 января 1997 года №1-П // СПС «Консультант плюс»
3. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 7 февраля 2012 года №275-О-О // СПС «Консультант плюс»
4. Авакьян С.А. Современные проблемы конституционного и муниципального строительства в России // Конституционное и муниципальное право. 2010. №3.
5. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996.
6. Барабашев Г.В. Местное самоуправление в России. Теории и практика // Государство и право. 1993. №6.
7. Барнашов А.М. Теория разделения властей: становление, развитие, применение. Томск, 1988.
8. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: конституционализация муниципальной демократии в России. М.: Норма, 2008.
9. Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973.
10. ВСНД и ВС РФ. 1992. №20. Ст.1084
11. Выдрин И.В. Муниципальное право России: учебник для вузов. М., 2004.
12. Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004.
13. Лексин И.В. Территориальное устройство России: Конституционно-правовые проблемы. М.: ЛЕНАНД, 2014.
14. Лютцер В.Л. Конституция как источник проблем местного самоуправления в России // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С.А. Авакьяна. Т.2., М., 2004.
15. Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №4. Ст.409
16. Энтин Л.М. Разделение властей: опыт современных государств. М., 1995
17. Стенограмма заседания парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, состоявшихся 26 апреля 2012 г. // URL: http: // www.komitet4.km.duma.gov.Ru/site.xp/

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.1

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННОГО (РЕПУТАЦИОННОГО) ВРЕДА ЮРИДИЧЕСКОМУ ЛИЦУ

© 2015 г. О.В. Дмитриева

Южный федеральный университет
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М.Горького, 88

Southern Federal University
88, M.Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007

В статье обосновывается необходимость законодательного закрепления за юридическими лицами права на компенсацию репутационного вреда как разновидности неимущественного вреда. Доказывается, что возмещение имущественного вреда, возникающего вследствие нарушения деловой репутации юридических лиц, не в состоянии эффективно защитить данное нематериальное благо.

Ключевые слова: *моральный вред, неимущественный вред, имущественный вред, причинно-следственная связь, размер компенсации.*

The article substantiates the necessity for legislative recognition of legal persons' right to reputational damage compensation as a sub-variety of non-property damage. Establishes that property damage indemnity, caused by tarnishing legal persons' business reputation, is not capable of providing efficient protection of this intangible value.

Keywords: *moral damage, non-property damage, property damage, cause and effect relationship, compensation.*

Проблема компенсации морального вреда юридическому лицу, в течение достаточно долгого времени не только активно обсуждавшаяся в научной литературе, но и обнаружившая противоречие в позициях высших судебных органов, на сегодняшний день разрешена в процессе реформирования ГК РФ не в пользу юридических лиц. Поскольку юридическое лицо в силу своей природы не может испытывать ни физических, ни нравственных страданий, составляющих существо морального вреда, следовательно, не может иметь и права на компенсацию.

Такое решение является абсолютно обоснованным, если рассматривать компенсацию морального вреда как форму гражданско-правовой ответственности, призванную восстанавливать нарушенное нематериальное благо.

Однако имеется достаточно оснований полагать, что, несмотря на свое название, компенсация морального вреда не является формой ответственности компенсационно-восстановительной направленности. В частности, важнейшим из таких оснований является факт невозместимости морального вреда в силу самой его природы, поскольку невозможно с помощью денежной компенсации вернуть нарушенное нематериальное благо в прежнее состояние. При этом уплата суммы компенсации выступает как наказание для причинителя морального вреда, то есть выполняет штрафную функцию. На наш взгляд, это означает, что компенсацию морального вреда следует рассматривать в качестве штрафной формы гражданско-правовой ответственности, аналогично неустойке, процентам за неисполнение денежного обязательства и др.

Если исходить из этой позиции, то решение об отказе юридическому лицу в праве на компенсацию морального (неимущественного) вреда имеет перспективы пересмотра.

Следует заметить, что в научной литературе, посвященной проблеме компенсации морального вреда юридическому лицу, совершенно правильно отмечается, что юридические лица, хотя и не могут испытывать собственно морального вреда (физических или нравственных страданий), тем не менее, могут иметь иной вариант нематериального вреда, возникающий в результате нарушения их деловой репутации [1]. Следует согла-

ситься с М.Н. Малеиной, что наиболее адекватным обозначением вреда, причиненного нарушением разнообразных неимущественных прав как граждан, так и юридических лиц, является «родовое понятие «неимущественный вред» [2, с. 61], а видовым понятием, обозначающим последствие нарушения деловой репутации юридического лица, по нашему мнению, следует признать термин «репутационный вред».

Этот вид неимущественного вреда, в общем и целом, в литературе расценивается как ухудшение мнения о деловых качествах юридического лица в глазах его партнеров, потребителей его продукции (услуг), общества в целом.

Следует отметить, что изучение практики предъявления исков о компенсации данного вида вреда, предпринятое М. Рожковой, показало наличие явной тенденции признавать за юридическими лицами право на денежную компенсацию вреда, причиненного умалением их деловой репутации [3, с. 44], причем иногда со ссылкой не на ст. 151 ГК РФ, а на общую норму ст. 12 ГК РФ, устанавливающую способы защиты гражданских прав. Таким образом, не отождествляя репутационный вред с моральным вредом, суды обнаруживают склонность взыскивать репутационный вред аналогично компенсации морального вреда. Однако речь идет всего лишь о тенденции. В большом количестве случаев суды отказывают в компенсации, совершенно справедливо ссылаясь на неспособность юридического лица испытывать моральный вред, а значит, и требовать его компенсации.

В научной литературе вообще высказано мнение о том, что никакой необходимости отыскивать основания для компенсации репутационного (морального) вреда юридическому лицу нет, так как нарушение деловой репутации влечет имущественные потери, которые должны быть устранены с помощью мер имущественного характера, а именно, возмещением имущественного вреда. В частности, это может быть взыскание расходов, произведенных для восстановления испорченной репутации (например, на дополнительную рекламную кампанию), а также упущенной выгоды, возникшей в связи с оттоком контрагентов и уменьшением прибыли по причине ухудшения репутации. В таком случае компенсации репутационного вреда просто не находится места [4].

Казалось бы, это вполне убедительная позиция. Однако, поскольку речь идет о возмещении имущественного вреда, нельзя забывать о существовании определенных условий применения этой формы ответственности, в частности, о необходимости установления причинно-следственной связи между противоправным деянием, нарушающим деловую репутацию (например, распространением ложной, порочащей информации, неправомерным использованием товарного знака и т.п.), и наступившими вредными последствиями (реальным ущербом и упущенной выгодой).

Представляется, что рассматриваемые противоправные действия непосредственно вредных последствий имущественного характера не создают, их следствие выражается именно в нематериальных потерях, которые уже упоминались – в ухудшении имиджа юридического лица в глазах его контрагентов, потребителей и т.д. А уже это нематериальное последствие, в свою очередь, гипотетически может влечь за собой (но не обязательно влечет) и имущественные потери в виде реального ущерба и упущенной выгоды, связанные с падением доверия потенциальных контрагентов к данному юридическому лицу. Нарушение деловой репутации создает лишь предпосылки возникновения имущественного вреда, но не сам этот вред.

Иными словами, причинно-следственная связь в таких случаях не является прямой, нельзя однозначно утверждать, что нарушение деловой репутации с неизбежностью порождает имущественный вред (а эта неизбежность предполагается теорией причинно-следственной связи как условия возложения гражданско-правовой ответственности). Соответственно, также затруднительно утверждать и то, что взыскание имущественного вреда с лица, нарушившего деловую репутацию, возможно всегда без каких-либо затруднений.

Рассмотрим с этих позиций различные случаи нарушения деловой репутации юридического лица.

Если причинно-следственная связь между нарушением деловой репутации и возникшим имущественным вредом очевидна, то возникает лишь вопрос об определении размера возмещения. Проблем не возникает, только если речь идет о возмещении реального ущерба, но не упущенной выгоды. Что касается упущенной выгоды, то до всту-

пления в силу с 1 июня 2015 года изменений в ст. 393 ГК РФ [5], этот вопрос относился к категории нерешаемых, поскольку доказать точный размер упущенной выгоды в рассматриваемых случаях совершенно невозможно. Теперь, благодаря этим изменениям, суды могут определять размер возмещения убытков (а в силу ст. 1082 ГК РФ, и имущественного вреда), исходя из разумной степени их достоверности, а если это невозможно, то из принципов справедливости и соразмерности ответственности нарушению.

Такое положение закона заслуживает всяческого одобрения, однако оно в силу своей универсальности не определяет критерия, от которого нужно отталкиваться судам при рассмотрении спора о взыскании имущественного вреда, причиненного именно нарушением деловой репутации, для выработки разумного суждения о *достоверности* (выделено мною – О.Д.) требуемого истцом размера возмещения, а также для определения его соразмерности нарушению. Тем не менее, это практически идеальная ситуация.

В других же, более реалистичных, случаях, возмещение имущественного вреда может оказаться сложным, а то и вовсе невозможным ввиду имеющейся неочевидности причинно-следственной связи между повреждением деловой репутации и наступившим вредом. Может случиться так, что отток клиентов и следующее за ним снижение прибыли, равно как и необходимость произвести расходы на дополнительную рекламную кампанию, будут связаны вовсе не с нарушением деловой репутации юридического лица, а с совсем иными причинами – снижением качества продукции, работ или услуг, предлагаемых этим юридическим лицом, уменьшением объемов его производства, перенасыщением рынка, обострением конкуренции и т.д. При недоказанности причинно-следственной связи возмещение не может быть взыскано.

В свою очередь, может возникать также и вопрос о том, сколько именно не получило юридическое лицо прибыли из-за падения спроса на ее продукцию, работы или услуги, если оно обусловлено разными причинами – не только нарушением деловой репутации, но и собственными ошибочными действиями юридического лица, и причинами объективного характера. В этом случае не может помочь и новая редакция ст. 393 ГК РФ, поскольку она применима только в том случае, когда имеет место неопределенность лишь в размере упущенной выгоды, но не в самом наличии причинно-следственной связи. То есть, правонарушение есть, а взыскание оказывается под вопросом. Справедливо ли это?

А как быть в случае, когда действия, нарушающие деловую репутацию, фактически не причиняют имущественного вреда? Например, однократная либо своевременно пресеченная публикация ложной негативной информации о каком-либо юридическом лице, равно как и выпуск небольшой партии некачественной продукции с неправомерным использованием чужого товарного знака, могут пройти незамеченными для третьих лиц, по причине чего реального оттока потребителей не произойдет, а, следовательно, не возникнет и упущенная выгода, и не потребуется вкладывать дополнительные средства в рекламу для восстановления испорченной репутации. То есть, снова мы видим, что правонарушение есть, а ответственности за него не наступает. Можно ли это признать справедливым?

Таким образом, очевидно, что такая мера, как возмещение имущественного вреда далеко не всегда будет эффективным средством защиты деловой репутации юридического лица.

Представляется, что случаи причинения репутационного вреда юридическому лицу не должны оставаться без последствий ни для правонарушителя, ни для пострадавшего юридического лица. Учитывая, что гражданско-правовая ответственность обладает штрафной функцией, а рассматриваемое правонарушение есть посягательство на нематериальное благо юридического лица, находящееся под защитой гражданского права, вполне уместным является применение некой специальной формы ответственности за данное правонарушение, не совпадающей с возмещением имущественного вреда, являющегося следствием повреждения деловой репутации.

В научной литературе обсуждается вопрос о форме такой ответственности. В частности, высказано мнение, что это может быть штраф [6]. Такое предложение является весьма привлекательным, поскольку взыскание неустойки (в том числе штрафа), не требует доказывания причинно-следственной связи между нарушением деловой репутации и наступившим имущественным вредом, что, как было показано выше, является про-

блемным моментом в данной категории случаев. Кроме того, что, как не штраф, будет наглядным образом демонстрировать наказательную (то есть, именно штрафную) природу данной формы ответственности?

Однако кто и как должен определить размер этого штрафа? Учитывая деликтную природу рассматриваемых отношений, логичным выглядело бы законодательное установление размера данного штрафа. Но, с другой стороны, очевидно, что это будет слишком универсальный штраф, не способный отразить разнообразие ситуаций причинения репутационного вреда.

Думается, если говорить именно о штрафе, то правильнее было бы закрепить право суда на определение его размера, с учетом конкретной ситуации нарушения деловой репутации. Однако такой способ определения размера подлежащей взысканию суммы практически повторяет ситуацию компенсации морального вреда гражданину, когда суд с учетом установленных в законе критериев определяет ее размер.

Таким образом, следует поддержать наметившуюся в судебной практике тенденцию на взыскание компенсации репутационного вреда как некого аналога компенсации морального вреда, путем законодательного закрепления соответствующего права юридического лица. По всей видимости, это будет означать появление новой формы гражданско-правовой ответственности.

Что касается критериев, по которым суд доложен определить размер данной компенсации, то, вероятно, из всех критериев, которые установлены для компенсации морального вреда в статьях 151 и 1101 ГК РФ, можно оставить только степень вины причинителя, а также соображения разумности и справедливости.

Может, конечно, возникнуть «лукавый» вопрос о таком критерии, как «стоимость» деловой репутации. Существующее Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» [7], относит деловую репутацию к нематериальным активам юридического лица и даже предусматривает методику определения ее «стоимости» как разницы между покупной ценой предприятия и суммой всех активов [8]. Однако совершенно очевидно, что эта «стоимость» – категория, произвольно определяемая сторонами договора, абсолютно лишенная объективных характеристик, поскольку надбавку к покупной цене имущественного комплекса можно предусмотреть какую угодно, поскольку речь идет о договорной ситуации, подчиняющейся действию принципа свободы договора [9].

Что же делать с этой «стоимостью» в иной, деликтной ситуации, когда уже не сторонам, а суду нужно определить, на какую сумму она понизилась в результате нарушения? Думается, что с объективных позиций это сделать невозможно. Ярким примером может послужить приводимое М. Рожковой дело, по которому решением арбитражного суда первой инстанции юридическому лицу в качестве компенсации репутационного вреда было взыскано 300 млн.руб., а постановлением окружного ФАС эта сумма была уменьшена до 30 млн.руб., то есть, в 10 раз [10, с. 49]. Такая огромная разница может свидетельствовать только о том, что судом не был (и не мог быть) найден критерий объективной оценки репутационного вреда.

Можно предположить, что в ситуации неопределенности данного критерия суды будут определять размер компенсации точно так же, как они это делают при определении размера компенсации морального вреда гражданину – «на глазок», взыскивая некую условную величину, которая, не претендуя на восстановление нарушенного блага, должна устроить обе спорящие стороны и не создавать ситуации неисполнимости судебного решения в связи с неадекватным размером взысканной суммы.

Таким образом, вводить критерий «стоимости» деловой репутации для определения подлежащей взысканию компенсации репутационного вреда не представляется нужным.

Литература и примечания

1. В научной литературе используются и иные понятия, обозначающие это явление: «нематериальные убытки», «неимущественный вред», «репутационный вред (ущерб)». См. напр.: Козлова Н. Проблема компенсации «нематериального вреда» юридическому лицу // Корпоративный юрист. 2006. № 2; Осадчая О. Репутационный вред как последствие умаления деловой репутации юридического лица // Право и жизнь. 2008. № 99/9; Рожкова М.А. Два вопроса, возникающие при рассмотрении в арбитражных судах дел о

защите деловой репутации: оспаривание оценочного мнения и компенсация репутационного ущерба // Закон. 2009. № 12 и др.

2. Малеина М.Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал Российского права. 2015. № 5.

3. Рожкова М. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. Приложение. 2010. № 2.

4. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах защиты деловой репутации // Закон. 2009. № 12. С. 82; Скловский К. Об ответственности средств массовой информации за причинение вреда деловой репутации // Хозяйство и право. 2005. № 3. С. 96; Жаглина М.Е. К вопросу о компенсации «репутационного» вреда юридическому лицу // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 49.

5. «О внесении изменений в часть 1 Гражданского кодекса РФ»: ФЗ от 08.03.2015 г. № 42 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

6. Никуличева Н.Ю. Право юридических лиц на деловую репутацию: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2004.

7. Положение по бухгалтерскому учету «Учет нематериальных активов» (ПБУ 14-2007): Утверждено Приказом Минфина от 27декабря 2007 года № 153-н, раздел VIII, п.п. 42-45 // Российская газета. 2008. 2 февраля.

8. Указанное Положение применяется в случае приобретения предприятия как имущественного комплекса.

9. В самом Положении по бухгалтерскому учету нематериальных активов указывается, что «стоимость» деловой репутации определяется исключительно «для целей бухгалтерского учета», так как каким-то образом нужно отразить в финансовой документации, откуда взялась данная сумма. Таким образом, данное Положение не претендует на определение действительной (объективной) «стоимости» деловой репутации, которой, как думается, и существовать не может ввиду нематериальности данного блага.

10. Рожкова М. Судебная практика по делам о защите деловой репутации юридических лиц и предпринимателей // Хозяйство и право. Приложение. 2010. № 2.

УДК 347.4

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ УЧАСТНИКОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: НОВЕЛЛЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2015 г. М.А. Цакоева

Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва,
Миусская площадь, д.6

Russian State University for the Humanities
Miusskaya sq. 6,
Moscow, GSP-3, 125993

В статье анализируются новеллы гражданского законодательства России, призванные обеспечить добросовестность участников обязательственных правоотношений, раскрывается их назначение, прогнозируются особенности их реализации в правоприменительной деятельности, выявляются достоинства и недостатки, обусловленные дискуссионностью категории доброй совести в отечественной цивилистике.

Ключевые слова: *добросовестность, недобросовестность, Гражданский кодекс, обязательственное право, договор, гражданский оборот.*

The article analyses the amendments to the Russian civil legislation designed to ensure the good faith of parties to contractual relations; identifies their purpose; forecasts the features of their implementation in law enforcement; points out the strengths and weaknesses due to the controversial category of a good faith in civil law.

Keywords: *good faith, unfairness, Civil Code, law of obligations, contract, civil turnover.*

В свое время замечательный русский цивилист И.А. Покровский указал на опасность «обездушенной» юриспруденции, когда «приученная отстранять от себя все, что не касается истолкования положительного закона, утратившая самые методы критического отношения к праву, юриспруденция оказывается оторванной от общего хода жизни, лишенной ее понимания, чуждой всему тому, чем живет и чем волнуется современность» [1, с. 46]. По мнению ученого, юриспруденция «должна подумать о тех общих принципах, которые могли бы …послужить мерилом социальных ценностей…, которыми бы мог руководиться судья при непосредственном применении «естественного права» [1, с. 47, 49]. Одним из таких общих принципов, безусловно, является принцип добросовестности.

Как полагает Е.А. Суханов, частноправовое регулирование должно основываться, прежде всего, на понятиях справедливости и нравственности, внеэкономических по своей природе [2, с. 5 - 9]. Только таким образом право может выполнить свою функцию в полном объеме. Данный подход отражается в принципе добросовестности, в котором, по мнению некоторых ученых, обнаруживается глубокая нравственная сущность [3, с. 112]. Неслучайно, что в немецкой правовой доктрине принцип добросовестности рассматривается как социальный принцип [4, с. 115].

Принцип добросовестности был закреплен в российском гражданском законодательстве относительно недавно (с принятием Федерального закона от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 11.01.2013. № 3.), хотя до этого момента уже весьма активно применялся в судебной практике [5].

В отечественной научной литературе введение принципа добросовестности в действующее гражданское право оценивается неоднозначно. Например, В. Андреев сомневается в том, что признание данного принципа укрепит нравственные начала правового регулирования [6, с. 28]. А.М. Мамаев, напротив, полагает, что через закрепление принципа добросовестности станет возможным воспитательное воздействие гражданского права на общественные отношения [7].

Принцип добросовестности предусматривается в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав, исполнении обязанностей должны действовать добросовестно. При этом субъектам гражданского права запрещено извлекать преимущества из своего недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК РФ). Как видно из содержания приведенных норм, понятие добросовестности не раскрывается, что, полагаем, с одной стороны, вполне объяснимо, поскольку, как показывает анализ судебной практики [8], данное понятие наполняется содержанием в зависимости от конкретной ситуации, но, с другой стороны, суды фактически лишены необходимых ориентиров в применении соответствующих норм. Именно поэтому дискуссия о понятии и содержании принципа добросовестности в отечественной цивилистике с принятием указанных новелл не только не прекратилась, но обрела новую силу [9, с. 203 – 242; 10, с. 133 - 140].

Надо сказать, что, предусмотрев принцип добросовестности в качестве общегражданского, законодатель пошел дальше и, совершенствуя нормы основных институтов гражданского права, последовательно закрепляет механизмы обеспечения соблюдения данного принципа участниками разнообразных по своей видовой принадлежности гражданско-правовых отношений. Не исключением стали и нормы обязательственного права.

Здесь уместно отметить, что еще дореволюционные ученые подчеркивали важность добросовестности именно в обязательственных правоотношениях, которые составляют основу гражданского оборота. Как отмечал профессор Л.И. Петражицкий, в сфере действия обязательственного права «особая система норм о добросовестности облегчает сбыт и приобретение объектов, устраняя на стороне спроса сомнения относительно юридического успеха сделок» [11, с. 319 - 320]. Современный отечественный законодатель пошел по пути признания важности соблюдения участниками обязательств принципа добросовестности. Поэтому Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [12] требование о добросовестном поведении участников обязательственных правоотношений было отражено в п. 3 ст. 307, п. 3 ст. 432, п. 2, 5 ст. 434.1, п. 4 ст. 450, п. ст. 450.1 ГК РФ.

Отмеченные выше обстоятельства объясняют, почему законодатель, отказавшись давать понятие добросовестности в ст. 1 ГК РФ, раскрыл его применительно к нуждам обязательственного права. Буквальное толкование п. 3 ст. 307 ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что добросовестным признается поведение сторон гражданско-правового обязательства, если они учитывают права и законные интересы друг друга, взаимно оказывают содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляют друг другу необходимую информацию. Речь идет о требованиях к поведению указанных лиц. Этот факт позволяет сделать вывод о том, что законодатель в сфере обязательственных правоотношений признает добросовестность, преимущественно в качестве объективного критерия оценки поведения их участников.

Данный вывод является весьма важным в контексте существующей в цивилистике дискуссии о том, какой критерий – объективный или субъективный – лежит в основе понимания добросовестности [13, с. 36 - 38]. Как известно, с точки зрения субъективного подхода оценивается знание или, напротив, незнание субъекта об определенном факте. Такой подход обнаруживается, например, в п. 1 ст. 302 ГК РФ, согласно которому добросовестным признается приобретатель, который не знал или не мог знать, что он возмездно приобрел имущество у неуправомоченного отчуждателя.

Объективный критерий добросовестности, напротив, позволяет оценивать внешнее поведение субъекта безотносительно его внутренних побуждений к тому или иному действию (бездействию).

Необходимо подчеркнуть, что не только норма ст. 307 ГК РФ, но и иные нормы обязательственного права, отразившие категорию добросовестности, рассматривают ее в качестве объективного критерия. Так, в соответствии с п. 3 ст. 432 ГК РФ, стороне договора, принявшей от контрагента полное или частичное исполнение или иным образом подтвердившей действие договора, запрещено требовать признания данного договора незаключенным, если это нарушает принцип добросовестности. Добросовестность как объективный критерий используется и для оценки поведения субъекта, которому зако-

ном или договором предоставлено право изменять договор в одностороннем порядке (п. 4 ст. 450 ГК РФ). Аналогичным образом наполняется содержание гражданско-правового требования о добросовестности и в случае реализации субъектом своего права на отказ от договора или от осуществления прав по договору (п. 4 ст. 450.1 ГК РФ).

Одновременно как объективный и субъективный критерий добросовестность будет применяться теперь для оценки поведения лиц, ведущих переговоры о заключении договора (ст. 434.1 ГК РФ). Надо сказать, что данная новая норма не является достижением отечественного законодательства и давно уже отражена в гражданского праве целого ряда зарубежных правопорядков. В целом, обеспечение реализации принципа добросовестности путем закрепления в нормах обязательственного права института преддоговорной ответственности является общей тенденцией, например, для европейского права. Так, соответствующие нормы внедряются в настоящее время в гражданское право Франции. Как отмечает И.М. Мутай, в их основе лежит уже сложившаяся судебная практика, которая позволяет привлечь к ответственности лиц, вступающих в переговоры без реального намерения заключить договор [14, с. 91 - 100].

Возложенная новеллами отечественного гражданско-правового регулирования на участников переговоров обязанность вести себя добросовестно предполагает недопустимость вступать и продолжать переговоры «при заведомом отсутствии намерения достичь соглашения с другой стороной» (п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Таким образом, квалифицирующим признаком недобросовестного поведения в данном случае становится умысел виновной стороны, которая, вступая в переговоры о заключении договора, не намеревалась достичь положительного результата. В данной норме обнаруживается субъективный подход к пониманию добросовестности.

Надо сказать, что гражданское законодательство позволяет сторонам конкретизировать требования к добросовестному ведению переговоров (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ). Полагаем, что такая конкретизация может осуществляться посредством заключения соглашения между сторонами, в котором будут определены конкретные правила их поведения в процессе переговоров. Нарушение данных правил должно свидетельствовать о недобросовестности указанных лиц.

Следует подчеркнуть, что новеллой гражданского законодательства стало закрепление строго определенных случаев, когда недобросовестность участника переговоров презюмируется. Речь идет о ситуации, если такой участник предоставляет другой стороне неполную или недостоверную информацию либо умалчивает о сведениях, которые в силу характера договора должны быть сообщены. Пока не будет установлено иное, недобросовестным будет считаться и внезапное, неоправданное и неожиданное для другой стороны прекращение переговоров (пп. 1,2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ). Презумпция недобросовестности означает, что допустившая соответствующее поведение сторона считается недобросовестной, если не докажет иное. На первый взгляд данная презумпция противоречит другой презумпции, предусмотренной в п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которой добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается. Однако, полагаем, что противоречие отсутствует, а норма п. 2 ст. 434.1 ГК РФ является специальной по отношению к общим нормам гражданского права о добросовестности и подлежит приоритетному применению в установленных ею случаях.

Рассматриваемая норма, по нашему мнению, выполняет весьма важную функцию, в том числе предупреждая недобросовестное поведение участников переговоров. Данный вывод подтверждается и тем обстоятельством, что такое поведение влечет за собой возложение на виновную сторону обязанности возместить причиненные другой стороне убытки, то есть расходы, которые эта сторона понесла в процессе переговоров, а также причиненные невозможностью заключить договор с третьим лицом (п. 3 ст. 434.1 ГК РФ). Таким образом, добросовестность сторон обеспечивается также и угрозой неблагоприятных имущественных последствий в случае противоположного поведения.

Необходимо отметить, что закон исключает применение данных правил о преддоговорной ответственности в отношении потребителей (п. 6 ст. 434.1 ГК РФ). Полагаем, что это обусловлено особенностями правового положения граждан, признаваемых потребителями в соответствии с действующим законодательством. Так, согласно Закону РФ от 07.02.1992 № 2300-1 "О защите прав потребителей" [15] потребителем является гражданин, «имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приоб-

ретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». Специфика правового регулирования статуса потребителей, в том числе и в случае установления условий преддоговорной ответственности, предопределяется признанием данной категории граждан слабой стороной в правоотношении. Как отмечает Е.В. Вавилин, такая сторона имеет меньше возможностей (экономического, организационного и иного свойства) для осуществления и защиты своих субъективных прав [16, с. 82 - 101]. По нашему мнению, именно поэтому потребители освобождаются от обязанности возместить убытки, причиненные другому лицу недобросовестным ведением переговоров.

В целом, несмотря на то, что отечественный законодатель постарался отразить все необходимые элементы института преддоговорной ответственности, полагаем, что некоторые важные аспекты остались вне правового опосредования. Так, например, в законе можно было бы указать на то, что не является недобросовестным ведение переговоров, если один из его участников не сообщил другому о том, что параллельно ведет переговоры о заключении договора с третьей стороной [14, с. 91 - 100]. Отсутствие в законе такого указания может привести к тому, что подобное поведение, вполне соответствующее логике разумной хозяйственной деятельности, может быть признано недобросовестным в соответствии с пп. 1 п. п. 2 ст. 434.1 ГК РФ.

Подводя итог краткому анализу новелл гражданского законодательства, закрепивших требования о добросовестном поведении участников обязательственных правоотношений, можно сделать вывод о том, что их реализация на практике может быть затруднена в силу неоднозначности самого понятия доброй совести, что предполагает необходимость дальнейшей научной разработки данного понятия с учетом особенностей институтов обязательственного права.

Литература и источники

1. Покровский И.А. Естественно-правовые течения в истории гражданского права. СПб.: Тип. Б.М. Вольфа, 1909.
2. Суханов Е.А. О частных и публичных интересах в развитии корпоративного права // Журнал российского права. 2013. № 1.
3. Богданова Е. Добросовестность участников договорных отношений как условие защиты их субъективных гражданских прав // Хозяйство и право. 2010. № 2.
4. Сорокина Е.А. Принцип добросовестности (*Treu und Glauben*) в доктрине и судебной практике Германии // Ежегодник сравнительного права. 2011 / Под ред. Д.В. Дождева. М.: Статут, 2011.
5. Постановления Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12035/11 по делу № А64-4929/2010, от 06.09.2011 № 4905/11 по делу № А51-23410/2009, от 13.01.2011 № 11680/10 по делу № А41-13284/09 // СПС КонсультантПлюс.
6. Андреев В. Соответствует ли Концепция развития гражданского законодательства потребностям российского общества и государства // Хозяйство и право. 2010. № 4.
7. Мамаев А.М. Социальные функции российского гражданского права // Научный вестник Уральской академии государственной службы: политология, экономика, социология, право. 2010. № 2(11). URL: http://vestnik.uapa.ru/ru-ru/about/
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 16.04.2015 № С01-286/2015 по делу № А07-8834/2014 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2014 № 12АП-12684/2014 по делу № А12-24981/2014 // СПС КонсультантПлюс.
9. Ширвиндт А.М. Принцип добросовестности в ГК РФ и сравнительное правоведение / Aequum ius. От друзей и коллег к 50-летию профессора Д.В. Дождева / отв. ред. А.М. Ширвиндт. М.: Статут, 2014.
10. Ульянов А.В. Добросовестность в гражданском праве // Журнал российского права. 2014. № 6.
11. Петражицкий Л.И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. 2-е изд. СПб., 1902.
12. Российская газета. 13.03.2015. № 52.

13. Яценко Т.С. Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве // Нотариус. 2013. № 8.
14. Мутай И.М. Развитие принципа добросовестности и института преддоговорной ответственности в свете реформы обязательственного законодательства Франции // Журнал российского права. 2014. № 2.
15. Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.
16. Вавилин Е. В. Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей. Саратов: СГАП, 2008.

УДК 347.4

О ПРАВОМЕРНОСТИ ПОКУПКИ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СКЛАДЧИНУ

© 2015 г. И.Ю. Лепетикова

Ростовский филиал
Российской таможенной академии
344000, г.Ростов-на-Дону,
пр. Буденновский, 20

Rostov Branch of
Russian Customs Academy
20 Budennovsky Ave.,
Rostov-on-Don, 344000

Статья рассматривает вопрос правомерности покупки в складчину экземпляров произведений, особенно, если эта покупка совершается в сети интернет, а также вопрос исчерпания права на экземпляр произведения, может ли являться такой экземпляр коллективной собственностью, и в случае такой покупки будет ли приобретаться один экземпляр или же правильно говорить о покупке нескольких экземпляров.

Ключевые слова: *экземпляр; произведение; покупка; складчина; подготовительный этап; участники.*

The article considers the legality of clubbing purchase of copies of works, especially if the purchase is made on the Internet, as well as the issue of exhaustion of the right to a copy of a work, whether this copy can be a collective property, and in the case of such a purchase whether it should be considered as one copy or several ones.

Keywords*: copy; product; purchase; clubbing purchase; the preparatory stage; participants.*

Покупка в складчину – довольно популярная и удобная процедура. Она заключается во внесении денежных средств участниками складчины для совместной покупки товаров. Участники складчины преследуют определенные цели: либо покупка одного товара для пользования несколькими лицами, либо покупка оптовой партии товара. Такая процедура используется как в России, так и за рубежом.

Однако возникает вопрос правомерности покупки в складчину экземпляров произведений, особенно, если эта покупка совершается в сети интернет. При такой покупке остро ставится вопрос исчерпания права на экземпляр произведения, может ли являться такой экземпляр коллективной собственностью, и в случае такой покупки будет ли приобретаться один экземпляр или же правильно говорить о покупке нескольких экземпляров.

Для рассмотрения этих вопросов необходимо изучить саму процедуру покупки экземпляров произведения в складчину.

Начинается процесс с подготовительного этапа. Для организации таких покупок создано большое количество сайтов в сети интернет. Организатор складчины указывает количество человек, которое необходимо для покупки экземпляра произведения, стоимость экземпляра, а также сумму взноса. После того, как собирается нужное количество участников, в течение определенного времени им необходимо внести указанный организатором взнос. Зачастую, если того предусматривают правила интернет ресурса, в слу-

чае превышения установленного количества участников сумма взноса каждого последующего складчика переходит организатору складчины с вычетом взноса, отведенного ресурсу, на котором складчина была организована. Кроме того, многие ресурсы берут взносы за организацию складчины путем вычета процента со всей суммы покупки.

После проведения подготовительного этапа происходит сама покупка. Организатор складчины от своего имени приобретает экземпляр произведения, а после передает копию экземпляра каждому участнику складчины.

Получается, что правообладатель заключает договор купли-продажи экземпляра произведения с одним лицом, а не с несколькими лицами. Покупатель вводит правообладателя в заблуждение относительно лиц, участвующих в договоре. На основании пп. 4 п. 2 ст. 178 ГК РФ такое заблуждение предполагается достаточно существенным для признания судом сделки недействительной по иску стороны в соответствии с п. 1 ст. 178 ГК РФ. К такой сделке применяются положения о последствиях недействительности сделки, указанные в ст. 167 ГК РФ (абз. 1 п. 6 ст. 178 ГК РФ). Кроме того, в соответствии с абз. 3 п. 6 ст. 178 ГК РФ сторона, по иску которой сделка признана недействительной, вправе требовать от другой стороны возмещения причиненных ей убытков, если докажет, что заблуждение возникло вследствие обстоятельств, за которые отвечает другая сторона.

Правообладатель заключает договор купли-продажи только на один экземпляр произведения. Дальнейшее его распространение сопровождается копированием, то есть изготовлением одного или более экземпляра произведения, а также распространением произведения путем продажи или передачи таких экземпляров. В соответствии с п. 2 ст. 1270 ГК РФ такие действия являются использованием произведения, а как следствие и нарушением исключительного права на произведение, так как в силу п. 2 ст. 1227 ГК РФ переход права собственности на вещь не влечет переход или предоставление интеллектуальных прав на результат интеллектуальной деятельности, выраженной в этой вещи. В соответствии со ст. 1301 ГК РФ правообладатель вправе в соответствии с п. 3 ст. 1252 ГК РФ требовать возмещение убытков, выплаты компенсации либо в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда, либо в двукратном размере стоимости экземпляров произведения или в двукратном размере стоимости права использования произведения, определяемой, исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведения тем способом, который использовал нарушитель.

При этом следует иметь в виду, что принцип исчерпания прав, предусмотренный ст. 1272 ГК РФ, не распространяется на данный случай, так как этот принцип применяется только к оригиналу или экземплярам произведения, правомерно введенными в гражданский оборот на территории Российской Федерации (п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ N 5, Пленума ВАС РФ N 29 от 26.03.2009 "О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации"). Распространяемые нарушителем исключительного права экземпляры произведения в силу п. 2 ст. 1270 ГК РФ являются контрафактными.

Кроме того, для обоснования неправомерности такой покупки необходимо разграничить право собственности на экземпляр произведения и исключительное право.

В соответствии с п. 1 ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные права не зависят от права собственности на материальный носитель (вещь), в котором выражены соответствующий результат интеллектуальной деятельности. То есть произведения и экземпляры этого произведения различны в гражданском обороте. Так, распоряжение произведением осуществляется посредством договора об отчуждении исключительных прав, лицензионного договора, договора авторского заказа. Экземпляры произведения могут быть предметом купли-продажи, дарения и др. Так, в договоре об отчуждении исключительного права, лицензионном договоре, договоре авторского заказа предметом является исключительное право на произведение (ст. 1285, п. 1 ст. 1286, п. 2 ст. 1288 ГК РФ). В договор купли-продажи или дарения экземпляра произведения предметом является сам экземпляр или определенное договором количество экземпляров.

Анализируя правила проведения складчин на различных интернет ресурсах, организующих покупку экземпляров произведений в складчину, можно выделить общие аргументы организаторов о правомерности такой покупки.

Так, одним из аргументов является указание на то, что купленные в складчину экземпляры произведения используются в личных образовательных целях. Такая позиция является необоснованной. В положения п. 1 ст. 1274 ГК РФ указан исчерпывающий перечень способов правомерного использования произведения в учебных, а также научных, информационных и культурных целях. Указанные в данной норме способы никак не соотносятся с сутью покупки экземпляров произведения в складчину. Кроме того, анализируя положения пп.1 и пп. 2 п. 1 ст. 1247 ГК РФ, можно сделать вывод о том, что указанная норма относится к свободному использованию произведения только для цитирования в оригинале и в переводе в учебных целях в объеме, оправданном целью цитирования, и если произведение используется в качестве иллюстрации к соответствующему учебному материалу, а сам объем, оправданный поставленной целью, ограничивается назначением использования.

Также организаторы складчин указывают на то, что использование экземпляров произведения проходит по принципу библиотеки. Для обоснования несостоятельности такой позиции, а также в обоснование неправомерности использования экземпляров произведения по принципу библиотеки в первую очередь необходимо обратиться к понятию библиотеки. Согласно ст. 1 ФЗ от 29.12.1994 № 78-ФЗ «О библиотечном деле» библиотекой является информационная, культурная, просветительская организация или структурное подразделение организации, располагающие организованным фондом документов и предоставляющее их во временное пользование физическим и юридическим лицам. Сам принцип приобретения товара в коллективную собственность и принцип библиотеки не соотносятся между собой из-за того, что библиотека предает документы во временное пользование, а приобретение права собственности предполагает приобретение права владения, пользования и распоряжения имуществом. Также необходимо отметить, что согласно п. 2 ст. 1274 ГК РФ выраженные в цифровой форме экземпляры произведений, предоставляемые библиотеками во временное пользование, в том числе в порядке взаимного использования библиотечных ресурсов, могут предоставляться только в помещениях библиотек при условии исключения возможности создать копии этих произведений в цифровой форме.

К сожалению, судебной практики защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности при нарушении права посредством покупки экземпляров произведения в складчину пока нет. Однако в связи с развитием интернет ресурсов, организующих такие покупки, вероятно, в ближайшее время можно будет увидеть и позицию судов по данному вопросу.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 347.73

МЕГАРЕГУЛЯТОР НА РЫНКЕ СТРАХОВЫХ УСЛУГ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

© 2015 г. А.О. Бурлачка

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье анализируется правовое положение Банка России как мегарегулятора финансового рынка, особое внимание уделяется полномочиям Центрального банка на рынке страховых услуг. Автором формулируются конкретные предложения, направленные на совершенствование правового обеспечения страхового надзора в Российской Федерации.

***Ключевые слова**: мегарегулятор, рынок страховых услуг, страховщики, функции федеральных органов исполнительной власти, финансовый контроль.*

The article analyzes the legal status of the Bank of Russia as a mega-regulator of financial markets, special attention is paid to the authorities of the Central Bank as a mega-regulator in the insurance market. The author formulates the proposals aimed at improving the legal provision of insurance supervision in the Russian Federation.

***Keywords:** mega-regulator, insurance market, insurers, functions of federal executive bodies, financial control.*

Центральный банк Российской Федерации является обладающим государственно-властными полномочиями особым публично-правовым субъектом, выполняющим функции федеральных органов исполнительной власти. Он относится к числу коллективных субъектов финансового права наряду с органами государственной власти и местного самоуправления, юридическими лицами и их объединениями.

В 2013 году Центральному банку Российской Федерации были переданы полномочия по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков [1], внесены изменения в 47 нормативных правовых актов.

Расширение сферы влияния главного банка страны было обусловлено такими новыми целями его деятельности, как: развитие финансового рынка Российской Федерации; обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации.

Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» породил множество вопросов, не решенных законодателем до настоящего времени.

А.В. Турбанов справедливо обращает внимание на использование явно неудачной законодательной терминологии. Ошибки в использовании приемов юридической техники привели к тому, что, по сути, единая цель обеспечения развития и стабильности финансового рынка оказалась разбитой на две части [2, с. 3-9]. При этом весьма интересно, что:

- статья 4 федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» четко определяет осуществляемую совместно с Правительством Российской Федерации такую функцию Банка России, как: разработка и реализация политики развития и обеспечения стабильности функционирования финансового рынка Российской Федерации;

- глава VII.1 рассматриваемого нормативного правового акта называется «Развитие финансового рынка Российской Федерации и обеспечение стабильности его функционирования» [3].

В статье 3 федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» цели деятельности Банка России обозначены применительно к финансовому рынку Российской Федерации, а в главе X.1. главный банк страны признается органом, осуществляющим регулирование, контроль и надзор уже в сфере финансовых рынков, призванным, в частности, обеспечить эффективное управление рисками, возникающими на финансовых рынках (получается не один, а множество финансовых рынков).

Ситуация правовой неопределенности усугубляется отсутствием ряда законодательно определенных понятий. Что представляет собой финансовый рынок, как он соотносится с банковской системой, рынком страховых услуг?

С точки зрения системного подхода финансовый рынок – это единая система, регулируемая как общими, так и специальными нормами, учитывающими особенности каждого сегмента финансового рынка.

Разделяем позицию А.В. Турбанова о необходимости пересмотра действующего законодательства, избавления его от тех терминов, которые разрушают единую систему финансового рынка. Считаем необходимым также законодательно закрепить само понятие «финансовый рынок».

Предлагаем статью 3 федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» изложить в следующей редакции:

«Статья 3. Целями деятельности Банка России являются:

защита и обеспечение устойчивости рубля;

обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы;

развитие и обеспечение стабильности финансового рынка Российской Федерации, включающегося в себя банковский рынок, страховой рынок, рынок ценных бумаг.

Получение прибыли не является целью деятельности Банка России».

Федеральным законом от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» функция страхового надзора была передана Банку России.

Как считает П.Д. Баренбойм, расширение полномочий Центрального банка Российской Федерации, придание ему статуса мегарегулятора – обоснованный шаг законодателя, обусловленный неспособностью федеральных органов исполнительной власти обеспечить эффективное государственное регулирование рынка ценных бумаг, страхового рынка и т.д. [4, с. 47].

Однако определенная поспешность в реформировании законодательства, отсутствие соответствующей научно разработанной концепции сказалось на качестве правовых предписаний.

Согласно положениям федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» Банк России осуществляет функции по регулированию, контролю и надзору кредитных организаций и некредитных финансовых организаций. При этом законодательное понятие «некредитная финансовая организация» отсутствует, законодатель ограничивается их простым перечислением. К ним отнесены и субъекты страхового дела.

По логике положения анализируемого федерального закона как базового (определяет положение мегарегулятора) должны быть развиты в иных нормативных правовых актах, должна быть четкая взаимосвязь между целями деятельность Центрального банка Российской Федерации и задачами, их конкретизирующими.

Применительно к нашему исследованию должна быть четкая законодательная связь между правовым статусом Банка России как мегарегулятора и правовым статусом Банка России как органа страхового надзора: общее и частное должно быть единым (статус Банка России как органа страхового надзора является частью правового статуса главного банка страны как мегарегулятора).

Законодательно определено, что:

- страховые отношения регулируются различными нормативными правовыми актами, в том числе актами Центрального банка Российской Федерации;

- федеральные законы, иные нормативные правовые акты, акты Банка России являются составной частью страхового законодательства. Закономерно возникает вопрос: что еще входит в страховое законодательство? Почему законодатель отказался от концепции закон – подзаконный нормативный акт, используемый в Налоговом кодексе Российской Федерации, Бюджетном кодексе Российской Федерации при определении структуры налогового и бюджетного законодательства?

Статья 30 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» определяет цели страхового надзора, принципы его осуществления, полномочия Банка России как органа страхового надзора.

Интересно, что цели страхового надзора совершенно не изменились. Как и ранее, страховой надзор нацелен на обеспечение соблюдения страхового законодательства субъектами страхового дела; предупреждение и пресечение правонарушений участниками страховых правоотношений; защиту прав и законных интересов страхователей, иных заинтересованных лиц и государства; эффективное развитие страхового дела.

Получается, что цели осуществления страхового надзора не зависят от субъектного состава: выполняют ли функцию надзора за деятельностью субъектов страхового дела органы исполнительной власти или независимый субъект. Это позитивный момент, позволяющий говорить о правовой стабильности.

В то же время создается впечатление, что федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Закон Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» действуют достаточно «отстраненно друг от друга». Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» не выделен как базовый, а ведь он тоже регулирует страховые отношения, поскольку Банк России является мегарегулятором.

Термина «финансовый рынок» мы не найдем ни в одной из статей Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Фактически в данном нормативном акте положение Центрального банка Российской Федерации как мегарегулятора изложено поверхностно, образно говоря «обыденно». Между тем, к функциям главного банка страны отнесено не только осуществление контроля и надзора в сфере страховой деятельности, но и ее регулирование.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствуют системные связи между анализируемыми нормативными правовыми актами, что является, на наш взгляд, концептуальной ошибкой законодателя. В связи с этим предлагаем статью 30 Закона Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «Целями деятельности Банка России как органа страхового надзора являются обеспечение:

- развития и стабильного функционирования страхового рынка во взаимосвязи с иными элементами финансового рынка Российской Федерации;

- защиты прав страхователей, иных участников страховых правоотношений;

- соблюдение страхового законодательства субъектами страхового дела и иными участниками отношений, регулируемых страховым законодательством».

Законодательное закрепление данного предложения позволит более четко выделить тактические и стратегические задачи Банка России как органа страхового надзора (узкое направление) и мегарегулятора (магистральное направление).

Тактическая задача Центрального банка Российской Федерации заключается в обеспечении выполнения требований законодательства всеми субъектами страхового рынка России, надлежащей защите прав и свобод участников страховых правоотношений.

Стратегическая задача, стоящая перед Банком России, выражается в необходимости обеспечения стабильного и поступательного развития рынка страховых услуг во взаимосвязи с другими элементами финансового рынка Российской Федерации.

Центральный банк Российской Федерации обладает широким кругом государственно-властных полномочий. Именно наличие государственно-властных полномочий ярко демонстрируют взаимосвязь Банка России с государством, проводимой финансовой политикой. Рассмотрим полномочия главного банка страны, которым он наделен для осуществления функций страхового надзора.

Практическое выражение государственно-властные полномочия Банка России находят в следующих юридически значимых возможностях:

- возможности принимать обязательные к исполнению нормативные правовые акты по вопросам страхового надзора, отнесенным к его компетенции;
- возможности издавать обязательные к исполнению индивидуальные правовые акты, направляемые в адрес субъектов страхового дела;
- возможности использовать в своей деятельности как методы убеждения и разъяснения, так и метод принуждения в установленных законом случаях.

Полномочия Банка России представляют собой, таким образом, совокупность его прав и обязанностей, обусловленных публично-правовыми целями и задачами его деятельности.

При этом следует учитывать, что в ряде случаев, установленных законом, не всегда право компетентного субъекта является одновременно его обязанностью. Так, например, в соответствии с Законом Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» Банк России вправе:

- устанавливать минимальные (стандартные) требования к условиям и порядку осуществления отдельных видов добровольного страхования;
- направлять письменные запросы в организации о предоставлении информации, касающейся документов, которые были представлены соискателем лицензии;
- запрашивать и получать информацию о лицах, которые прямо или косвенно (через подконтрольные им лиц) самостоятельно или совместно с иными лицами, связанными с ними договорами доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерным соглашением, и (или) иным соглашением, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) страховой организации, имеют право распоряжаться 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставной капитал страховой организации [5].

Однако такие единичные права являются скорее исключением, чем правилом. Абсолютное большинство полномочий – это одновременно и право, и обязанность Центрального банка Российской Федерации. Только в этом случае можно обеспечить надлежащее выполнение возложенных на него обязанностей.

Литература

1. Федеральный закон от 23.07.2013 № 251-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (Часть I). Ст. 4084.
2. Турбанов А.В. Мегарегулятор финансового рынка и проблемы правовой определенности // Банковское право. 2013. № 5.
3. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»// Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; СПС «Консультант Плюс».
4. Баренбойм П. Независимость центральных банков как основной принцип конституционной экономики / Конституционная экономика и антикризисная деятельность центральных банков. М.: ЛУМ, 2013.
5. Закон Российской Федерации от 27.11.1992 № 4015-1 (ред. от 04.11.2014) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342.9

РЕПАТРИАЦИЯ КАК ФОРМА ПРИОБРЕТЕНИЯ ГРАЖДАНСТВА

© 2015 г. А.Н. Позднышов, Г.Ю. Головенко

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
344015 г. Ростов-на-Дону, ул. Маршала Еременко, 83

Rostov Law Institute of Interior Ministry of the Russian Federation
83, Marshala Eremenko str., Rostov-on-Don 344015

В настоящей статье рассматриваются проблемы, связанные с изучением института репатриации (возвращения на родину) как формы приобретения гражданства государства. Анализируются вопросы, связанные с новейшими изменениями законодательства о гражданстве в сфере так называемого «упрощенного приобретения гражданства». Изучается опыт зарубежных стран, на примере государства Израиль, в вопросах предоставления гражданства, в том числе, как форме предоставления социальной защиты.

Ключевые слова: *репатриация, возвращение на родину, приобретение гражданства, административно-правовые отношения по производству по делам о гражданстве.*

The article studies the issues of repatriation institution as a form of acquiring the citizenship; examines the recent amendments to the laws on citizenship concerning so-called 'simplified acquisition of citizenship'; considers the experience of foreign countries, Israel in particular, in granting citizenship including such form as providing social security.

Keywords: *repatriation, homecoming, acquisition of citizenship, administrative-law relations in the citizenship proceedings.*

Вопросы, связанные с нормативным регулированием института гражданства и реализацией данных правил в конкретных административно-правовых отношениях по производству по делам о гражданстве, традиционно вызывают интерес не только с формально-юридической стороны, но и как элемент, влияющий на судьбу конкретного человека.

В настоящее время эта проблема приобрела особенную актуальность из-за наплыва беженцев и вынужденных переселенцев из Украины, где с конца прошлого года продолжается политический кризис, переросший в ряде регионов в гуманитарную катастрофу. Фактически Россия столкнулась с волной русских, которые по воле судьбы оказались в других государственных образованиях и стремящихся к возвращению на историческую родину.

Законодатель делает необходимые шаги, рассмотрен закон об упрощенной выдаче российского гражданства соотечественникам, которые, если с известными обобщениями выразить идею нововведений, свободно владеют русским языком и которые сами либо их предки проживали на территории СССР или Российской империи в границах современной РФ.

В подобной ситуации представляет несомненный интерес опыт ряда зарубежных стран, например государства Израиль, которые уже сталкивались с данной проблемой и имеют практическую реализацию подобного опыта, признания гражданами репатриантов.

Причем по содержанию данного термина можно судить о его абсолютной применимости к ситуации в Украине, так как под репатриацией принято понимать возвращение на родину военных и гражданских пленных, беженцев, переселенцев, эмигрантов.

В вышеобозначенном контексте интересным представляется происхождение и эволюция собственно понятия «гражданин», причем не только с этимологической, но и с юридической точки зрения. Согласно этимологическому словарю русского языка под гражданином понимается «лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства» [1, с. 110]. Заимствовано данное слово из церковно-славянского языка, в котором оно возникло из праславянского gordjaninъ – «житель города». Слово гражданин по своему происхождению значит «житель города», затем «член общества», «подданный государства». В древнерусском языке у этого слова отмечалось значение «горожанин», хотя производное от него слово гражданский имело два значения – «городской» и «гражданский».

Заслуживает внимания и определение, данное В.И. Далем в Толковом словаре живого великорусского языка. Так, он пишет, что под гражданством понимается «состояние гражданина; звание, права и обязанности его». А гражданином является «член общины или народа, состоящего под одним общим управлением; каждое лицо или человек из составляющих народ, землю, государство» [2, с. 389-390]. Правовое наполнение данного понятия, выраженное в словах – права и обязанности, вытеснило «территориальное» значение этого термина.

То есть понимание гражданина как лица, сопряженного, скорее, с местом проживания, нежели лица, обладающего признаком связи, причастности к государственному образованию, выраженной совокупностью обоюдных прав и обязанностей, постепенно заместилось современным пониманием данного качества личности.

Фактически данные определения соответствуют и тому видению института гражданства, которое вкладывается в него законодателем сегодня. Гражданство Российской Федерации – устойчивая правовая связь лица с Российской Федерацией, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей [3].

Но говоря о сущностном содержании термина «гражданство», очевидно, что в него входит и правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей и место проживания гражданина, его оседлость. Репатриация фактически дает возможность приобретения (восстановления) названной правовой связи лица с государством при возвращении на историческую родину.

Вопросы гражданства как элемента структуры административно-правового статуса личности должны отражать государственную политику в области обеспечения прав русских граждан по делам о гражданстве в современных условиях фактической «недееспособности» норм международного права, чему примером является современная ситуация с нашими приграничными государствами.

Слово репатриация происходит от лат. repatriatio – возвращение на родину – возвращение в страну гражданства, постоянного проживания или происхождения лиц, оказавшихся в силу различных обстоятельств на территории других государств. Как правило, репатриация осуществляется на основе международных договоров и после окончания войны в отношении военнопленных и интернированных гражданских лиц.

В традиции российской правовой и социологической мысли под репатриацией понимается возвращение на «историческую» родину лиц определенной национальности – так, приезжающие на постоянное место жительства в Израиль евреи называются именно репатриантами.

Однако, не вдаваясь в терминологическую полемику, можно сделать вывод о необходимости признания фактически еще одного вида репатриации, а именно репатриации русского народа с территорий стран - республик бывшего Советского Союза в связи с вооруженными конфликтами и ущемлением прав и законных интересов русских.

Восстановление в правах гражданства данных лиц не только направлено на восстановление справедливости как истинной цели законодательного и правоприменительного процесса, но и позволит заместить нелегальных трудовых мигрантов, что способствует развитию национальной экономики.

В рамках рассматриваемого вопроса, как говорилось выше, интерес представляет Закон о гражданстве государства Израиль, принятый Кнессетом в 1952 году [4]. Причем

первоначально был принят так называемый Закон о возвращении, провозглашающий право каждого еврея репатриироваться в Государство Израиль (принят Кнессетом 5 июля 1950 года). Главный тезис закона выражен в первой его статье и звучит так: каждый еврей имеет право на репатриацию в Израиль.

Этот закон юридически выражает идеологическую доктрину, лежащую в основе возникновения и существования Государства Израиль в качестве еврейского национального государства. Как известно, создание Государства Израиль произошло в рамках сложного политического процесса, начавшегося с появления движения политического сионизма в 1897 году и завершившегося уже после провозглашения в 1948 году Декларации независимости после победы в Войне за независимость и принятием соответствующих решений ООН в 1949 году.

Итак, согласно Главе первой названного Закона 1952 года приобретение гражданства Израиля осуществляется в силу репатриации, в силу проживания в Израиле, в силу рождения, в силу рождения и проживания в Израиле, в силу усыновления и в силу предоставления гражданства. Примечательно, что среди прочих оснований репатриация занимает первое место.

Закон о возвращении 1950 года является правовой основой для предоставления израильского гражданства по Закону о гражданстве от 1952 года, который предусматривает автоматическое получение статуса гражданина каждым евреем, прибывшим в страну на основании Закона о возвращении. Репатриация осуществляется в соответствии с въездной визой репатрианта (иммиграционной визой). Причем виза нового репатрианта выдается каждому еврею, выразившему желание поселиться в Израиле, за исключением случаев, в которых министр внутренних дел убедился, что обратившийся за визой осуществлял действия, направленные против еврейского народа; может представлять опасность для здоровья граждан страны или безопасности Израиля; имеет криминальное прошлое, которое может представлять опасность для общественного порядка. После этих процедур лицо получает удостоверение репатрианта и фактически становится гражданином. Устанавливается, что каждый еврей, репатриировавшийся в Израиль до вступления Закона в силу, а также каждый еврей, родившийся в Израиле как до вступления в силу Закона, так и после этого, рассматривается как репатриировавшийся.

За достаточно краткими нормами, говоря о юридической технике, сам Закон о возвращении состоит из пяти статей, стоит чрезвычайно глубокий правовой, социальный, идеологический и фактический смысл.

Очевидно, что особенности появления данного государства на карте, официальная идеология, лежащая в основе создания страны, и сам исторический путь еврейского народа достаточно специфичны и зачастую неприменимы.

Но распад Союза ССР, современная кризисная ситуация на приграничных территориях, мы говорим об Украине, когда члены одной семьи оказываются по разную сторону границы в возникших условиях невозможности не только ее пересечения (в марте 2015 года Украиной в одностороннем порядке расторгнуто Соглашение о малом приграничном движении), но и элементарного общения, обусловливает интерес к историческому опыту иных государств в достаточно схожих условиях.

Суть вышеоговоренных законодательных установлений возможно свести к достаточно короткой формуле – Государство Израиль определило себя, в том числе, как возможное убежище для каждого человека, который подвергается преследованиям из-за своего еврейского происхождения. И, принимая закон о праве евреев на возвращение на свою историческую родину (репатриацию), предоставило это право каждому, кто потенциально мог бы попасть под различные случаи дискриминации. В результате в настоящее время любой человек, если у него хотя бы одна (один) из бабушек или дедушек был евреем, а также его супруг(а), могут репатриироваться в Израиль и автоматически претендовать на получение израильского гражданства.

Факты говорят о том, что подобная дискриминация происходит сейчас в отношении носителей русского языка в Украине, в Прибалтике, фактически это – дискриминация в отношении русских. И абсолютно справедливой представляется ситуация, когда Россия должна стать убежищем для каждого человека, который подвергается преследованиям из-за своего языка и происхождения, используя все возможные инструменты и способы.

Причем во многих европейских странах, таких как Греция, Венгрия, Германия и др., существуют законы о праве на возвращение, принципиально похожие на Закон о возвращении Государства Израиль. Необходимо учитывать, что право на возвращение – законодательный принцип и международного права, встречающийся во Всеобщей декларации прав человека и предоставляющий право вернуться в родную страну. Согласно ч. 2 ст. 13 Декларации каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну [5].

Носителем суверенитета государства, его олицетворением является именно народ со всей вытекающей правовой и моральной ответственностью за своих представителей независимо от территории нахождения. И государство должно руководствоваться, прежде всего, национальными интересами, укреплять единство нации, не боясь устанавливать и вводить относительно новые процедуры и правовые конструкции, о которых мы говорили выше.

Гражданство не только юридически правовое, но и социальное состояние человека. Дальнейшее развитие норм и отношений в вопросах гражданства является объективной необходимостью с учетом меняющихся, к сожалению, в худшую сторону общественных отношений, и в этом должна выразиться сущность права – в придании официальной юридической силы возникающим явлениям.

Литература

1. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Изд. «Радянська школа», Киев, 1970.
2. Даль В. И. толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт.Т. 1. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 23.06.2014), «О гражданстве Российской Федерации» . Собрание законодательства РФ , 03.06.2002, ст. 2031
4. URL: http:// knesset.gov.il/main/ru/home.asp
5. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) Российская газета, N 67, 05.04.1995

УДК 342.722

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ВЫДВОРЕНИЕ ЗА ПРЕДЕЛЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ИНОСТРАННОГО ГРАЖДАНИНА ИЛИ ЛИЦА БЕЗ ГРАЖДАНСТВА КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

© 2015 г. О.В. Катаева, И.А. Ряпухина, Н.Д. Кочеткова

Белгородский юридический институт МВД России 308024 Белгород, Горького, 71

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry Affairs 308024 Belgorod, Gorky 71

Белгородский юридический институт МВД России 308024 Белгород, Горького, 71

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry Affairs 308024 Belgorod, Gorky 71

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова 302027 Орел, Игнатова, 2

Oryol Law Institute of the Russian Interior Ministry named after V.V. Lukyanov Affairs 302027 Oryol, Ignatova 2

В статье рассматриваются следующие вопросы: обеспечение общественной безопасности как одно из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства как средство обеспечения общественной безопасности. Делается вывод о необходимости расширения сферы применения вышеуказанной санкции.

Ключевые слова: *национальная безопасность Российской Федерации, обеспечение общественной безопасности, экстремизм, национализм, административное выдворение, иностранный гражданин, лица без гражданства.*

The article considers the issues of public safety as one of the priorities of the state policy in the sphere of the national security of the Russian Federation, the administrative deportation of a foreign citizen or stateless person from the Russian Federation as a means to ensure public safety. The authors substantiates the necessary for expanding the sphere of implementation of that penalty.

Keywords: *national security of the Russian Federation, public security, extremism, nationalism, administrative deportation, a foreign citizen, a stateless person.*

В настоящее время особое внимание государства уделяется вопросам обеспечения национальной безопасности как состояния защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, позволяющее обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства [1].

При этом обеспечение общественной безопасности является одним из приоритетных направлений государственной политики в сфере национальной безопасности Российской Федерации. В соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 20 ноября 2013 г., под общественной безопасностью понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [2].

В качестве одного из основных источников угроз общественной безопасности разработчиками Концепции названа незаконная миграция в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, в том числе из стран со сложной общественно-политической, экономической и санитарно-эпидемиологической обстановкой, поскольку незаконное пребывание в Российской Федерации указанных лиц значительно ухудшает социальную обстановку в местах их пребывания, создает благоприятные условия для криминогенной среды, в том числе, политического и религиозного экстремизма, национализма, которые, в свою очередь, также являются источником угроз общественной безопасности государства.

В Концепции предложены основные направления деятельности по обеспечению общественной безопасности в области противодействия незаконной миграции, в числе которых – развитие инфраструктуры для осуществления административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства, депортации, а также процедуры реадмиссии.

Необходимо отметить, что при всех юридических тонкостях отличия вышеуказанных процедур суть их заключается в принудительной высылке иностранного гражданина за пределы Российской Федерации [3, с. 34]. При этом въезд в Российскую Федерацию такому иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в течение пяти лет со дня административного выдворения за пределы Российской Федерации, депортации либо передачи Российской Федерацией иностранному государству в соответствии с международным договором Российской Федерации о реадмиссии [4].

Как показывает официальная статистика, наиболее распространенной из вышеперечисленных процедур является именно административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства как мера административного наказания за совершенные административные деликты.

При этом среди мер административного наказания, перечень которых установлен Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5], административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства является на сегодняшний день одним из наиболее суровых, поскольку ограничивает конституционное право граждан на свободу передвижения на территории Российской Федерации. Кроме того, как было сказано ранее, правовые последствия наложения данного административного наказания действуют на протяжении пятилетнего срока, что превышает общий срок действия административного наказания, установленный ст. 4.6 КоАП РФ (со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления).

Несомненно, вышеуказанная мера административного наказания и ее правовые последствия достаточно надежно гарантируют защиту общественной безопасности от угроз, связанных с нахождением на территории государства иностранного гражданина, нарушающего отечественное законодательство об административных правонарушениях. По мнению авторов, именно это послужило развитию современной тенденции увеличения составов правонарушений КоАП РФ, санкции которых предусматривают административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства.

Так, изначально данная мера административного наказания устанавливалась за административные правонарушения в области защиты государственной границы Российской Федерации и обеспечения режима пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, содержащиеся в главе 18 КоАП РФ как дополнительное наказание за отдельные виды правонарушений (ч. 2 ст. 18.1, ч. 2 ст. 18.4, ст. 18.8, 18.10, ч. 1 ст. 18.11, ч. 2 ст. 18.17), а также за административное правонарушение, выразившееся в представлении ложных сведений при осуществлении миграционного учета (ч. 1 ст. 19.27 КоАП РФ). В дальнейшем, с учетом характера возрастающих угроз общественной безопасности, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства законодателем введено в санкции за административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравствен-

ность (ч. 2 ст. 6.8, ч. 2 ст. 6.9, ч. 2 ст. 6.16.1 КоАП РФ) в качестве обязательного дополнительного наказания.

Кроме того, административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства в настоящее время предусмотрено санкцией ч. 3 ст. 20.25 КоАП РФ в качестве обязательного дополнительного наказания за уклонение иностранного гражданина или лица без гражданства от исполнения административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда из Российской Федерации [6].

Таким образом, сегодня с уверенностью можно говорить о том, что административное выдворение за пределы Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства как административное наказание, достаточно эффективно обеспечивающее общественную безопасность от различного рода угроз, связанных с пребыванием на территории государства иностранцев, нарушающих отечественное законодательство об административных правонарушениях, имеет выраженную тенденцию к дальнейшему расширению сферы применения.

В связи с изложенным, целесообразно внести изменения в санкции статей КоАП РФ, нарушение которых в наибольшей степени отражается на состоянии защищенности общественной безопасности в части усиления ответственности за вышеуказанные правонарушения иностранными гражданами.

Думается, что за ряд административных деликтов, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, совершаемых иностранными гражданами, в обязательном порядке должно назначаться административное выдворение за пределы Российской Федерации. В особенности это актуально для борьбы с правонарушениями, связанными с экстремистскими проявлениями.

Предупреждение межнациональных конфликтов, преодоление преступности, связанной с экстремизмом и как следствие – с терроризмом, – это стратегически важная задача нашего государства, так как она напрямую касается национальной безопасности… Настойчиво осуществляют деятельность сторонники запрещенных судом международных религиозных объединений, в задачи которых входит формирование на территории России радикального исламского мировоззрения. В последние годы участились случаи проявления национальной неприязни, напряженности и конфликтов в межэтнических отношениях [7].

Несмотря на многолетний опыт борьбы с терроризмом и экстремизмом, необходимость постоянных изменений и доработок законодательства остро ощущается в мировом сообществе [8].

В настоящее время в КоАП РФ содержатся следующие составы административных правонарушений, направленных на противодействие экстремистской деятельности: статья 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций», статья 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов».

При этом пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций, наказание за которые предусмотрены ч. 1 статьи 20.3 КоАП РФ, влечет для граждан административное наказание в виде наложения административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей с конфискацией предмета административного правонарушения либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией предмета административного правонарушения.

Изготовление, сбыт или приобретение в целях сбыта нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, направленные на их пропаганду, наказание за которые предусмотрены ч. 2 статьи 20.3 КоАП РФ, влечет наложение на граждан административного штрафа в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией предмета административного правонарушения.

Массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, их производство либо хранение в целях массового распространения, наказание за которые предусмотрены ч. 2 статьи 20.3 КоАП РФ, влечет наложение на граждан административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей либо административный арест на срок до пятнадцати суток с конфискацией указанных материалов и оборудования, использованного для их производства.

В целях обеспечения общественной безопасности от проявлений политического и религиозного экстремизма, национализма со стороны иностранных граждан видится целесообразным дополнить содержание статьи 20.3 «Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций» и статьи 20.29 «Производство и распространение экстремистских материалов», соответственно, частью 3 и частью 2, предусматривающими ответственность за совершение вышеуказанных правонарушений иностранными гражданами, установив в качестве административного наказания в отношении указанных лиц административное выдворение за пределы Российской Федерации.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что национальная безопасность государства во многом зависит от проведения последовательной государственной политики в сфере ее обеспечения, направленной на своевременное устранение различного рода внутренних и внешних угроз, связанных, в том числе, с разжиганием политического и религиозного экстремизма, национализма. Думается, что высказанные предложения в полной мере послужат защищенности человека и гражданина от социальных и межнациональных конфликтов.

Литература, источники

1. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». СПС КонсультантПлюс.
2. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации 20.11.2013). СПС КонсультантПлюс.
3. Сандугей А.Н. Депортация: наказание или процедура // Административное право и процесс. 2005. № 1.
4. Ст. 27 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». СПС КонсультантПлюс.
5. Ст. 3.2 КоАП РФ. СПС КонсультантПлюс.
6. Панкова О.В. Административное выдворение в системе мер государственного принуждения: проблемы правоприменения // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2013. СПС КонсультантПлюс.
7. Предупреждение межнациональных конфликтов - стратегически важная задача государства (интервью с начальником управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации Ю.П. Хохловым // Прокурор. 2014. № 1. СПС КонсультантПлюс.
8. Солопченко Д.В. Новые тенденции развития законодательства об экстремизме и терроризме в Российской Федерации и за рубежом // Российский следователь. 2014. № 6.

УДК 342.9

ТЕОРИЯ ИНФОРМИРОВАННОГО ПОСРЕДНИКА КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ВСЛЕДСТВИЕ НЕДОСТАТКОВ ТОВАРОВ, РАБОТ ИЛИ УСЛУГ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США И АНГЛИИ

© 2015 г. А.С. Мамин, Н.Н. Надежин, Р.В. Халин

Белгородский государственный национальный исследовательский университет 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

National Research University Belgorod State University 85, Pobedy str., Belgorod, 308015

Белгородский юридический институт МВД России 308024 Белгород, Горького, 71

Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry Affairs 308024 Belgorod, Gorky 71

Белгородский университет кооперации, экономики и права 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law 116, Sadovaya str., Belgorod, 308015

В статье рассматривается теория информированного посредника как специальный случаи освобождения от ответственности за вред, причиненный вследствие недостатков товаров, работ или услуг по законодательству США и Англии.

Ключевые слова: *ответственность, качество, недостаток, конструктивный недостаток, рецептурный недостаток.*

The article discusses the theory of informed intermediary as special cases of exemption from liability for harm caused by defects in goods, work or services under the legislation of the USA and England.

Keywords: *liability, quality, shortcoming, constructive shortcoming, prescription shortcoming.*

При сравнении российского законодательства в отношении возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг, с аналогичными нормативными положениями англо-американской правовой системы, можно обратить внимание на большую детализацию оснований освобождения от ответственности, в том числе и применительно к отдельным случаям причинения вреда. В частности, в праве Англии и США наравне со своими индивидуальными особенностями развития системы правового регулирования ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг, в пределах одного исторического периода были выработаны особые подходы в регулировании вопросов ответственности за качество фармацевтической продукции.

Причиной этому послужили особенности природы данной группы товаров, а также особенности поступления товара к конечному потребителю. Данные особенности проявляются в том, что некоторые препараты поступают к потребителю в процессе свободной продажи, а ряд из них проходят "рецептурный" этап, то есть предварительное предписание врача по приему соответствующего препарата. Для данной группы товаров в англо-саксонской правовой системе были выработаны две основополагающие теории:

1) Теория информированного посредника (Learned intermediary rule);

2) Теория полученного согласия (informed consent). Рассмотрим их юридическое содержание.

Теория «информированного посредника» (Learned intermediary rule) освобождает производителя от ответственности, но при этом выделяет особого субъекта ответственности – информированного посредника о возможных вредоносных качествах товаров.

Теория «информированного посредника» получила широкое распространение и в праве США, в делах по компенсации вреда, причиненного здоровью пациента в результате применения рецептурных лекарственных средств. Применение данной теории не всегда является безоговорочным. При рассмотрении некоторых споров суды, несмотря на выработанный подход, снова ставили вопрос о том, снимается ли ответственность с производителя за причинение вреда жизни и здоровью потребителю товара на основе теории "информированного посредника". Большинство юристов Англии и США склоняются к тому, что производитель лекарственных средств не несет ответственность перед потребителем лишь в том случае, если данные лекарственные средства могут быть доступны потребителю только по рецепту врача. Соответственно концентрация внимания с производителя продукции переходит на врача, а именно на его профессиональную обязанность по оценке воздействия предписываемых лекарств на организм пациента. Вышеизложенное требование, предъявляемое к медицинским работникам, закреплено в Medicines Act [1], принятым в Англии в 1968 году, регулирующем вопрос ответственности за медицинскую продукцию, и в Правилах торговли фармацевтической продукцией 1976 года (The Medicines (Labelling) Regulation) [1], в котором утверждаются стандарты о порядке нанесения соответствующей предупреждающей информации. Контейнер с медицинскими препаратами должен содержать маркировку с информацией о способах применения лекарственных средств и иную предупреждающую информацию на основании специализированного требования врача. Данное правило обеспечивает реализацию общего подхода о необходимости информирования потребителя о возможных негативных последствиях использования товара либо в рамках общей информации, содержащейся на упаковке, либо информации, которая должна предоставляться уполномоченным лицом, через которого товары поступают к потребителю – врачом в отношении лекарственных средств, выписываемых по его рецепту. Нормы права, закрепленные в данных актах, являются специальными и обеспечивают реализацию общих положений об ответственности производителей за вред, причиненный потребителям некачественных товаров, работ и услуг, закрепленных в Consumer Protection Act [1]. В соответствии с п. 3 (2) (A) Consumer Protection Act выявленные дефекты продукции накладывают на производителя обязанности по предупреждению потребителей относительно того, как его можно использовать либо от каких форм его использования следует воздержаться. Нарушение данной обязанности накладывает на производителя ответственность за вред, причиненный жизни и здоровью, возникший по причине наличия дефектов в товаре.

Как было отмечено, среди представленного многообразия источников регулирования деликтной ответственности производителей некачественной продукции в США одним из значимых регуляторов является Свод деликтного права США (Restatement of Torts) [2, с. 23-53].

В соответствии п. А § 402 данного свода (второй редакции), лицо, занимающееся продажей продукта, содержащего дефекты, представляющие скрытую угрозу для потребителя, является ответственным за причинение физического вреда конечному пользователю или потребителю, если:

а) продавец осуществляет предпринимательскую деятельность, связанную с продажей продукта;

б) данный вред, очевидно, будет причинен потребителю либо конечному пользователю без изменения качества и содержания продукта, которые присутствовали в продукте на момент его продажи [3, с. 226].

Еще более определенно по этому поводу указано в §1 раздела 1 Свода деликтного права (третьей редакции) «Любое лицо, участвующее в продаже либо распространении товаров, то есть продавец или дистрибьютор несет ответственность за личный либо имущественный вред, причиненный некачественным товаром».

По мнению ряда авторов, дающих комментарии к п. А § 402 Свода, данная статья исключает ответственность производителя только за непредвидимые недостатки товара. К таким, по их мнению, относятся продукты, которые на определенный момент времени с учетом уровня знаний об их свойствах не в состоянии быть признаны безопасными в

соответствии с их предназначением и обычным порядком использования [4, с. 417]. Продукты, надлежащим образом изготовленные с приложением инструкции по использованию, а также с информацией о возможных неблагоприятных последствиях его использования, не считаются содержащими дефект, поскольку представляют неочевидную опасность потребителю. Это формирует представление о том, что производитель таких продуктов будет нести безвиновную ответственность только в случае нарушения обязанности по предоставлению информации о возможных неблагоприятных последствиях потребления продукта. В юридической науке США дискуссионным был вопрос о том, является ли производитель ответственным за вред, причиненный произведенным им продуктом с дефектом, который был неизвестен с учетом существующего на момент его производства уровня науки и техники.

Судебная практика большинства судов США основывалась на привлечении производителей к ответственности за недостатки товаров в случае, если они не сообщали потребителям необходимую информацию о недостатках, о которых они знали или должны были знать, но не за те недостатки, которые не являлись очевидными. Так, в 1982 году по делу Beshada v Johns-Manville Product Corporation [5, с. 790] Верховный суд Нью Джерси вынес решение в отношении производителя асбеста, признав его ответственным за отсутствие информации о возможной опасности от асбестовой пыли, несмотря на то, что опасность данной пыли не могла быть известна производителю на момент его продажи. Решение было основано на комментарии к п. К Свода, который был несовместим с применением режима безвиновной ответственности.

Существенное значение имеет тот факт, что уровень науки и техники имеет значение для применения концепции «небрежности» по отношению к производителю. Это объясняет, почему ответчик не является виновным за несообщение предупреждающей информации о наличии соответствующих недостатков и последствиях их для потребителя. Потому что ответчик не мог знать о наличии данной опасности. Его действия по нераспространению данной информации о продукте являлись разумными. Но в концепции безвиновной ответственности вина не имеет значение. Значение имеет факт опасности продукта. То есть товар был небезопасным по причине того, что технологический уровень не позволяет устранить факт его небезопасности. Для теории безвиновной ответственности значение имеет продукт, а не вина производителя. Возложение ответственности на производителей фармацевтической продукции за непредоставление информации об опасных свойствах товара, которые являются неизвестными на момент их производства, могло бы вызвать существенное увеличение стоимости страхования ответственности данных производителей, создав тем самым препятствия для производства новых лекарств и значительное удорожание их стоимости.

Таким образом, производитель обязан предоставить необходимую информацию в соответствии с требованиями п. К свода о том, что товары являются надлежащим образом произведенными и готовыми для их реализации. В деле Toole v Richardson Merrell Inc [6, с. 793] ответчик являлся продавцом лекарственного средства Трипаранол, но при этом не сообщил необходимую информацию в Американское агентство по лицензированию пищевой и фармацевтической продукции обо всех возможных последствиях использования данного препарата. В процессе потребления был выявлен факт причинения вреда глазам пациента. Трипаранол – это лекарство, разработанное от лечения атеросклероза, но при этом истцы ссылались на то, что данный препарат вызвал катаракту обоих глаз. В решении, которым суд обязал компанию - производителя возместить вред пострадавшим, содержались следующие аргументы: мы не можем утверждать, что данный препарат был пригоден для его реализации в соответствии с требованиями п. К Свода, что в свою очередь возлагает на продавца ответственность за причиненный вред независимо от того, знал ли он или должен был знать о недостатках товара.

Сложившаяся судебная практика Англии и США выработала норму, обязывающую производителей информировать потребителей о возможных негативных последствиях потребления продукта в инструкции по его применению. Кроме этого, в обеих странах представители производителей ответственны за сообщение необходимой информации врачам и о вновь выявляемых негативных качествах продукта. Предоставление такой информации врачам должно обеспечить более объективную оценку данного препарата с точки зрения возможности его рекомендации для пациента.

Если производитель товара нарушает данную обязанность, он может быть признан ответственным за вред, причиненный потребителю, даже если общая предупреждающая информация, актуальная на момент продажи товара, содержалась в инструкции по его применению. Такой подход был применен в США в процессах по привлечению к ответственности производителей Хломецитина. При рассмотрении данных дел было установлено, что представительство компании минимизировало риски, руководствуясь только описанием продукта [7, с. 426].

Следует отметить тот факт, что Свод деликтного права не определяет лицо, которому производитель должен сообщать информацию о выявленных опасных свойствах товара. В праве США производители рецептурных лекарственных средств обязаны информировать медицинских работников преимущественно перед пациентами [8, с. 66]. В решении по делу Mc. Cue v norwich Pharmacy Co было установлено, что производитель не является ответственным перед пациентом, если он сообщил необходимую информацию врачу [9, с. 70]. В деле Buckner v Allergan Pharmaceuticals Inc [10, с. 15] производитель лекарств знал о том, что врачи не информировали пациента о возможных негативных последствиях применения данного лекарства. Несмотря на это, суд не признал обязанности производителя по компенсации вреда пациенту, так как необходимая информация была доведена до практикующих врачей [11, с. 21]. Такой юридический подход свидетельствует о значимости теории «информированного посредника» в сфере продажи продуктов фармацевтической отрасли США. Думается, что такой подход вполне оправдан, учитывая характер товара и особенно порядок их распространения. Рецепт как основание для продажи следует рассматривать как существенное условие договора купли-продажи медицинского препарата. Его отсутствие должно влечь отказ в предоставлении продукта пациенту. Выдача рецепта осуществляется врачом как профессиональным работником здравоохранения, знающим или обязанным знать о руководствах к применению конкретного препарата. Соответственно, вся информация о свойствах лекарственных средств, поставляемых конечному потребителю при обязательном согласии врача (в форме выдачи рецепта), должна поступать к врачу как к единственно управомоченному субъекту по санкционированию продажи товара пациенту. Не сообщение ему информации влечет ответственность производителя; полученная информация врачом, но не доведенная до пациентов, влечет ответственность врача перед пациентом. Таким образом, прямая связь производителя и потребителя в рамках отношений по распространению рецептурных медицинских препаратов является юридически недействительной, а соответственно информация о товаре не доводится до потребителя.

В деле Reyes v Wyeth Laboratories [12, с. 56] было закреплено следующее правило: лекарственные средства могут по-разному воздействовать на пациента. Будучи специалистом в области медицины, врач, выписывающий рецепт, обязан принять во внимание все противопоказания данного препарата для конкретного пациента. Он должен взвесить преимущества данного лечебного средства по отношению к его негативным последствиям. Конечный выбор должен быть основан на информировании пациента и индивидуальном решении врача.

Фармацевтические компании обязаны информировать потребителя о негативных последствиях лекарства путем указания соответствующей информации на упаковке товара либо в инструкции по его применению. Лекарства, распространяемые по рецепту врача, требуют от него доведения соответствующей информации до пациента, чьи действия расцениваются как действия "информированного посредника" между производителем и потребителем [13, с. 85]. Врач, выписывая лекарство, обязан оценить свойства препарата и особенности здоровья пациента. Данные профессиональные обязанности врача формируют его юридический статус "информированного посредника". Врач, который нарушил обязанность по доведению до пациента необходимой информации о лекарстве либо не сообщил о его противопоказаниях, может быть привлечен к ответственности за проявленную небрежность. Так, в деле Klink v GD Searle £ Co [13], врач, действуя небрежно, не предупредил пациента о противопоказаниях, связанных с его применением. Суд признал его ответственным за причинение вреда пациенту, возникшего по причине потребления данного лекарственного средства. В английском праве на врача возлагаются аналогичные обязанности. В деле Dwight v Roderick and Jackson and Chemists Bonbury Ltd [14, с. 23] врач был привлечен к ответственности за выписанное

лекарство против мигрени, не предупредив пациента о том, что он не должен принимать лекарство в более высоких дозах. В результате небрежности врача у женщины началась гангрена ноги. Такой подход в определении ответственности врача обеспечивает защиту пациентам, в отношении которых есть все основания полагать, что применение ими лекарственного средства причинит вред их жизни и здоровью. Особого внимания заслуживает дело Kaiser v Suburban Transportation System [15, с. 32], рассмотренное судом штата Калифорния. Водитель автобуса заснул за рулем и в результате аварии был причинен вред жизни и здоровью пассажиров. Пассажиры предъявили иск к врачу, который прописал водителю Пирибензамин – препарат вызывающий сонливость, не предупредив об этом пациента (водителя). Производитель Пирибензамина не был признан ответственным перед пассажирами, так как он исполнил свою обязанность по информированию врача обо всех свойствах препарата, тем самым переложив на него ответственность за причиненный вред [16, с. 60].

Анализ доктрины «информированного посредника» в праве Англии и США позволяет сделать вывод о том, что разделение продуктов на те, которые опасны сами по себе, и те, которые создают опасность для потребителя при определенных условиях, имеет юридическое значение для привлечения производителя к ответственности за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя. Опасность (вредоносность) продукта воспринимается правом как его свойство, которое, с одной стороны, приобретает значение условия ответственности независимо от причины его возникновения в продукте, но с другой стороны, обязательное участие посредника в общей цепи распространения продукта среди потребителей исключает ответственность производителя за вред, причиненный товаром, только лишь на сновании наличия недостатка в товаре. В таком случае обязательным условием его ответственности является отсутствие у посредника информации о данном недостатке.

В некоторых случаях при наличии всех оснований к применению теории «информированного посредника» суды Англии и США ввели исключения в ее применении.

Первое исключение было применено американскими судами в процессе защиты участников программы иммунизации населения. Учитывая, что процесс массовой вакцинации дает определенные социальные преимущества, конкретные случаи, связанные с особенностями отдельных участников, заставили отказаться от сложившейся практики привлечения производителей лекарственных средств к ответственности за аналогичные случаи причинения вреда [17]. Данный подход нашел свое отражение и в праве Англии. Королевской Комиссией по гражданской ответственности и компенсации за вред (далее Комиссия), причиненный личности, было отмечено следующее: «несмотря на некоторые частные случаи причинения вреда в результате вакцинации, все дети должны быть привиты против детских инфекционных заболеваний, таких, в частности, как коклюш, так как целью проведения данной вакцинации является повышение уровня здоровья детского населения» [18, с. 66]. Кроме этого, Комиссия рекомендовала обеспечить компенсацию вреда детям, которым был причинен вред в результате введения вакцины. Выводы, сформулированные в итоговом протоколе деятельности комиссии, были положены в основу Vaccine Damage Payments Act [19]. Данный закон обеспечивает всем детям, ставшим инвалидами при вакцинации от закрепленного в законе перечня заболеваний, право на получение компенсации за причиненный вред здоровью. Данное право предоставлено и взрослому населению, но только в том случае, если вакцинация проводилась против развития эпидемии.

Практика применения данного нормативного акта свидетельствует об ограничительном толковании понятия врача в контексте применения Vaccine Damage Payments Act. В деле Devis v Wyets Laboratories истцу была сделана прививка от полиомиелита [20, с. 792]. Производитель вакцины был участником организации сообщества по иммунизации населения и знал, что прививки будут делаться не врачами. При данных обстоятельствах суд принял решение, в котором, давая оценку действиям производителя, указал, что последний должен был напрямую обеспечить пациентов информацией о возможных негативных последствиях. Аналогичное решение было принято по делу Reyes v Wyets Laboratories [20]. В деле Givens v. Laderle [21, с. 43] американские суды возложили ответственность на лицо, которое не являлось врачом, но занималось вакцинацией.

Американское право применительно к системе методов контрацепции также, как и к рецептурным лекарствам, применяло метод "информированного посредника". С 1970 года Американская ассоциация пищевой и медицинской промышленности (FDA) потребовала включать необходимую информацию о противопоказаниях применения оральных контрацептивов на упаковках. Новая система регулирования была введена FDA в 1985 году. В соответствии с новыми правилами производители оральных контрацептивов обязаны были обеспечивать каждую упаковку данных средств инструкцией с информацией, относящейся к данным медикаментам. В деле Lukaszewicz v Ortho Pharmaceuticals [22, с. 78] на средствах оральной контрацепции отсутствовала информация о противопоказаниях. В результате потребления данного препарата у пациентки наступил болевой шок. Суд посчитал, что производитель должен был напрямую информировать пациента о рисках, связанных с данными контрацептивами. В деле Stephense v G.D. Searle & Co [23, с. 21] пациентка также испытывала сильную боль и утверждала, что производитель контрацептивов нарушил свои обязанности по предупреждению пациента о возможных рисках применения данного препарата. В своем решении суд указал, что данные отношения между доктором и пациентом по консультированию отличались от стандартных отношений. В этих отношениях не был установлен диагноз, не давались медицинские рекомендации, но при этом принималось лекарство, выбранное пациенткой. Лечение в данном случае было избирательным, и роль доктора в выборе средства контрацепции была менее значимой в сравнении с выбором рецептурного препарата [23]. Однако если средства контрацепции выписываются пациенткам по рецепту как медикаментозное средство в процессе лечения соответствующего заболевания, суды применяли правило «информированного посредника».

Подводя итог, следует сделать следующие выводы. Правило «информированного посредника» является самостоятельным видом основания освобождения производителей от ответственности за вред, причиненный недостатками товаров, работ и услуг. Природа правила «информированного посредника» определена спецификой фармацевтической отрасли, а также медицинской практики, которые обусловливают необходимость в отступлении от условий привлечения к ответственности производителей лекарственных средств, продаваемых по рецепту.

Литература

1. URL: www.legislation.gov.uk
2. David G. Owen, John E. Montgomery, Mary J. Davis Products Liability and Safety. Case and Statutory Supplement. 2008.
3. Michael J.Wagner, Laura L. Peterson-The New Restatement of Torts – Shelter From the Product Liability Storm for Pharmaceutical Companies and Medical Device Manufactures? // Food and Drug Law Journal, 2000, vol. 53.
4. Jacob S. Ziegel New developments in International Commercial and Consumer Law-Oxford, 1998.
5. Otto baron van Wassenaer van Catvijck. Products liability in Europe // The American Journal of Comparative Law. Volume 34. №4.
6 Otto baron van Wassenaer van Catvijck. Products liability in Europe // The American Journal of Comparative Law. Volume 34. №4.
7. Jacob S. Ziegel New developments in International Commercial and Consumer Law-Oxford, 1998.
8 Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies. Volume 12. №1. 1992.
9. Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies. Volume 12. №1. 1992.
10. Derric Owles, Anthea Worsdall. Product liability casebook / Colchestor Lloyds of London Press Ltd.
11. Derrick Owels, Anthea Worsdall. Product liability casebook-Lloyds of London press Ltd 1984.
12. Richard Braddock, Economic impact of revised proposal // The law reform commission, product liability research paper. №2A June 1989.
13. Derrick Owels, Anthea Worsdall, Product liability casebook-Lloyds of London press Ltd 1984.

14. Product liability. The law reform commission // Research paper №34, August 1988.
15. Michael Wincup. Sales law and Product Liability. 1999.
16. Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies, Volume 12. №1. 1992.
17. URL:www.opsi.gov.uk
18. Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Jornal of Legal Studies. Volume 12. №1. 1992.
19. URL: www.ligislation.gov.uk
20. Otto baron van Wassenaer van Catvijck, Products liability in Europe // The American Jornal of Comparative Law. Volume 34. №4.
21. Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies. Volume 12. №1. 1992.
22 Derrick Owels, Anthea Worsdall, Product liability casebook-Lloyds of London press Ltd 1984.
23. Pamela R., Ferguson Liability for Pharmaceutical Products: a Critique of the Learned Intermediary Rule // Oxford Journal of Legal Studies. Volume 12. №1. 1992.

УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2015 г. А.А. Арзуманян

Ростовский государственный экономический университет «РИНХ»
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69

Rostov State University of Economics
69, B. Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344002

В статье дана оценка процессуальной форме административно-юрисдикционной деятельности как гаранта осуществления эффективной защиты и охраны прав и свобод участников процесса, обеспечивающего наиболее полное действие принципов права.

Ключевые слова: *административно-юрисдикционная деятельность, права, свобода, принцип права.*

The article assesses the procedural form of administrative and jurisdictional activity as the guarantor of the implementation of effective protection and protection of the rights and freedoms of participants in the process, which provides the most complete effect of the principles of law.

Keywords*: administrative and jurisdictional activity; rights; freedom; principles of law.*

Процессуальная форма гарантирует осуществление эффективной защиты и охраны прав и свобод участников процесса, обеспечивает наиболее полное действие принципов права. Без подчинения деятельности юрисдикционных органов установленному процессуальному порядку не может быть реализован принцип законности, а следовательно, не может быть правильного разрешения дела и защиты прав. Процессуальная форма способствует установлению объективной истины по делу и вынесению законных и обоснованных решений. При осуществлении юрисдикционных полномочий соблюдение процессуальной формы обязательно. Форма в данном случае рассматривается как неотъемлемый элемент юрисдикционной деятельности. Процессуальная форма играет существенную роль, определяя юридическую значимость всей юрисдикционной деятельности. Нарушение формы делает соответствующую деятельность юридически ничтожной и, с точки зрения законности, должна повлечь отмену решения, вынесенного с нарушением процессуальной формы.

Необходимо отметить, что понятие «форма» теоретиками трактуется как правовая конструкция упорядочивания деятельности и соответствующих документов. Она пред-

ставляет собой совокупность требований к действиям участников процесса, направленных на достижение конкретного результата [1, с. 441].

Существующая обширная научная литература определяет сущность и правовое значение процессуальной формы в различных аспектах.

Так, А.П. Шергин ставит знак равенства между такими категориями, как «состязательность» и «процессуальная форма». Ученый указывает, что установление и доказывание событий, их юридическая оценка осуществляются в рамках особой процессуальной формы. А ее особенность состоит в том, что, во-первых, весь процесс по рассмотрению дела и принятию решения в деталях регламентирован законом и, во-вторых, данный процесс предполагает не только активность соответствующего органа (должностного лица), рассматривающего дело, но и других его участников [2, с. 19].

В.А. Лория подтверждает наличие в административном процессе «самостоятельных процессуальных форм», обосновывая это тем, что правоприменительная деятельность судебных органов с точки зрения юридического процесса ничем не отличается от такой же деятельности органов управления, и усматривает особенности в различных формах индивидуальных дел, в различных процессуальных формах [3, с. 29].

Под административными процессуальными формами В.А. Лория понимает «внешнее проявление процессуальных действий, соответствующе урегулированной административно-процессуальным правом совокупности однородных фактических условий для совершения определенных административно-процессуальных действий» [4, с. 43]. Далее автор подчеркивает, что административно-процессуальные действия в административном процессе следует совершать в определенных процессуальных формах, то есть для совершения процессуальных действий необходимо соблюдать определенные законные условия внешнего проявления. Процессуальные действия выполняются субъектами процесса только в определенной, точно установленной последовательности (порядке), определяемой законодательством [4, с. 43-44].

Выражая несогласие с тем, что правомерно определять процессуальную форму как совокупность процессуальных правил или как совокупность закрепленных в процессуальном праве условий совершения процессуальных действий, или однородных процессуальных требований, закрепленных в процессуальном праве, В.А Лория аргументирует свою точку зрения тем, что «процессуальная форма как внешнее проявление процессуальных действий регулируется процессуальным правом. Однако нельзя отождествлять право, правила с теми действиями, которые регулируются правилами. Требования или условия, при соблюдении которых должны осуществляться процессуальные формы, являются процессуально-правовыми требованиями и относятся к нормам процессуального права. Эти требования являются элементами процессуальных норм, устанавливающих правила осуществления процессуальных форм. Административно-процессуальные формы относятся к фактической стороне осуществления административного процесса, являются фактами совершения определенных действий, связанных с рассмотрением и разрешением индивидуальных дел в сфере управления. Поэтому процессуальные формы являются предусмотренными административно-процессуальным правом возможными проявлениями процессуальных действий. Процессуальные формы всегда являются правовыми. Использование процессуальных форм с нарушением процессуального закона является правонарушением и вызывает соответствующие отрицательные результаты» [3, с. 44-45].

Специфическим для категории «форма», по мнению ряда авторов, является то, что форма отражает устойчивые связи между элементами, составляющими содержание; пронизывает как область внутреннего, так и область внешнего, как сущность, так и явление [4, с. 70-186]. По нашему мнению, определение сущностных особенностей административного расследования лежит в плоскости установления правовой природы данного процессуального явления, через такие категории, как «форма» и «содержание». Методологической основой в данном случае является положение о наличие в рамках административного процесса «самостоятельных процессуальных форм».

В соответствии с общей теорией права суть правового регулирования общественных отношений состоит в том, чтобы подчинить поведение субъектов регулируемых отношений воле государства, сориентировать это поведение в направлении, выгодном и угодном интересам государства и общества в целом. В этой связи весьма полезно вспомнить высказывание Цицерона, который изрек когда-то: «Мудрость закона в том,

что он велит поступать правильно» [5, с. 151]. Правильное, с точки зрения законодателя, поведение субъектов регулируемых правом отношений достигается путем наделения их соответствующими субъективными правами и юридическими обязанностями.

Субъективное право и юридическая обязанность представляют собой, как известно, меры (масштаб) соответственно возможного и должного поведения участников регулируемых правом отношений, меры, позволяющие определить, как, в каком направлении и в каких пределах субъекты этих отношений могут и должны действовать либо бездействовать, т.е. как они могут и должны относиться друг к другу. Данное обстоятельство, в свою очередь, означает, что сущность любого правоотношения, в том числе административно-процессуального, проявляется через такие категории, как субъективное право, юридическая обязанность, поведение (деятельность) участников правовых отношений.

В связи с этим возникает вопрос о соотношении субъективного права и юридической обязанности, с одной стороны, и поведения, т.е. деятельности субъектов правовых отношений, – с другой. Ответ на поставленный вопрос может быть получен, если правовое отношение рассматривать как явление правовой действительности, имеющее свою форму и содержание.

В юридической науке нет единства мнений по вопросу о том, что является формой и содержанием правового отношения. Одна группа ученых (например, О.С. Иоффе, Н.И. Авдеенко, Н.Б. Зейдер, О.В. Иванов, В.М. Семенов, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот, К.С. Юдельсон) в качестве содержания правоотношения, в том числе административно-процессуального, рассматривает субъективные права и юридические обязанности его участников. Иными словами, правоотношение = субъективное право + юридическая обязанность.

Другие ученые, представляющие разные отрасли юридической науки (например, М.М. Агарков, С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, С.Н. Братусь, М.А. Гурвич, И.А. Жеруолис, Р.Д. Рахунов, В.Н. Щеглов, Л.С. Явич), под содержанием правового отношения понимают деятельность его участников, т.е. поведение. Иными словами, правоотношение = поведение.

Наконец, третье мнение представляет собой комбинацию первых двух (например, Д.Р. Джалилов, В.П. Мозолин), потому что в качестве содержания правового отношения предлагается рассматривать как поведение, так и субъективные права, а также юридические обязанности его субъектов. Иными словами, правоотношение = поведение + субъективные права (юридические обязанности).

Таким образом, получается, что правоотношение имеет двойное содержание: поведение субъектов, их права и обязанности, что, в свою очередь, означает противопоставление одного другому. Пагубность такого противопоставления очевидна, ибо деятельность (поведение) субъектов урегулированных правом отношений приобретает юридический характер именно потому, что осуществляется в порядке реализации субъективных прав и (или) исполнения юридических обязанностей.

Другими словами, юридическое поведение субъектов правоотношения есть не что иное, как процесс и результат реализации ими субъективных прав и юридических обязанностей. В этой связи наиболее обоснованной представляется позиция тех ученых, которые под содержанием правового отношения понимают только поведение его участников.

Литература

1. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2000.
2. Шергин А.П. Административная юрисдикция. М., 1979.
3 Лория В.А. Административный процесс и его кодификация. Тбилиси, 1986.
4. Керимов Д.А. Методология права. М., 2001.
5. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
6. Шептулин А.П. Система категорий диалектики. М.: Наука, 1967.
7. Бочаров С.Н. Административная юрисдикция. М.: Щит-М, 2008.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.235.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СТРАНАХ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

© 2015 г. Н.В. Вуколова

Южный федеральный университет
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М.Горького, 88

Southern Federal University
88, M.Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007

В статье анализируется законодательство об экологических преступлениях стран постсоветского пространства, компенсация морального вреда от экологических преступлений в этих странах, высказывается мнение, в каком направлении должно идти развитие законодательства об экологических преступлениях.

Ключевые слова: *законодательство, экологические преступления, страны постсоветского пространства, компенсация морального вреда.*

The article analyses the laws on environmental crimes in post-Soviet countries, compensation of emotional distress, caused by environmental crimes in these countries; proposes the direction for improving the laws.

Keywords: *legislation, environmental crimes, post-Soviet countries, emotional distress damages.*

Экологические преступления представляют большую общественную опасность, поскольку способны причинить значительный вред окружающей природной среде, вызвать необратимые негативные последствия для всей экологической системы. Экологическая преступность в настоящее время характеризуется высокой латентностью, увеличением размеров причиняемого ущерба окружающей среде, жизни и здоровью населения [1].

На важность проблемы охраны окружающей среды указывает среди прочего то, что первым актом СНГ в 1992 г. был Договор о сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды и природопользования, согласно которому участники обязались обмениваться экологической информацией, предупреждать об аварийных выбросах и загрязнениях, оказывать помощь в ликвидации их последствий, восстановлении природы и рациональном использовании природных ресурсов [2].

В соответствии с межправительственным соглашением о взаимодействии стран СНГ в области экологии и охраны окружающей среды, в июле 1992 г. в Минске руководители природоохранных ведомств государств-участников подписали Протокол о создании и полномочиях межгосударственного экологического Совета, который утвердил перечень самых экологически уязвимых природных зон на территории СНГ: район Чернобыля, бассейны Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Приаралье, озера Балхаш и Байкал [3].

17 февраля 1996 года на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств (постановлением № 7-5) был принят Модельный Уголовный кодекс (с последующими изменениями). Раздел IX, как и глава 26 кодекса называется «Преступления против экологической безопасности и природной среды».

В главе 26 Модельного уголовного кодекса всего 18 составов экологических преступления (ст.216-233), в которых закреплены следующие уголовно-правовые деяния: нарушение правил экологической безопасности при производстве работ, искажение сведений о загрязнении окружающей среды, непринятие мер по ликвидации последствий экологического загрязнения, нарушение правил безопасности при обращении с экологически опасными веществами и отходами, нарушение правил безопасности при обраще-

нии с микробиологическими или другими агентами или токсинами, нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений, загрязнение вод, загрязнение атмосферы, загрязнение морской среды, порча земли, нарушение правил охраны и использования недр, незаконная добыча водных животных и растений, нарушение правил охраны рыбных запасов, незаконная охота, уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу, незаконная порубка деревьев и кустарников, уничтожение или повреждение лесов, нарушение режима особо охраняемых территорий и природных объектов [4]. Национальные уголовные кодексы по содержанию, в основном, соответствуют нормам Модельного уголовного кодекса. При этом ни Модельный уголовный кодекс, ни национальные уголовные кодексы почти всех стран постсоветского пространства не приводят понятия экологического преступления.

Исключением является Республика Беларусь, законодательно закрепившая понятие экологического преступления в примечании № 1 к главе 26 Уголовного кодекса, принятого 9 июля 1999 г., в соответствии с которым «преступлениями против экологической безопасности и природной среды признаются совершенные умышленно или по неосторожности общественно опасные деяния, причиняющие или могущие причинить вред земле, водам, недрам, лесам, животному и растительному миру, атмосфере и другим объектам, отнесенным к таковым законодательством об охране окружающей среде, независимо от форм собственности» [5].

Отсутствие понятия экологического вреда в УК других стран постсоветского пространства, а также неопределенность в определении размера причиненного такими преступлениями вреда нередко приводят к подмене на практике уголовной ответственности административной. Чтобы этого не происходило, полагаем необходимым закрепить понятие экологического преступления в уголовных кодексах всех стран постсоветского пространства, в том числе и в России. Также считаем, что развитие уголовно-экологического законодательства должно идти в направлении точного определения характера и степени, вида и размера вреда, причиненного экологическими преступлениями, его критериях и порядке компенсации.

Экологические преступления в уголовных кодексах стран СНГ, Балтии, как правило, систематизированы в рамках отдельных глав уголовных кодексов.

Так, например, экологические преступления в Республике Беларусь перечислены в главе 26, статьях 263–284 УК (всего 22 статьи).

В Уголовном кодексе Украины экологические преступления размещены в разделе 8, который называется «Преступления против окружающей среды», в статьях 236-254 УК (всего 21 состав преступлений) [6].

В главе 27 УК Республики Армения, которая называется «Преступления против безопасности окружающей среды», можно выделить 6 составов преступлений, посягающих на общую экологическую безопасность (ст. 281-285, 298), и 12 составов преступлений, посягающих на специальные виды экологической безопасности – отдельных компонентов окружающей среды, флоры и фауны как составной части окружающей среды (ст. 286-297) [7].

В главе 36 УК Грузии, озаглавленной «Преступления против правил охраны окружающей среды и пользования природными ресурсами», в статьях 287-306 (всего 2о статей) закреплены те же нормы, что и в Модельном уголовном кодексе. Но есть и статьи, каких нет в кодексах других стран постсоветского пространства – несоблюдение должностным лицом, которому это вменяется в обязанность, о сбросе в море вредных для здоровья человека или живых организмов моря веществ либо иных отходов или материалов (ст. 294), незаконное пользование недрами (ст.299) [8].

Уголовные кодексы Кыргызской Республики, Республики Молдова, Азербайджана, Грузии, Казахстана закрепляют те же нормы об экологических преступлениях, что и в Модельном уголовном кодексе. Вместе с тем, Уголовные кодексы Кыргызской Республики, Республики Молдова также содержат нормы, каких нет в уголовных кодексах других стран постсоветского пространства. Так, Уголовный кодекс Кыргызской Республики содержит норму об ответственности за сокрытие или искажение информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей [9], Уголовный кодекс Республики Молдова устанавливает уголовную ответственность должностного лица либо

лица, управляющего коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией, за умышленное сокрытие или предоставление недостоверных данных о загрязнении окружающей среды [10].

Отдельного внимания заслуживают нормы об экологических преступлениях стран Балтии. В УК Эстонской республики нет самостоятельной главы об экологических преступлениях, они размещены в главе 7, которая называется «Хозяйственные преступления». К экологическим преступлениям относятся 10 составов – нарушение требований охраны земли (ст. 1542 УК), нарушение требований охраны и использования недр (ст. 1543 УК), незаконная порубка леса и кустарников (ст. 155 УК), умышленное уничтожение или повреждение леса (ст. 1551 УК), уничтожение или повреждение леса по неосторожности (ст. 1552 УК), потрава посевов и повреждение насаждений (ст. 156 УК), незаконная охота, рыбная ловля либо незаконный сбор растений (ст. 157 УК), загрязнение, засорение, истощение водных объектов или загрязнение атмосферного воздуха (ст. 158 УК), истребление рыбных запасов (ст. 1581 УК), незаконная хозяйственная или исследовательская деятельность в экономической зоне (ст. 1583 УК) [11]. Таким образом, особенностями УК Эстонии является определение законодателем характера общественной опасности рассмотренных преступлений – в пределах реальной экономики.

В отличие от УК Эстонии, экологические преступления в Литовской республике закреплены в самостоятельной главе XXXVIII УК, которая называется «Преступления и уголовные проступки против окружающей среды и здоровья человека». По сравнению с УК Эстонии, в УК Литовской республики составов экологических преступлений меньше – всего 5: нарушение правил охраны окружающей среды либо использования природных ресурсов (ст. 270 УК), уничтожение и повреждение охраняемых территорий и объектов природы (ст. 271 УК), незаконная охота либо рыболовство (ст. 272 УК), незаконная порубка леса либо уничтожение болот (ст. 273 УК), незаконный сбор или уничтожение растений (ст. 274 УК). Отличительной особенностью УК Литовской республики является уголовная ответственность юридических лиц, предусмотренная ч. 3 ст. 270, ч.3 ст. 271, ч. 2 ст. 273 УК [12], а также наличие категории уголовного проступка.

Полагаем, что уголовное законодательство Литовской республики в части привлечения к уголовной ответственности юридических лиц, совершивших экологические преступления, необходимо использовать и в других странах постсоветского пространства, в том числе в России, где уже давно правоприменителями высказываются обоснованные мнения о необходимости введения уголовной ответственности юридических лиц за совершение экологических преступлений. Следственным комитетом РФ в марте 2011 года внесен законопроект о привлечении к уголовной ответственности юридических лиц, однако он до настоящего времени еще не рассмотрен [13].

В Латвийской республике экологические преступления систематизированы в главе 11, которая называется «Преступные деяния против природной среды» (ст. 96-114 УК), всего 19 статей. К ним относятся: нарушение правил ликвидации опасных отходов (ст. 98 УК), незаконное захоронение опасных веществ в водах и недрах земли (ст. 100 УК), эксплуатация объектов без очистных сооружений (ст. 104 УК), не проведение мероприятий по ликвидации загрязнения природной среды (ст. 105 УК), сокрытие данных о загрязнении природной среды (ст. 106 УК), поджог леса (ст. 107 УК), незаконные изготовление, приобретение, хранение, реализация, перевозка и пересылка электрических орудий лова (ст. 111 УК), проведение взрывных и других работ с нарушением правил охраны животных (ст. 113 УК) и др. [14].

Проанализировав составы экологических преступлений в уголовных кодексах стран постсоветского пространства, можно сделать вывод о том, что перечень соответствующих преступлений совпадает, что объясняется и общими истоками постсоветского уголовного законодательства, и непосредственным влиянием Модельного уголовного кодекса стран СНГ. Автор считает, что составы преступлений, предусмотренных ст. 105 УК Латвийской республики, ст. 237 УК Украины, которыми предусмотрена уголовная ответственность за непроведение или ненадлежащее проведение мероприятий, входящих в обязанности лица по ликвидации загрязнения природной среды или устранению других вредных последствий, а также несообщение о наступлении вредных последствий, заслуживают внимания других стран постсоветского пространства, в том числе и России, поскольку к уголовной ответственности необходимо не только привлекать лиц, совер-

шивших экологические преступления, но и в целях предотвращения экологических преступлений проводить мероприятия под угрозой уголовного наказания по устранению вредных последствий окружающей среде.

Необходимо остановиться также на проблеме компенсации морального вреда от экологических преступлений. В Республике Беларусь, Казахстане, помимо возмещения ущерба от преступления, законодательно закреплено право гражданина на компенсацию морального вреда от совершенного экологического преступления. Например, в ст. 14 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» закреплено положение о том, что моральный вред, причиненный гражданину нарушением его права на благоприятную окружающую среду, подлежит компенсации «в соответствии с законодательством Республики Беларусь» [15]. Согласно п. 6 ст. 321 Экологического кодекса Республики Казахстан, моральный вред, причиненный в результате нарушения экологического законодательства Республики Казахстан, подлежит возмещению «в порядке, установленном гражданским законодательством Республики Казахстан» [16].

К экологическим личным неимущественным правам человека относят право каждого на благоприятную окружающую среду, право каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды. К числу иных личных неимущественных прав и нематериальных благ человека, зависимых от состояния окружающей природной среды, относят: нематериальные блага человека, определяемые состоянием окружающей природной среды, – жизнь, здоровье; личные неимущественные права человека, осуществление которых зависимо от состояния окружающей природной среды, – право на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства; личные неимущественные права каждого, служащие охране личных нематериальных благ человека, определяемых состоянием окружающей природной среды, – право на жизнь, право на здоровье [17, с. 12-17].

Компенсация морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями, в странах постсоветского пространства может быть произведена как в добровольном, так и в судебном порядке. Для оценки его размера с требованиями разумности и справедливости, соразмерности суммы компенсации причиненного морального вреда суд оценивает в совокупности: характер и степень причиненных потерпевшему физических и (или) нравственных страданий, степень вины правонарушителя, иные заслуживающие внимания обстоятельства. В качестве иных заслуживающих внимания обстоятельств суды учитывают, к примеру, местные условия, длящийся характер экологического правонарушения и физических и (или) нравственных страданий, количество нарушенных нематериальных ценностей.

Применительно к компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями, денежная форма компенсации является универсальной, но не единственно возможной. Иные материальные формы (предоставление жилого помещения в экологически благополучной местности, санаторно-курортное лечение, предоставление специального питания, восстановление испорченного ландшафта местности и т.д.) видятся в ряде случаев предпочтительными.

Подводя итог, подчеркнем, что развитие законодательства об экологических преступлениях должно идти в направлении определения характера и степени, вида и размера вреда, причиненного преступлением, его критериях и порядке компенсации, что положения, относящиеся к возмещению вреда, причиненного преступлением, должны быть закреплены в уголовных кодексах.

Литература

1. URL: http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=3624
2. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 6.
3. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ «Содружество». 1992. № 8.
4. Модельный Уголовный кодекс (с изменениями на 16 ноября 2006 года). Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. (изм.) // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2011. № 140. 2/1877.

6. Уголовный кодекс Украины (с изм. и доп. по состоянию на 14 октября 2014 г.) // URL: http:// meget/kiev.ua.

7. Уголовный кодекс Республики Армения // URL:http://www. Law. Edu. ru/ norm/ norm.asp.normID=1241378.

8. Уголовный кодекс Грузии // URL:http://www. Law. Edu. ru/ norm/ norm.asp.normID=1241370.

9. Уголовный кодекс Кыргызской Республики // URL: http://www.law.edu.ru/ norm/norm.asp.normID=1243545.

10. Уголовный кодекс Республики Молдова // URL: http://www.law.edu.ru/ norm/norm.asp.normID=1241144.

11. Уголовный кодекс Эстонии. Вступил в силу 1 сентября 2002 года // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki.

12. Уголовный кодекс Литовской Республики: Утвержден 26 сентября 2000 года законом № VIII-1968 // URL:http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877].

13. Российская газета № 5436 (60) за 23 марта 2011 года.

14. Уголовный кодекс Латвийской Республики: Принят 8 июля 1998 года; Введен в действие с 1 апреля 1999 года // URL: http://law.edu. ru/normID= 1243424.

15. Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. N 1982-XII «Об охране окружающей среды» // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1827.

16. Экологический кодекс Республики Казахстан от 9 января 2007 г. N 212-III-ЗРК. // URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=15027.

17. Князькин А.Д. Особенности компенсации морального вреда, причиненного экологическими правонарушениями // Экологическое право. 2013. N 4.

УДК 343.3

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С ОТМЫВАНИЕМ И НЕЗАКОННЫМ ВЫВОДОМ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЗА РУБЕЖ (НА ПРИМЕРЕ КНР)

© 2015 г. М.В. Казанин

Комитета Совета Федерации
по международным делам
103426, г. Москва,
ул. Б. Дмитровка, 26

The Council of Federation Committee
for Foreign Affairs
26, Dmitrovka,
Moscow, 103426

В статье рассматриваются три этапа процесса борьбы с незаконным переводом денежных средств за рубеж в Китайской Народной Республике. Автор делает вывод, что проблема вывода капиталов за рубеж чрезвычайно актуальна и для России, некоторые из представленных в статье действий китайских органов власти могут быть применены российскими службами для решения аналогичной задачи.

Ключевые слова: *КНР, незаконный вывод денежных средств, банковские переводы, финансирование терроризма, специальные службы.*

The article considers three stages of the struggle against illegal money withdrawal from China. The author points out that the problem of withdrawal of capital abroad is extremely topical for Russia. Some of the actions of the Chinese authorities, which presented in the article, can be used by the Russian services to challenge a similar problem.

Keywords: *PRC, illegal withdrawal of funds, bank transfers, financing of terrorism, special services.*

По оценкам Международного валютного фонда и Всемирного банка в период с 2000 по 2011 гг. за переделы КНР было выведено от 2,83 до 3,79 трлн.долл. США. По оценкам аналитиков из Global Financial Integrity Group только за 2011 г. было «отмыто» 602,9 млрд.долл.США, поступивших из КНР.

Процесс перевода денежных средств из КНР за рубеж начался в 90-е гг. XX в., когда, по разным подсчетам, от 16 000 до 18 000 сотрудников государственных органов и представителей крупного бизнеса получили возможность выезда за границу. В тот период китайский банковский сектор практически не ограничивал размеры снятия наличных со счетов посредством пластиковых карт. Как считают аналитики Народного банка Китая (НБК), наиболее часто капиталы оседают в Австралии, Канаде, США, Голландии, на Каймановых и Бермудских островах, а для сокрытия переводов используются банки Восточной Европы и африканского континента. Одновременно с изощренными схемами банковских переводов граждане КНР регулярно перевозят в вышеуказанные страны значительные суммы незадекларированной валюты.

По материалам открытых публикаций представляется возможным выделить три этапа в процессе формирования в КНР комплекса мер в борьбе с отмыванием денежных средств и их выводом за рубеж.

Первый этап. В период с 1997 по 2006 гг. были внесены поправки в Уголовный кодекс КНР, опубликованы правила информирования государственных органов о значительных переводах денежных средств на «подозрительные» счета, создано управление финансовой разведки НБК. В составе данного управления НБК сформированы два подразделения для ведения постоянной работы с финансовыми организациями и координации действий специальных служб: Бюро по борьбе с отмыванием денежных средств (координирующий орган) и Центр наблюдения и анализа эффективности мер по борьбе с отмыванием денег (информационно-аналитический орган).

С 2003 года КНР является членом такой международной организации, как «Группа по разработке финансовых мер по борьбе с отмыванием денег» (английская аббревиа-

тура ФАТФ), членом Евразийской группы и членом Азиатско-тихоокеанской группы по борьбе с отмыванием денежных средств.

Второй этап. В период с 2006 по 2007 гг. были опубликованы правила о сохранении данных физических и юридических лиц, совершающих транзакции значительных сумм на «подозрительные» счета, принят закон «О борьбе с отмыванием денежных средств», который позволяет силовым ведомствам проверять деятельность не только банковского сектора, но и страховых, а также инвестиционно-паевых компаний КНР и обязывает данные компании сохранять данные о клиентах.

Третий этап. В период с 2007 по настоящее время осуществляется расширение зоны деятельности специально созданных структур по контролю финансовых операций некоммерческих организаций. Сформированы следующие координирующие органы: Комиссия по регулированию банковской деятельности, Комиссия по регулированию страховых рисков, Комиссия по регулированию страховой деятельности и Государственное управление по обмену валюты [1].

Следует отметить, что создание Комиссии по регулированию страховой деятельности было инициативой двух ведущих страховых компаний в КНР – «Sunshine Insurance Group» и «Anbang Property& Casualty Insurance Company», которые обратились в рабочий комитет по юридическим вопросам Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) с просьбой о формировании органа, наделенного полномочиями для проверки страховых случаев с гражданами Тайваня, выпиской страховых полисов в иностранной валюте на сумму более 31 700 долл. США, а также страховых полисов, выписанных в Макао и Гонконге. Китайские специалисты полагают, что мошеннические действия со страховками могут использоваться не только для отмывания денег, но и для финансирования коррупционных схем [2].

Нормативно-правовую базу борьбы с отмыванием денежных средств и финансированием террористической деятельности в КНР составляют следующие акты:

– статьи 191 – Отмывание денежных средств (санкция – лишение свободы на срок от 5 до 10 лет), 312 – Отмывание денежных средств с целью финансирования преступной деятельности (санкция – лишение свободы на срок от 3 до 7 лет с конфискацией имущества), 349 – Отмывание денежных средств, полученных от торговли наркотическими веществами, организации проституции и незаконного игорного бизнеса (санкция – лишение свободы на срок от 3 до 10 лет с конфискацией имущества) Уголовного кодекса КНР;

– Закон КНР «О борьбе с отмыванием денежных средств», принят на 24-ом заседании Постоянного Комитета (ПК) ВСНП 10-ого созыва 31.10.2006, вступил в силу 01.01.2007 г.;

– «Решение об усилении антитеррористической работы» от 25.10.2011, принятое на заседании ПК ВСНП. Данный документ разработан специалистами юридического департамента Госсовета КНР, Министерства общественной безопасности (МОБ), Министерства государственной безопасности (МГБ), НБК и рабочего комитета по юридическим вопросам ВСНП. В «Решении» даны определения: «террористическая деятельность», «террористические организации», «террорист».

На основании вышеуказанных нормативных актов сформулированы «Мероприятия по замораживанию активов террористической деятельности». В соответствии с данным документом НБК, МОБ и МГБ КНР определены порядок блокирования банковских счетов, условия согласно которых активы (имущество) могут быть заморожены (конфискованы) без решения суда и переданы в распоряжение государственных органов, а также установлен 30-ти дневный срок замораживания банковских активов до решения суда.

Согласно «Правил Народного Банка Китая о замораживании переводов денежных средств» коммерческие и некоммерческие организации в случае самостоятельного (или по информации от МОБ КНР) обнаружения случаев прямого или косвенного финансирования террористической, экстремистской или сепаратистской деятельности обязаны заблокировать все транзакции по корреспондентским счетам незамедлительно. При обнаружении подобных случаев следует сообщить в МОБ, МГБ и Департамент Госсовета по борьбе с отмыванием денежных средств. Блокировка сберегательных счетов физических лиц возможна только по решению суда, а для блокировки счетов нерезидентов КНР требуется разрешение Министерства иностранных дел КНР. Поводом к блокировке транзак-

ции могут служить «достаточные» подозрения сотрудников финансовых учреждений, разблокирование счетов возможно только по решению МОБ КНР.

Данные правила, прежде всего, направлены на недопущение финансирования сепаратистской и террористической деятельности, которую ведут Организация освобождения Восточного Туркестана, Новостной информационный центр Восточного Туркестана, исламский спорт Восточного Туркестана, Всемирный уйгурский конгресс и ряд лиц, которые упоминаются в списках МОБ КНР.

Кроме вышеуказанных правил, в 2006–2007 гг. Народный банк Китая издал три приказа:

– № 56 от 14.11.2006 «Об исполнении Закона о борьбе с отмыванием денежных средств»;

– № 1 от 01.06.2007 «О способах информирования финансовых организаций в случае проведения подозрительных транзакций»;

– № 2 от 21.06.2007 «О сохранении данных клиентов и организаций, участвующих в подозрительных переводах денежных средств» [3].

По мнению китайских и западных специалистов, система борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма в КНР включает три направления:

– ежедневный мониторинг информации по обслуживаемым и вновь привлекаемым клиентам банков и некоммерческих организаций силами сотрудников операционных офисов;

– постоянные проверки эффективности действий персонала операционных офисов при работе с транзакциями «подозрительного» характерами и при реагировании на жалобы от клиентов с «подозрительными» счетами;

– внутренний и внешний аудит действий сотрудников операционных офисов и отделов по борьбе с нелегальными доходами в банках и некоммерческих организациях.

В настоящее время одним из самых популярных способов отмывания финансов в КНР является использование национальной платежной системы «Юнион Пэй». В 2003 г. лимит снятия денежных средств со счетов посредством дебетовых карт «Юнион Пэй» составлял 1 660 млн.долл. США, в 2007 г. планка была снижена до 830 000 тыс. долл. США, а с 2012 г. был установлен лимит в 166 000 долл. США Лимит снятия денежных средств вполне понятен, ведь в настоящее время в обороте находятся 3,53 трлн. карт системы «Юнион Пэй», что составляет 25% от общего числа пластиковых карт (лидером является система «Виза» с 4,6 трлн. карт).

Наиболее активно борьба с отмыванием денег ведется в особом административном районе Макао (Аомэнь), именно здесь была разработана и до сих пор применяется следующая схема снятия средств и вывода их за пределы КНР [4]. Гражданин КНР, располагающий счетом в любом из 85 коммерческих банков Китая, к которому привязана дебетовая карта системы «Юнион Пэй», после предъявления карты в ювелирном магазине может обналичить сумму в 38 600 долл. США, что превышает ежедневный лимит в 3 200 долл.США. Получатель наличных денег – предъявитель карты подписывает кассовый чек с формулировкой «на общие расходы» и в ближайшем казино получает наличные средства. Исключение из финансовой системы Макао данной платежной системы представляется невозможным, так как легальный игорный бизнес (35 казино) выплачивает 40% налогов государству, за 2013 год в казну КНР было перечислено 18,08 млрд долл. США, что на 19% больше, чем в 2012 году. В некоторых казино Макао входной билет стоит 1 миллион юаней, что составляет около 166 000 долл.США [5].

В рамках оперативных мероприятий, проводимых сотрудниками МОБ, МГБ, НБК и МИД Китая, установлено, что управляющая компания Sociedade de Jogos de Macau S.A. регулярно выводила средства на счета своих руководителей путем выписки банковских чеков. В данную схему были вовлечены такие банки, как: HSBC, Wing Lung Bank. По подсчетам следователей через пять счетов, оформленных на гражданина КНР Каросна Юнга, было проведено транзакций на 91,5 млн. долл. США, за что он получил комиссию в размере 274 451 долл. США.

Из открытых источников известно, что некоторые граждане КНР посредством сотен открытых счетов (и множества переводов небольших сумм) в различных банках, зарегистрированных в Гонконге и Макао, нелегально выводили от 800 млн.долл.США до 1,7 млрд. долл. США ежегодно. По мнению профессора Политехнического университета

Макао Там Чи Кеонга, ежегодно только через Макао отмывается около 202 млрд. долл. США.

Для координации деятельности специальных служб в Макао создана Служба Финансовой разведки, которая тесно взаимодействует с Финансовым агентством г. Макао. В результате совместной работы этих служб с представителями «Юнион Пэй» была установлена планка в 166 000 долл.США ежедневного снятия наличных денег со счета и создана система, отслеживающая многократные поступления и снятия денежных средств. Благодаря данной системе удается вычислить «нечистых на руку» бизнесменов, которые скрывают свои налоги, но при этом не могут скрыть выплаты в казино Макао.

Особый административный район Гонконг – территория, где также через казино, ювелирные магазины, банки и другие организации происходит процесс «отмывания» денежных средств. Единственные легальные виды игорного бизнеса в Гонконге это ставки на скачках, лотерея, ставки на спортивные состязания, которые проводятся через такую некоммерческую организацию, как Гонконгский клуб жокеев (Клуб). Группа претензионной работы Клуба взаимодействует с силовыми ведомствами и их специальными подразделениями в Гонконге с целью борьбы с нелегальными казино, а также с такими правонарушениями, как шантаж, вымогательство, мошенничество, организация проституции и торговля наркотиками [6].

Основным координационным органом по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма в этом особом административном районе является Финансовое агентство Гонконга (ФАГ). Данная организация осуществляет обмен данными с Государственным департаментом США по вопросу о подозрительных банковских переводах, совершаемых со счетами граждан/организаций – резидентов КНР в банках США [7].

По данным СМИ, в 2013 г. силами Объединенного отдела финансовой разведки Полицейского управления по г. Гонконг зафиксировано 32 907 случаев подозрительных транзакций. Вынесено 172 приговора частным лицам и организациям. Осуждено на различные тюремные сроки 140 граждан КНР. Для сравнения: в 2012 г. было зафиксировано 23 282 случая подозрительных транзакций, осуждено 166 граждан.

В ходе оперативных мероприятий установлено, что для отмывания денежных средств на территории Макао и Гонконга используются офисы и банкоматы Standart Chartered, Hang Seng Bank, Chiyu Bank (дочернее подразделение НБК), Hua Nan Bank, National Commercial Bank, Hua Chiao Commercial Bank, First Commercial Bank, Dao Heng Bank, Bank of East Asia [8].

Кроме исконно китайских капиталов, через финансовые организации Гонконга и Макао отмываются деньги, которые Корейская народно-демократическая республика получает от торговли оружием и наркотиками. Данная деятельность находится под пристальным вниманием представителей американских финансовых специальных служб.

Киран МакКарти, аналитик компании KPMG, считает, что отмывание денежных средств через Гонконг негативно влияет на экономику КНР, в целом, и на привлекательность Гонконга как безопасной финансовой гавани для иностранных компаний. Меры, предпринимаемые ФАГ, усложняют деятельность организаций, занимающихся выводом капиталов из КНР, что приводит к снижению объема утечки финансовых средств, но и одновременно способствует созданию более изощренных схем по их выводу за пределы Китая [9].

Проблема вывода капиталов за рубеж чрезвычайно актуальна и для России, полагаем, что некоторые из представленных в статье решений и действий китайских органов власти могут быть использованы и российскими службами для обеспечения национальной безопасности.

Литература и источники

1. China Issues Rules to Fight Terrorist Financing // FOXNEWS.com URL.: http://www.foxnews.com/story/2007/06/11/china-issues-rules-to-fight-terrorist-financing/

2. China's Insurance Industry Anti-money Laundering Compliance Requirements // King & Wood Mallesons - the global law firm headquartered in Asia. URL: http://www.mallesons.com/publications/marketAlerts/2012/insurance-and-reinsurance-update-november-2012/Pages/Chinas-Insurance-Industry-Anti-money-Laundering-Compliance-Requirements.aspx

3. Hong Kong nets only small fry for laundering illegal Chinese money // The Reuters.com URL.: http://www.reuters.com/article/2013/04/07/us-hongkong-laundering-idUSBRE9360CH20130407

4. US Senate hearing: Macau gaming system poses money-laundering concerns Macau Daily Times // URL: http://www.macaudailytimes.com.mo/macau/45346-us-senate-hearing-macau-gaming-system-poses-money-laundering-concerns.html

5. Growing numbers of Chinese are using the country's state-backed bankcards to illegally spirit billions of dollars abroad. The Business Insider // URL: http://www.businessinsider.com/r-special-report-how-chinas-official-bank-card-is-used-to-smuggle-money-2014-11

6. China's Corruption Crackdown Is Forcing Macau To Overhaul Its Business Model. The Business Insider // URL: http://www.businessinsider.com/macau-changing-to-chinas-corruption-crackdown-2013-11

7.HONG KONG. ANTI-MONEY LAUNDERING // URL:http://www.knowyourcountry.com/hongkong2.html

8. Hong Kong banking regulator beefs up anti-money laundering push // URL: http://www.reuters.com/article/2013/04/25/hongkong-moneylaundering-hkma-idUSL3N0D6E5520130425

9. Hong Kong to tighten anti-money-laundering rules // South China Morning Post. URL: http://www.scmp.com/business/economy/article/1431745/hong-kong-tighten-anti-money-laundering-rules

КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 351/354

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

© 2015 г. Ю.Л. Шепелева, С.Н. Волочай

Институт повышения квалификации Академии Следственного комитета Российской Федерации 344064 г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, 3в

Professional Development Institute of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation 3v, Volokolamskaya str., Rostov-on-Don, 344064

Статья посвящена проблемам противодействия коррупции на современном этапе развития российского общества. Авторами анализируются специфика явления коррупции в России, ее причины и основные стратегии преодоления.

Ключевые слова: *коррупция, национальная безопасность, правовое государство, гражданское общество, общественное сознание, органы государственной власти, транспарентность.*

The article considers the issues of counteraction to corruption at the current stage of the development of Russian society. The authors analyze the features of corruption in Russia, its main causes and anti-corruption strategies.

Keywords: *corruption, national security, law-governed state, civil society, public conscience, public authorities, transparency.*

Борьба с коррупцией в настоящее время является одной из приоритетных задач российского государства. В последнее время практически любой документ, характеризующий социально-экономическую или политическую ситуацию в стране либо положение дел в сфере борьбы с преступностью, не обходится без упоминания о коррупции. При этом коррупция рассматривается как системное явление, то есть признается тот факт, что коррупция не просто распространена, но и воспроизводится в различных звеньях государственного аппарата и общества.

По данным Следственного комитета Российской Федерации за период январь-декабрь 2014г., следователями СК России окончено 13006 уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности [1]. При этом расследование преступлений коррупционной направленности осложняется рядом факторов. Так, В.Г. Стаценко указывает на то, что «сложности в расследовании данной категории преступных деяний во многом обусловлены спецификой субъекта преступления. Практические работники отмечают, что следственная ситуация значительно осложняется также в случае привлечения к ответственности не только самих коррумпированных должностных лиц, для чего существует масса законодательных «преград», но и людей, к ним приближенных, то есть имеющих коррупционные связи в государственных структурах» [2, с. 187-192].

Ю.Б. Самойлова отмечает, что «большая часть преступлений коррупционной направленности совершается организованными преступными группами и сообществами, иерархически структурированными, со строго распределенными ролями и функциями» [3, с. 183-187].

При этом не стоит забывать о том, что коррупционные преступления зачастую характеризуются латентностью, что обусловлено не только внешней скрытностью поведения, но и согласием потерпевшего.

Все это говорит о сложности явления коррупции и необходимости его комплексного исследования.

Для борьбы с коррупцией наше государство активно использует нормативно-правовое регулирование. В стратегии национальной безопасности Российской Федера-

ции до 2020 года [4] в качестве основного направления обеспечения государственной и общественной безопасности указано совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с коррупцией. В соответствии с п.1 ч.1 ст. Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ "О противодействии коррупции" разрабатываются и утверждаются национальные планы противодействия коррупции. В целях реализации государственной политики по противодействию коррупции в 2013 году Указом Президента РФ образовано Управление Президента РФ по вопросам противодействия коррупции. В соответствии с Национальным планом противодействия коррупции на 2014-2015 годы ужесточаются требования к представлению государственными служащими сведений о доходах и расходах, кроме того ряду министерств и ведомств даны поручения о производстве отдельных мероприятий по противодействию коррупции. При этом уделяется внимание профилактической работе среди государственных служащих по вопросам реализации антикоррупционного законодательства.

Однако нормативно-правовое регулирование, на наш взгляд, не может в полной мере обеспечить выполнение поставленной задачи по противодействию коррупции. Поскольку коррупция – явление комплексное, то для эффективной борьбы с ней необходим комплекс мер, в том числе и социального характера.

Поскольку Российская Федерация ставит перед собой цель построения правового государства и гражданского общества, противодействие коррупции невозможно без вовлечения эффективного общественного контроля, активного гражданского участия в борьбе с коррупцией.

Так, в настоящее время действуют общественные организации, такие как «Российский союз промышленников и предпринимателей», «Опора России», «Деловая Россия», «Общественный антикоррупционный комитет», «Национальный антикоррупционный комитет» и другие. Однако об эффективности деятельности этих организаций говорить пока рано. В большинстве случаев их функции сводятся к консультированию по защите от фактов коррупции, а также помощи в инициировании возбуждения уголовных дел в случаях совершения коррупционных преступлений.

Целям усиления общественного контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства призван служить законопроект, подготовленный Управлением Президента России по вопросам противодействия коррупции, предусматривающий выплату вознаграждения за сообщение о фактах коррупции, если это позволило сохранить или вернуть бюджетные средства. О том, что данный законопроект будет внесен в Госдуму, сообщил замначальника Управления Валентин Михайлов [5]. Указанный документ предусматривает компенсацию в размере от 5 до 15% от суммы взятки коммерческого подкупа или незаконно перемещенных денежных средств.

На наш взгляд, разработка данного законопроекта свидетельствует о том, что государство обратило внимание на один из самых существенных факторов по борьбе с коррупцией – формирование антикоррупционного общественного сознания. В настоящее время как нормативно-правовая база в сфере противодействия коррупции, так и научные исследования в данной области направлены в основном на борьбу с взяткополучателями – то есть должностными лицами, которые получают вознаграждение за действие (бездействие) в интересах определенного лица (группы лиц) либо организации.

Взяткодатели при этом нечасто попадают в поле зрения как законодателя, так и исследователей. Безусловно, ст. 291 УК РФ предусмотрена ответственность за дачу взятки, однако программные документы ориентированы на борьбу с коррупцией непосредственно среди государственных служащих и не содержат положений, ориентированных на формирование в общественном сознании отрицательного отношения к коррупции как к социальному явлению, что является ключевым фактором на пути к преодолению коррупции.

Необходимо отметить, что у большей части населения страны исторически сложился стереотип коррупции как этически приемлемой формы разрешения личных проблем [6, с. 101-104]. По данным фонда «Общественное мнение» на январь 2015г., две трети россиян – 66% – оценивают уровень коррупции в стране как высокий, это на 14 пунктов ниже показателя марта 2012 года. Значительно реже люди стали говорить, что коррупция растет, и чаще – что ее уровень не меняется. Осуждают тех, кто берет взятки, 61% россиян (в марте 2012 года этот показатель составлял 67%), 29% относятся к

ним без осуждения. Тех, кто дает взятки, осуждают 42%, не осуждают 45% наших сограждан. Признали, что сами давали взятку должностному лицу, 23% опрошенных [7].

Указанные данные свидетельствуют о деформированности общественного сознания, и основными причинами, способствующими этому, являются:

1) низкая правовая культура населения;
2) отсутствие развитых институтов гражданского общества;
3) состояние общественной морали, насаждение новых нравственных ценностей, центральное место среди которых занимает культ личного преуспевания и обогащения, а деньги являются мерилом и эквивалентом жизненного благополучия;
4) низкий уровень транспарентности органов государственной власти.

Низкая правовая культура граждан влечет за собой незнание своих законных прав и неспособность их защищать, что дает почву для коррупционных отношений с представителями органов власти.

О неразвитости институтов гражданского общества свидетельствует низкая гражданская активность населения, отсутствие реальных инструментов влияния у общественных организаций, невысокая роль политических партий и доминирование исполнительных органов государственной власти.

Что касается нравственных ценностей российского общества, то истоки этой проблемы следует искать в переходном периоде, связанном с распадом СССР и суверенизацией России (1991г.). В 90-е годы шел интенсивный процесс расслоения общества на «богатых» и «бедных», переход государственной собственности в частную осуществлялся зачастую неправомерными способами, а вновь созданные коммерческие структуры объединялись с организованными преступными группами, преследуя только корыстные цели. Рыночные отношения формировались стихийно и характеризовались абсолютной незащищенностью участников рынка. За время проведения рыночных реформ коррупционная преступность в России возросла более чем в три раза [8, с. 7]. В результате сформировалось целое поколение российских граждан, для которых личное обогащение является мерилом успеха и состоятельности в жизни.

Низкий уровень транспарентности и коррупция – явления взаимосвязанные, так как одна из основных причин закрытости власти – коррумпированность сотрудников государственных структур. Открытость, прозрачность и доступность (как элементы транспарентности) деятельности органов власти различных стран являются важнейшими показателями эффективности их функционирования [9, с. 126-128]. Закрытость власти, отсутствие информации о деятельности тех или иных государственных структур лишают население возможности реализации положений ч. 4 ст. 29, ст.24 Конституции РФ, закрепляющих право российских граждан свободно искать и получать информацию любым законным способом, а также обязанность органов государственной власти и органов местного самоуправления и их должностных лиц обеспечивать каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и интересы.

Таким образом, деформация общественного сознания является одним из факторов, определяющих уровень коррупции, и недооценивать его роль нельзя. Борьба с коррупцией, на наш взгляд, не будет успешной до тех пор, пока не поменяется отношение общества к данному явлению. Антикоррупционное законодательство, структуры по борьбе с коррупцией в составе органов государственной власти, национальные проекты, общественные организации – это весомый шаг к искоренению коррупции, однако существование устойчивых стереотипов в общественном сознании существенно снижает эффективность этих мер.

Коррупция серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики. Она вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

В числе основных стратегий противодействия коррупции должна выступать стратегия устранения условий коррупции, которая в целом замыкается не на коррупционере, а ориентирована на ликвидацию стимулов к совершению коррупционных преступлений,

в том числе на формирование высокого уровня общественного сознания, правовой культуры и нравственных ценностей в российском обществе.

Литература

1. Сведения о деятельности Следственного комитета Российской Федерации за январь - декабрь 2014 года // Следственный комитет Российской Федерации. URL: http://sledcom.ru/activities/statistic (дата обращения: 25.05.2015).
2. Стаценко В.Г. Особенности расследования уголовных дел о коррупционных преступлениях // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / под ред. Т.Б.Басовой, К.А.Волкова. "Юрист", 2013.
3. Самойлова Ю.Б. К вопросу о реализации прав участников уголовного судопроизводства со строны защиты при производстве экспертизы по уголовным делам о коррупционных преступлениях // Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / под ред. Т.Б.Басовой, К.А.Волкова. "Юрист", 2013.
4. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 (ред. от 01.07.2014) "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года" // СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: локальный. Дата обновления: 27.05.2015.
5. Путин внесет законопроект о вознаграждении за сообщение о коррупции // Деловая газета «Взгляд». URL: http://www.vz.ru/news/2015/5/19/746128.html (дата обращения: 25.05.2015).
6. Юрьев В.М., Юхачев С.П. Коррупция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. №4. 2008.
7. Коррупция и взяточничество в России [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». URL: http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912 (дата обращения: 25.05.2015).
8. Карабанов А.Л., Мелькин С.К. Современные проблемы противодействия коррупции: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М.: ВолтерсКлувер, 2010.
9. Тованчова Е.Н., Шепелева Ю.Л. Почему власть в России закрыта? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3/1.

КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.98

СЛЕДСТВЕННАЯ СИТУАЦИЯ. ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© 2015 г. О.А. Луценко, В.З. Ткаченко

Южный федеральный университет
344007, г. Ростов-на-Дону,
ул. М.Горького, 88

Southern Federal University
88, M.Gorkogo St., Rostov-on-Don,
344007

В статье рассматривается сущность следственной ситуации, ее значение, а также объективные и субъективные факторы, которые формируют условия, совокупность которых составляет следственную ситуацию. Следственная ситуация понимается как та обстановка, в которой протекает процесс доказывания в определенный момент расследование преступления.

Ключевые слова: *следственная ситуация, следственная тактика, процесс расследования, следственная работа, расследование преступления*

The article studies the essence of an investigative situation, its value, and also objective and subjective factors which create conditions which totality makes an investigative situation. The investigative situation is understood as the situation in which proof process at some point investigation of a crime proceeds.

Keywords*: investigative situation, investigative tactics, investigation process, investigative work, investigation of a crime.*

Практически все базовые основополагающие понятия и рекомендации в тактике расследования учитывают состояние следственной ситуации в определенный момент следствия. Более того, выбор направления и акцентов расследования, определение объема, последовательности и тактики отдельных следственных действий определяется следственной ситуацией. Ситуационной деятельностью назвал профессор О.Я. Баев всю тактическую деятельность по исследованию преступлений [1, с. 196] (почему-то был употреблен именно криминологический термин «исследование преступлений»). Действительно, тактические средства, как правило, разрабатываются применительно к конкретным следственным ситуациям. Более того, учение о следственной ситуации лежит в основе многих отраслей знаний, теорий и направлений в криминалистике. Одним из таких направлений считается криминалистическая ситуалогия, разрабатывающая методику диагностики и управления ситуациями на основе описания и объяснения их возникновения и формирования.

Наиболее емкое определение следственной ситуации было сформулировано Р.С. Белкиным. Ее предложено понимать как «совокупность условий, в которых в данный момент осуществляется расследование, т. е. та обстановка, в которой протекает процесс доказывания» [2, с. 135].

Пожалуй, в силу своей исключительной важности, следственная ситуация рассматривается во многих трудах отечественных криминалистов. Наиболее интенсивно это ключевое понятие криминалистики стало разрабатываться с 60-70-х годов прошлого века. Отметим труды тех лет Белкина Р.С., Васильева А.Н., Гавло В.К. Герасимова И.Ф., Драпкина Л.Я., Колесниченко А.Н., Лузгина И.М., Образцова В.А., Ратинова А.Р., Самыгина Л.Д., Селиванова Л.Я., Турчина Д.А., Шиканова В.И., Якубовича Н.А. и др.

Отметим, что в литературе встречается взгляд на следственную ситуацию, как на некую «модель типичных ситуаций расследования» [3].

Здесь очевидно сужение понимания данной категории до образа модели, в той или иной степени воссоздающей рассматриваемую обстановку. Данное модельное воспроизведение затрагивает лишь некоторые, пусть первостепенные, элементы процесса расследования, что характерно для описания «типичных следственных ситуаций», кото-

рые, как будет показано дальше, отражают лишь несколько элементов, относящихся к объективным или субъективным факторам. Утверждение Т.С. Волчецкой – «в соответствии со структурой той или иной ситуации следователь и будет выстраивать ее модель» [3, с. 31] – верно лишь до осознания того, что ситуация следственная – понятие динамичное, а элементы этой самой структуры находятся в развитии, изменении, часто детерминируя один другой.

Представляется, что к понятию следственной ситуации как некоей модели можно обратиться в случае разработки лишь перечня «типичных ситуаций» на определенном этапе расследования на базе строго определенного логического основания.

Перейдем к элементам следственных ситуаций, складывающимся при расследовании преступлений. Эти показатели определяют динамику и специфику организационно-тактической деятельности по расследованию в конкретных условиях. Они имеют различное значение. Одним из первых отечественных криминалистов отметил и четко определил объективные и субъективные факторы, которые формируют условия, совокупность которых составляет следственную ситуацию, патриарх отечественной криминалистики Рафаил Самуилович Белкин [5, с. 92-93].

К числу объективных, влияющих на формирование следственной ситуации, он отнес: наличие и характер имеющейся в распоряжении следователя доказательственной и ориентирующей информации, что зависит от механизма расследуемого события и условий возникновения его следов в окружающей среде; наличие и устойчивость существования еще неиспользованных источников доказательственной информации и надежных каналов поступления ориентирующей информации; интенсивность процессов исчезновения доказательств и сила влияющих на эти процессы факторов; наличие в данный момент в распоряжении следователя, органа дознания необходимых сил, средств, времени и возможность их использования оптимальным образом; существующая в данный момент уголовно-правовая оценка расследуемого события.

Субъективными факторами, связанными с личностями участников следственной деятельности и т.д. и влияющими на формирование следственной ситуации, являются: психологическое состояние лиц, проходящих по расследуемому делу; психологическое состояние следователя, уровень его знаний и умений, практический опыт; способность следователя принимать и реализовывать решения в экстремальных условиях; противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, а иногда и потерпевшего и свидетелей; благоприятное (бесконфликтное) течение расследования; усилия следователя, направленные на изменение следственной ситуации в благоприятную для следователя сторону; последствия ошибочных действий следователя, оперативного работника, эксперта, понятых; последствия разглашения данных предварительного расследования; непредвиденные действия потерпевшего или лиц, не причастных к расследуемому событию.

К слагаемым следственной ситуации относятся следующие группы компонентов:

- психологического характера (к ним относятся, прежде всего, проявления психологических свойств многочисленных участников расследования);

- компоненты информационного характера (речь идет в основном о степени осведомленности противоположных сторон, главным образом, касающейся собранных и еще не выявленных доказательствах);

- компоненты процессуального и тактического характера (многосторонняя деятельность органов расследования: компоненты процессуального и тактического характера: состояние производства по делу, доказательства и их источники; наличие надежных и еще не использованных источников ориентирующей информации; возможность избрать нужную меру пресечения, изолировать друг от друга проходящих по делу лиц, провести конкретное следственное действие; наличие тактического риска и возможности его минимизации; противодействие установлению истины со стороны преступника и его связей, а иногда и потерпевшего и свидетелей, последствия ошибочных действий следователя, понятых, специалистов и экспертов; непредвиденные действия потерпевшего или не причастных к расследуемому событию лиц, и т. п.);

- компоненты материального и организационно-технического характера (все, что не относится к первым трем группам, вплоть до мобильности следственно-оперативной группы и каждого в отдельности) (5, с. 631).

Вместе с тем, нам представляется, что в понятие мобильности следственно-оперативной группы следует отнести, например, снабжение ее транспортом и средствами связи. А это уже может зависеть от компонент психологического и может касаться компонент информационного характера, то есть может относиться и к другим группам компонентов [7, с. 470; 8, с. 83].

В следственной работе нереально предусмотреть все возможные следственные ситуации. Сочетание всех компонентов обусловливает индивидуальный характер каждой следственной ситуации в каждый момент производства расследования. Это обусловлено многообразием и степенью выраженности всех элементов и факторов. Тем не менее, в науке делается попытка «типизации» (разработки определенных типов) в общих чертах складывающихся ситуаций в конкретный период расследования по определенному виду (категории) преступлений. Данные ситуации получили название «типичных».

Например, предлагается восемь «типовых» (именно так они названы) следственных ситуаций при расследовании убийств:

1) убийство очевидное (открытое), убийца задержан и личность его известна;

2) совершено тайное убийство, без сокрытия трупа, без инсценировки, обнаруженное сразу или вскоре после убийства;

3) убийство тайное, недавнее, но неясен его механизм;

4) убийство тайное, в результате которого дело возбуждено по факту обнаружения неопознанного трупа;

5) убийство тайное и давнее, но предположительное, ибо обнаружены останки – череп и кости с остатками одежды;

6) тайное убийство, сопровождавшееся расчленением трупа на части и сокрытием этих частей;

7) исчезновение человека. Убийство тайное, давнее, но лишь предполагаемое, так как труп не обнаружен;

8) обнаружение трупа новорожденного. Убийство может быть совершено как матерью ребенка, так и иными близкими ей лицами [9, с. 533 – 534; 10, с. 590-592].

Представляется, что предложенная классификация может быть отнесена, скорее, к произошедшему, а не к ситуациям следственным, пусть и на определенный момент расследования.

Предложенные же типовые следственные ситуации по делам о половых преступлениях в основе своей имеют разные компоненты: личность преступника и момент задержания:

1) насильник знаком с потерпевшей;

2) половое посягательство совершено неизвестным лицом;

3) посягатель задержан при совершении преступления или сразу же после него [11, с. 548 – 549; 12, с. 607].

Сложно также выявить логическое основание, по которому предложены «типовые следственные ситуации» при расследовании изнасилований в авторских учебниках Н.П.Яблокова:

1. Потерпевшая порой не всегда правильно расценивает угрозу как психическое насилие, подчинившую потерпевшую воле насильника.
2. В практике встречаются случаи оговора лиц, известных заявительнице.
3. Потерпевшие подают заявления об изнасиловании под давлением других лиц, а затем меняют свое решение [13, с. 307 – 309].

Представляется, что предложенные во втором и в третьем изданиях данного учебника «типовые следственные ситуации» при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации являются, скорее, не следственными ситуациями, а изложением вопроса о выявлении совершенного противоправного деяния и установлении (неустановлении) лица, его совершившего.

«Ситуация 1 – собственник информационной системы самостоятельно выявил нарушения целостности и (или) конфиденциальности информации в системе, обнаружил причастное лицо и заявил об этом в правоохранительные органы;

Ситуация 2 – собственник самостоятельно выявил названные нарушения в системе, однако не смог обнаружить лицо и заявил об этом в правоохранительные органы:

Ситуация 3 – данные о нарушении целостности и (или) конфиденциальности информации в информационной системе и виновном лице стали общеизвестны или непосредственно обнаружены органом дознания (например, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий по другому делу» [14, с. 620 – 621; 15, с. 684].

Полностью совпасть все компоненты следственных ситуаций просто не могут. Причина этого не только в многообразии составляющих их элементов, но и в строгой индивидуальности аспектов, характеризующих преступление, и в определении конкретного момента расследования, по отношению к которому они разрабатываются. Часто приходится встречаться с так называемыми типичными ситуациями «первоначального этапа расследования». Ознакомление с этими самыми «типичными ситуациями» показывает, что в качестве логического основания для подобной типизации выбираются лишь некоторые элементы. В основном речь идет о наличии исходных данных, выявлении способов совершения преступления, противодействии расследованию со стороны определенных лиц. Наша точка зрения совпадает с мнением ведущих ученых, которые так выразили эту мысль: «Типизировать следственные ситуации можно лишь по одному из их компонентов, а если быть еще более точным, лишь по одному из образующих его элементов. Обычно в качестве объекта типизации избирается элемент, относящийся к компоненту информационного характера, а именно наличие информации о событии и его участниках» [16, с. 503].

Классифицировать можно по определенному логическому основанию. Практическую значимость описание лишь нескольких элементов из «типичных следственных ситуаций» какого-либо «этапа расследования» имеет относительную. И вообще, описывая выявленные следы, механизмы совершения преступления или поведение подозреваемых, вправе ли мы говорить в этом случае об уяснении сложившихся следственных ситуаций? Осмысление сложившейся следственной ситуации только тогда приобретает практическую значимость, она осознается сотрудником, участвующем в расследовании, когда установлено ее содержание и появляется возможность изменить отдельные ее составляющие. Действительно, следователь, составляя для себя модель сложившейся следственной ситуации в определенный момент расследования, включает в ее структуру определенные элементы, представляющиеся ему значимыми в данный момент. Уяснение сущности этих элементов позволяет следователю верно определить направление и стратегию всего расследования.

Без предложения этих самых «типичных следственных ситуаций» определенного момента расследования составили основополагающий учебник по криминалистике и ведущие отечественные ученые [17].

Итак, следственная ситуация – это обстановка, динамичная система, в которой происходит процесс расследования на том или ином этапе, обусловленная объективным положением дел и поведением лиц, участвующих в ее формировании.

В зависимости от состояния следственной ситуации в определенный момент следствия определяется стратегия самого расследования, разработка, планирование и тактика использования тактических приемов и следственных действий, определение и осуществление тактических комбинаций. С другой стороны, нюансы тактики их воплощения, применения тактических приемов, как стержневого элемента любой тактической комбинации обусловлены состоянием объективных и субъективных факторов, при которых на определенном этапе происходит расследование. Целью тактических комбинаций всегда является воздействие на складывающуюся в данный момент следственную ситуацию в целях ее изменения в интересах следствия.

Литература

1. Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М., 2001.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т.3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М.: Юристъ, 1997.
3. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987; Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М., 2001; Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. Калининград, 1997; Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Монография. М., 1997 и др.

4. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике. Калининград, 1997.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории - к практике. М.: Юрид лит., 1988.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М., 2001.
7. Луценко О.А. Следственная ситуация как основополагающая компонента следственной тактики // Юридическое образование на юге России: вчера, сегодня, завтра: Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию юридического факультета РГУ-ЮФУ. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. 2013.
8. Луценко О.А. Психологические аспекты следственной ситуации // Северо-Кавказский юридический вестник. Ростов-н/Д., № 4, 2012.
9. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
10. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
11. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
12. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005..
13. Яблоков Н.П. Криминалистика. М., 2000; Яблоков Н.П. Криминалистика. Учебник для вузов и юридических факультетов. М., 2003.
14. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
15. Криминалистика: Учебник / Отв. Ред. Н.П.Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.
16. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С.Белкина. М., 1999.
17. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. проф. Белкина Р.С. М., 1999.

НАШИ АВТОРЫ

Арзуманян Андрей Альбертович – ассистент кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического факультета ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», кандидат юридических наук. andrew71984@mail.ru

Бугаян Сусанна Асватуровна – преподаватель кафедры теории и технологий в менеджменте факультета управления ФГАОУВО «Южный федеральный университет». kisusanna@yandex.ru

Бурлачка Анна Олеговна – аспирантка кафедры финансового и административного права ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)». 8 863 264 39 54

Власов Андрей Васильевич – доцент кафедры экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат экономических наук. vlasov.an.vas@gmail.com

Волочай Сергей Николаевич – заведующий кафедрой криминалистики Первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук, майор юстиции. volochai1@yandex.ru

Вуколова Наталья Владимировна – аспирант кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУВО «Южный федеральный университет», адвокат Ростовской областной коллегии адвокатов. vukolovavn@yandex.ru

Головенко Георгий Юрьевич – адъюнкт ФГКОУ ВПО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», майор полиции. 8 863 278 61 07

Дмитриева Ольга Викторовна – доцент кафедры гражданского права юридического факультета ФГАОУВО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент. prok.dmitriev@yandex.ru

Зюзина Татьяна Евгеньевна – доцент кафедры теории экономики, менеджмента и права ФГБОУ ВПО «Донской государственный аграрный университет», кандидат юридических наук. 8 86360 368368

Ильина Марина Сергеевна – доцент кафедры экономики и менеджмента ФГБОУ ВПО «Государственный морской университет имени адмирала Ф.Ф. Ушакова», кандидат экономических наук. m_rzhevskaya@mail.ru

Казанин Максим Владимирович – консультант аппарата Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат политических наук. mkazanin@yandex

Катаева Ольга Владимировна – начальник кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВПО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук. Kataeva_70@ mail.ru

Кизим Анатолий Александрович – профессор кафедры мировой экономики и менеджмента ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», доктор экономических наук, профессор. arko1980@mail.ru

Константинова Марина Евгеньевна – бакалавр экономического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет». marina-love-93@mail.ru

Кочеткова Наталья Дмитриевна – старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел ФГКОУ ВПО «Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова», кандидат юридических наук. 8 4862 41 44 54

Лепетикова Ирина Юрьевна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского филиала ГКОУ ВПО «Российская таможенная академия», кандидат юридических наук. kafedra_gpd_rfrta@donrta.ru

Луценко Олег Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГАОУВО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент. maple78@mail.ru

Мамин Андрей Сергеевич – доцент кафедры административного и международного права ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат юридических наук, доцент. Mamin_andrei@mail.ru

Макогон Борис Валерьевич – докторант кафедры теории государства и права ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент. 8 812 744 70 76

Надежин Николай Николаевич – доцент кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВПО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент. belui_uo@mail.ru

Овчиев Руслан Михайлович – доцент кафедры конституционного и муниципального права Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук. 8 863 2036310

Позднышов Алексей Николаевич – декан юридического факультета ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)», доктор юридических наук, профессор. kfiap@yandex.ru

Ряпухина Ирина Анатольевна – доцент кафедры административно-правовых дисциплин ФГКОУ ВПО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», кандидат юридических наук, доцент. belui_uo@mail.ru

Сенцова Дарья Геннадьевна – бакалавр экономического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет». barsukkhan@mail.ru

Сергушко Роман Николаевич – аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». ergor80@mail.ru

Старыгина Арина Михайловна – заведующий кафедрой менеджмента НОУ ВПО «Ростовский социально-экономический институт», кандидат социологических наук, доцент. St.ar79@mail.ru

Султанов Алексей Джамалудинович – аспирант кафедры политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». aleksulta@yandex.ru

Ткаченко Виктория Зурабовна – студентка 5 курса юридического факультета ФГАОУВО «Южный федеральный университет». ttv231196@mail.ru

Устинова Ксения Александровна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения ФГБУН «Институт социально-экономического развития территорий РАН», кандидат экономических наук. ustinova-kseniya@yandex.ru

Халин Роман Васильевич – аспирант кафедры гражданского права и процесса АНО ВПО «Белгородский университет кооперации, экономики и права». 8 4722 26 08 48

Цакоева Мадина Артуровна – аспирантка кафедры частного права ФГОБУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет». madishka757@mail.ru

Чапчиков Сергей Юрьевич – доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», кандидат юридических наук. chapchikov@pochta.ru

Шепелева Юлия Леонидовна – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Первого факультета повышения квалификации (с дислокацией в городе Ростов-на-Дону) института повышения квалификации ФГКОУ ВО «Академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат политических наук, лейтенант юстиции. d.scully@rambler.ru